

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СИСТЕМЕ И В ДИСКУРСЕ

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ
ДИАХРОНИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Т
С
Д
И**

23

ДОНЕЦК

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СИСТЕМЕ И В ДИСКУРСЕ

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ, СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ,
ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Том 23

Электронное текстовое издание

Редакционная коллегия

д-р филол. наук, проф. В. Д. Калиущено (отв. ред.)
д-р филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров (зам. отв. ред.)

д-р филол. наук, проф. С. Н. Андреев (Смоленск)
д-р филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (Донецк)
д-р филол. наук, проф. Э. Ш. Генюшене (Санкт-Петербург)
д-р филол. наук, проф. С. М. Кравцов (Ростов-на-Дону)
д-р филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова (Донецк)
д-р филол. наук, проф. А. В. Ленец (Ростов-на-Дону)
д-р филол. наук, проф. Н. Б. Мечковская (Минск)
д-р филол. наук, проф. С. Г. Николаев (Ростов-на-Дону)

д-р филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина (Донецк)
д-р филол. наук, проф. А. Д. Петренко (Симферополь)
д-р филол. наук, проф. М. В. Пименова (Санкт-Петербург)
д-р филол. наук, проф. Г. Г. Слышкин (Москва)
д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов (Донецк)
д-р филол. наук, проф. Е. В. Тымчук (Краснодар)
д-р филол. наук, проф. З. А. Харитончик (Минск)
д-р филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова (Донецк)

Донецк 2025

УДК 81'37'42
ББК Ш10*006.13
Я412

Печатается по решению Учёного совета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол № 15 от 02.12.2025 года.

Рецензенты:

д-р филол. наук, доц. Е. В. Филатова
канд. филол. наук, доц. А. В. Воеводина

Я412 Языковые единицы в системе и в дискурсе [Электронный ресурс]: коллективная монография / Дроздов В. А., Ветрова Э. С., Усова Н. В., Фатьянова И. В., Растарасова Е. К. / под ред. В. Д. Калиущенко, Е. В. Трофимовой; ФГБОУ ВО «ДонГУ». – Донецк: ДонГУ, 2025. – 187 с. – (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования. Т. 23). – URL: <http://repo.donnu.ru:8080/jspui/handle/123456789/5232>.

Коллективная монография посвящена изучению проблематики языковых единиц в системе и в дискурсе. Цель работы состоит в изучении системных закономерностей и специфики функционирования языковых единиц в разных типах дискурса на материале английского, немецкого, лезгинского, русского языков, а также в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях. Монография обобщает результаты научных исследований преподавателей факультета иностранных языков Донецкого государственного университета. Издание предназначено для филологов, преподавателей, студентов и аспирантов и всех, кто интересуется проблемами лексико-семантических особенностей и специфики функционирования разноуровневых языковых единиц в разных видах дискурса.

Монография выполнена в рамках государственного задания по теме «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

ISBN 978-5-00262-023-4

УДК 81'37'42
ББК Ш10*006.13

Адрес редколлегии:

ул. Университетская, 24, 283001 Донецк
Тел.: +7(856) 302 09 22

© Коллектив авторов, 2025
© Донецкий государственный университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>РАЗДЕЛ I</i>	
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «НАИМЕНОВАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕТИСАЦИИ» В ЯМАЙСКОМ, БАГАМСКОМ И ТРИНИДАДО-ТОБАГСКОМ КРЕОЛЯХ.....	9
1. Вводные замечания и исходные положения.....	9
2. Классификация лексических единиц с признаками в карибских креолях.....	13
2.1. Первая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях.....	13
2.2. Вторая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях.....	22
2.3. Третья позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях.....	23
2.4. Четвёртая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях.....	25
2.5. Пятая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях.....	27
2.6. Шестая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях.....	32
2.7. Седьмая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях.....	35
2.8. Восьмая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях.....	38
3. Заключение.....	40
Список литературы.....	42
Список лексикографических источников.....	43
<i>РАЗДЕЛ II</i>	
ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ ОБРАЩЕНИЯ В ЛЕЗГИНСКОМ СЕМЕЙНОМ ДИСКУРСЕ	44
1. Постановка проблемы.....	44
2. Место семейного дискурса в системе дискурсивных практик и его лингвистические особенности.....	51
3. Этнокультурные особенности речевого этикета семейного общения в лезгинской лингвокультуре.....	57
4. Способы обращения к адресату в лезгинском семейном дискурсе.....	61
4.1. Культура семейных отношений у лезгин.....	61
4.2. Обращения младших к старшим.....	62
4.3. Обращения старших к младшим.....	68
5. Обращения в общении супругов.....	72
6. Заключение.....	76
Список литературы.....	78
Список лексикографических источников.....	82

<i>РАЗДЕЛ III</i>	
ОНИМНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	83
1. Вводные замечания и исходные положения.....	83
2. Художественная ценность поэтонима в совокупном звучании целого.....	86
3. Онимные средства актуализации 'смыслов' звучанием.....	92
4. Поэтонимия в русской поэзии.....	95
5. Типология поэтонима <i>Ленора</i> как феномена поэтического дискурса.....	111
6. Резюме.....	121
7. Заключение.....	122
Список литературы.....	122
Список интернет-источников.....	124
Список источников иллюстративного материала.....	124
<i>РАЗДЕЛ IV</i>	
ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ.....	125
1. Постановка проблемы.....	125
2. Дискурсообразующий концепт POLITICS в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков.....	127
3. Вербализация концепта STATE в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков.....	134
4. Реализация концепта PEOPLE в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков.....	140
5. Актуализация концепта POWER в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков.....	147
6. Заключение.....	155
Список литературы.....	164
<i>РАЗДЕЛ V</i>	
СИНТЕТИЧЕСКИЕ КОНВЕРСИВЫ И КОНВЕРСИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	166
1. Вводные замечания и исходные положения.....	166
2. Теоретические основы изучения конверсивности в языке...	168
2.1. Подходы к изучению категории конверсивности в языке..	168
2.2. Отношение конверсивности к смежным категориям.....	171
2.3. Терминологический аппарат исследования.....	172
3. Структурно-семантические свойства конверсивных рефлексивных глаголов немецкого и русского языков.....	175
3.1. Морфологические и грамматические свойства конверсивных НГ / РГ.....	175
3.2. Дистрибутивные свойства конверсивных РГ.....	176
3.3. Конверсивные и декаузативные РГ.....	178
3.4. Семантические типы немецких и русских конверсивных РГ.....	179
3.5. Семантические типы русских конверсивных РГ.....	180
4. Заключение.....	183
Список литературы.....	184
Список лексикографических источников.....	185
Информация об авторах.....	186

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая коллективная монография посвящена исследованию проблематики языковых единиц в системе и в дискурсе. Цель работы состоит в изучении системных закономерностей и специфики функционирования языковых единиц в разных типах дискурса на материале английского, немецкого, лезгинского, русского языков, а также в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях.

Монография представляет собой работу ученых – преподавателей факультета иностранных языков Донецкого государственного университета и выполнена в рамках научной темы государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах», номер госрегистрации 124012400351-9.

В разделе I (*автор Дроздов В. А.*) рассматривается проблема лексических заимствований в лексико-семантической группе «наименования со значением метисации в багамском, ямайском и тринидадо-тобагском креолях». В результате анализа материала исследования автор приходит к выводу, что семантическое развитие заимствований-инноваций в этих креолях происходит путём семантической деривации – метонимизации, метафоризации, сужения значения, каламбура.

Раздел II (*автор Ветрова Э. С.*) посвящен исследованию этикетных формул обращения в лезгинском семейном дискурсе. Отмечается, что речевое поведение лезгин в рамках семьи основывается на таких универсальных морально-этических принципах, как почитание старших, забота о младших, взаимоуважение между супругами. Однако коммуникативная реализация данных принципов в лезгинской лингвокультуре имеет национально-специфический характер. Патриархальный уклад дагестанской семьи, основанный на жестком

разграничении мужских и женских ролей с безусловным главенством мужчины, подчиненным положением женщины и приоритетной ролью старших по возрасту родственников, способствовал формированию особого типа речевого поведения, в основе которого – строгая регламентация общения, эмоциональная сдержанность, соблюдение различных табу. По мнению автора, о высокой культуре родственных отношений лезгин свидетельствует наличие богатого арсенала обращений, в качестве которых используются термины родства, имена собственные, метафорические номинации. Самыми распространенными и востребованными являются термины родства, что подчеркивает приоритетную роль семейно-родственных отношений в жизни дагестанского общества. Большинство обращений-терминов родства стилистически нейтральны и уместны в любой ситуации общения. Это вполне согласуется со строгим, сдержанным характером лезгинского семейного общения, который не допускает фамильярности и излишней эмоциональности. Обращения-термины родства, как правило, полисемантичны и адресуются членам семьи, занимающим разные позиции в семейной иерархии. При этом особенности обращений, называющих родственников со стороны отца и матери, свидетельствуют о более высоком ранге родственников со стороны отца. Э. С. Ветрова делает вывод о том, что лезгинские этикетные формулы обращения, используемые в рамках семейного общения, содержат уникальную информацию о национальной самобытности лезгин, особенностях их культуры, мировосприятия, норм речевого поведения и ценностных приоритетах, сформированных в течение многих веков.

Усова Н. В. в разделе III предлагает исследование онимной лексики в поэтическом дискурсе. Автор исходит из теоретико-литературной концепции целостности произведения, обусловленной единством формы и содержания поэтического текста, что в итоге служит максимально полному выражению авторского замысла. Художественная

значимость поэтонима в поэтическом произведении связана с его ролью в создании художественного образа. Полученные в результате исследования данные позволяют решить целый ряд задач, среди которых: способы актуализации поэтических смыслов онимными средствами, функции имён собственных в литературных произведениях, роль поэтонимов в общей звуковой и композиционной организации стихотворного произведения, механизмы интеграции поэтонимов на разных уровнях стиховых структур, качество интегративных процессов и степень участия в них звуковых особенностей поэтических имён. Эмпирической базой исследования является поэтонимия в русской, немецкой, английской поэзии (М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, А. Блок, Г. А. Бюргер, Э. А. По). Таким образом, автор приходит к выводу о дискурсивной ценности поэтонимов в художественном пространстве.

В центре внимания работы *И. В. Фатьяновой* (раздел IV) находится американский политический дискурс XX – начала XXI веков. Комплексная методика, сочетающая когнитивно-дискурсивный и диахронический подходы к анализу языкового материала, позволяет проследить динамику концептуального пространства и особенностей вербализации американского политического дискурса в XX – начале XXI веков. Материалом исследования послужили официальные речи президентов США указанного периода. Автор приходит к выводу, что концепт POLITICS является дискурсообразующим концептом американского политического дискурса XX – начала XXI веков, объединяя в себе компоненты, присущие таким дискурсообразующим концептам как POWER, STATE, PEOPLE и национально-маркированным AMERICA, DEMOCRACY, LIBERTY, PRESIDENT и др. Особое внимание в работе уделяется особенностям реализации концептов разноуровневыми языковыми средствами. В результате проведенного анализа установлены следующие продуктивные языковые средства актуализации концептов: фразеологизмы, пословицы, поговорки, имена собственные,

терминологизмы, идеологемы, мифологемы, эвфемизмы, стилистические приемы. Среди синтаксических средств ведущими являются сложноподчиненные предложения, семантический повтор, синтаксический параллелизм, отрицательные предложения, антитеза, анафора. Изучение семантической организации концептов позволило выделить репрезентативные семантические признаки, обусловленные сложной иерархической структурой концептов и указывающие на значимые понятия в концептосфере американского политического дискурса XX – начала XXI веков. И. В. Фатьянова также обращается к исследованию концептуальной метафоры как продуктивного способа вербализации концептов, далее автор приводит доминирующие метафорические модели.

Растарасова Е. К. в разделе V обращается к феномену конверсивности. На материале конверсивных рефлексивных глаголов и конверсивных конструкций в немецком и русском языках выделяются и анализируются конверсивные отношения в сфере конверсивных рефлексивных глаголов, декаузативных рефлексивных глаголов, анализируется семантика и дистрибутивные свойства рефлексивных конверсивов в немецком и русском языках, устанавливаются общие и отличительные семантические типы немецких и русских конверсивных рефлексивных глаголов, определяется их мотивирующая база.

*От редакции
Е. В. Трофимова,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры английской филологии ДонГУ*

РАЗДЕЛ I

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «НАИМЕНОВАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕТИСАЦИИ» В ЯМАЙСКОМ, БАГАМСКОМ И ТРИНИДАДО- ТОБАГСКОМ КРЕОЛЯХ

1. Вводные замечания и исходные положения

Страны Вест-Индии входят в особый регион – карибские страны. Для исторических судеб народов этого региона нельзя не выделить значение Карибского моря. Не случайно этот регион мира называют «Американским Средиземноморьем». В этом регионе сосредоточено большое количество креольских языков, которые обнаруживают конгломерат самых различных влияний.

При написании данной работы мы руководствовались высказыванием известного французского лингвиста Клода Ажежа о том, что креольские языки являют собой редкий в гуманитарной области эксперимент «без протоколирования», протекающий в природной лаборатории, в которой сложились условия для рождения нового языка [Ажеж 2003: 30].

Заметим, что пиджин не является родным ни для кого из говорящих. В определенных условиях расширенный пиджин может становиться родным для какого-либо языкового коллектива (т. е. нативизироваться). При этом еще более расширяются его коммуникативные функции и совершенствуется его структура. Такой язык определяется как креольский [Дьячков 1987: 8-9].

Социальная иерархия в рабовладельческом обществе Вест-Индии в XVII–XVIII веках была неразрывно связана с цветом кожи. На протяжении нескольких веков принадлежность к негритянской части населения была символом социальной неполноценности. Придавалось огромное значение даже оттенкам кожи, и чем пигментация ее была

светлее, тем выше был социальный статус и престиж человека. [Нитобург 1982:16].

Тринидад и Тобаго – государство на двух островах, расположенное вблизи северо-восточного побережья Венесуэлы. Эти острова были открыты Колумбом в 1498 г. Имя Тринидад («троица») было подсказано Колумбу видом трёх вершин южной гряды острова. Название Тобаго произошло от изменённого испанского слова «табак». Исконными жителями Тринидада были индейцы араваки. Свою родину они называли Иёре, что значит «страна колибри». Испанская колонизация островов шла медленно. Этим воспользовались французские плантаторы, бежавшие вместе со своими рабами с острова Гаити от революции. В 1797 г. Тринидад был захвачен английской экспедицией, а в 1802 г. официально передан Англии. Тобаго был окончательно закреплён за Великобританией в 1814 г. [Страны 1981: 322].

В 140 км к югу от Кубы лежит остров Ямайка. Колумб открыл Ямайку в 1494 г. За полтора столетия испанского господства на острове индейцы были уничтожены почти полностью. Первые партии рабов из Африки на Ямайку были доставлены в начале XVI в. Англичане превратили остров в грандиозный невольничий рынок и в крупную «сахарную» колонию. В XVIII в. соотношение негров-рабов и белых превышало 10:1. Среди рабов преобладали западноафриканцы – короманти. В неприступных горно-лесных районах Ямайки действовали маруны – беглые негры-рабы, отстаившие свою свободу с оружием в руках. Попытки плантаторов ввозить рабочую силу из Индии и Китая большого успеха не имели. В 1962 г. Великобритания была вынуждена предоставить Ямайке независимость [Страны 1981: 254]. Одной из характерных особенностей стран Карибского архипелага является чрезвычайно пёстрый в расовом и этническом отношении состав населения [Нитобург 1982: 8].

Юго-восточнее полуострова Флорида расположен Багамский Архипелаг, состоящий из 700 островов, из них обитаемых только 30. Свыше 80% населения Багам составляют мулаты и негры, потомки рабов, привезенных на острова в XVIII–XIX веках. Белое население немногочисленно.

В данном исследовании рассматривается лексико-семантическая группа (далее ЛСГ) существительных, объединенных понятием ‘метисация’ в тринидадо-тобагском, багамском и ямайском креолях. Понятие ‘метисация’ получило широкое распространение и развитие в странах Центральной Америки. Метисация – процесс смешения различных рас современного человека и возникновения целой серии специализированных обозначений метисов, т. е. группы лиц европеоидно-индейского происхождения, а также мулатов – людей европеоидно-негритянского происхождения [Страны 1981: 28].

На Ямайке и Тринидаде «высший класс» в первой половине XX века состоял из «белых и светлокожих», «средний класс» – из коричневых и отчасти черных, «низший класс» – из черных [Нитобург 1982: 17].

Иерархия специализированных обозначений метисации приведена в исследовании К. Кэмпбелла: ‘*The colour rating in Trinidad in descending order was something like this: whites, quadroon, mestee, costee, mulatto, cabre, mongrel, sambo, blacks*’ [DTrTCr 2009: 595; Campbell 2016: 60] ‘В тринидадо-тобагском креоле иерархия специализированных обозначений по цвету кожи в порядке убывания ранга расовой принадлежности следующая: *whites* ‘белые’, *quadroon* ‘квартеоны’, *mestee* ‘метисы’, *costee* ‘кости’, *mulatto* ‘мулаты’, *cabre* ‘кабре’, *mongrel* ‘полукровки’, *sambo* ‘самбо’, *blacks* ‘чернокожие’.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью диахронных аспектов территориального варьирования англоязычных карибских креолей.

Цель исследования – на примере лексико-семантической группы «Наименования с значением метисации» (далее НЗМ) показать, как развивается английский язык на новой территории своего распространения, представленной территорией тринидадо-тобагского, багамского и ямайского креолов в Карибском бассейне, а также при каких условиях при неизменном плане выражения появляется новый план содержания.

Данная цель предусматривает решение следующих **задач**:

1) установить изоморфные признаки наименований со значением метисации в тринидадо-тобагском и ямайском креолях Карибского бассейна;

2) выявить алломорфные признаки наименований со значением метисации в тринидадо-тобагском и ямайском креолях;

3) описать семантические пути развития лексических заимствований с значением метисации в багамском, тринидадо-тобагском и ямайском креолях.

Объектом исследования являются тринидадо-тобагский, багамский и ямайский креоли.

Предметом исследования являются наименования с значением метисации в исследуемых креолях.

Методы исследования: анализ словарных дефиниций, сопоставительный метод, контекстуальный анализ.

В качестве **материала исследования** были использованы лексемы различных словарей карибских креолов на англоязычной основе.

Общий объем проанализированных языковых явлений составляет 1688 заимствований в ККАО (из них 722 заимствования в тринидадо-тобагском креоле, 615 заимствований в ямайском креоле, 351 заимствование в багамском креоле), отобранных методом сплошной выборки из словарей ККАО. По проблеме заимствований имеются следующие публикации: Л. С. Алпеева [Алпеева 2019: 188],

Д. Н. Шмелёв [Шмелёв 2002: 608], Вине Мари-Терез [Vinet 2017: 177], Чиру Костин Габриэл [Chiru 2018: 4], Fouad Seridj [Fouad 2019: 199]. По проблемам креолей и пиджинов использовались статьи сборника Новое в лингвистике [НЛ № 6]. По вторичной номинации использовались новейшие публикации Ш. Р. Басырова [Басыров 2019: 2-278; Басыров 2024: 32-40; Басыров 2025: 95-100].

2. Классификация лексических единиц с признаками в карибских креолях

2.1. Первая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях

В багамском креоле к первой позиции в иерархии наименований по цвету кожи представителей Вест-Индии к белым (whites) относятся 12 подгрупп: *cracker, conky Joe, red, hard-red, bright, pinky, yaller, high yellow, yellow folk, fair-skin, light-skin*. Багамские цветные (*coloureds*) включают 9 подгрупп: *coloured, dingy, smokey, dusty (dustee), muddy (-brown), chocolate-brown, brown-skin, mix-up, mixtured*. Багамские чернокожие (*blacks*) состоят из 6 подгрупп: *sambo, shine, navy-blue black, off-black, scrubby = scrubby black, smooth black*.

В багамском креоле наименования со значением метисации, в частности, белой расы следующие:

НЗМ *Cracker* ‘белый бедняк или почти белый житель Багам’. [Ср. *US Black* ‘белый человек’ (уничижит.); ‘белый бедняк’, особенно из штата Джорджия; предполагают, что, название происходит от слова *cracking* ‘щелканье хлыстом или раскалывание зерен’] (*перевод здесь и далее – В. А.*). Например: *That cracker come from Spanish Wells, but now he have a business in Nassau <Nassau> = Conky Joe* [Holm

1982: 53] ‘Тот багамский бедняк родом из Спэниш Уэллса, но сейчас у него бизнес в Нассау’.

Англ. *Cracker of corn/whips* ‘тот, кто раскалывает зерна или щелкает хлыстом’ (как привычное занятие) → *Cracker* (эллипс англ. словосочетания) → метонимия → БагамКр *Cracker* ‘белый бедняк или почти белый житель Багам’.

НЗМ *Conky Joe* сущ. ‘любой белый или почти белый житель Багам’ (равноценно ниггеру по коннотации). [‘*Conky* (уст.) ‘белый или почти белый житель Багам’ + *Joe*’ = ‘любой’ (e.g. *G.I. Joe, Joe Blow*)].

Например: 1942. *Conchie Joes. ... white Bahamians* ‘Эти бледнолицые Джо – белые жители Багам’. 1971. *Whatever slot of the colour scale – black, coloured, Conky Joe or high yellow* ‘Относящийся к любой позиции в иерархии по цвету – чёрный, цветной или почти белый житель Багам или же совсем светлокожий’. 1973. *Conky Joes are by no means white. They are of a hard red complexion, usually a cross between a white and a black. If they came out light enough, for social advantages that they have had access to, they act white. “Red Conky Joe” is a very hostile name* [Holm 1982: 49] ‘Бледнолицые ни в коем случае не белые. Они полукровки от смешения крови белых и чёрных. Если им легко доставались социальные преимущества белых, они поступали как белые. Светлокожие бледнолицые Джо – это кличка полная неприязни’;

Conch ‘большая морская улитка (*Strombus sp.*), включенная в рацион жителей Багам’; ср. *Conch* ‘местное наименование низшего класса жителей Багам, Флоридских отмелей, вызванное широким употреблением ими в пищу больших морских улиток (*conchs*)’ [COED 1993: 307 / 660].

Семантическое развитие производного багамского значения ‘низший класс жителей Багам, Флоридских отмелей’ от исходного значения ‘большая морская улитка (*Strombus sp.*)’ происходит путём

метонимии и может быть показано при помощи следующей метонимической формулы:

conch ‘большая морская улитка (*Strombus sp.*), включенная в рацион жителей Багам’ → метонимия → БагамКр *Conch* ‘местное наименование низшего класса жителей Багам, Флоридских отмелей, вызванное широким употреблением ими в пищу больших морских улиток’ [COED 1993].

Семантическое развитие производного багамского наименования происходит на основе смежности путём метонимии по модели «пищевой продукт → жители, употребляющие данный продукт в пищу».

НЗМ *Conch* n 1. (Уст.). *Conch (Obs.) any native Bahamian (white or Black)* [Holm 1982: 47] ‘любой житель Багамских островов (белый или чернокожий)’. *Conch, Conky, conchy, conchi* сущ. 1. *Obs. a white or near-white Bahamian [conch + -y (уменьшительный суффикс)]* [Holm 1982: 48] (уст.) ‘белый или почти белый житель Багам’.

НЗМ n *red* ‘(почти) белый человек’ [(ср. *Red* adj ЛСВ-2; АМА *Black redbone* ‘чернокожая женщина с светлым цветом кожи’] [Holm 1982: 167] ‘чернокожая женщина с светловатым цветом кожи’.

НЗМ [*Hard-red* [ср. *red*] adj. *having a light-brown complexion, esp with tightly curled hair, often tinged with reddish-gold (somewhat derogatory)*]. *Hard-red* [ср. *red*] имя прил. ‘имеющий светло-смуглый цвет лица, с сильно вьющимися волосами светло-золотистого цвета’ (несколько уничижит.).

Например: 1973. *Conky Joes are by no means white. They are of a hard red complexion, usually a cross between a white and a black* [Holm 1982: 100] ‘Багамцы совсем не белые. Они светло-смуглые, обычно, они – результат скрещивания белой и черного’.

НЗМ *Bright* имя прил. 1. также *bright-skin* ‘имеющий светлый цвет лица, как у мулата’ [US *Black* то же (*Major*); ср. OED “*Sally she a Badian bright mulatto*” ‘Сэлли – светлокожая мулатка из Барбадоса’;

ср. *chacha* = *bright* ‘имеющий светлый цвет лица, как у мулата’ (о цвете кожи)].

Например: 1978. *A bright-skin feller name Biggie from Okre Hill* (Dyruch 31) ‘Светлокожего мулата из Окре Хилл звали Бигги’. *Too many people are concerned with how bright their skin is* (COB) ‘Слишком многие озабочены проблемой, насколько они светлокожие’. 2. *Golden or tan in color* ‘золотистый или желтовато-коричневый’: *It wasn't this dark-brown sugar – it was pretty and bright* (White) ‘Это не был цвет жженого сахара – кожа была светлой и приятной’ [Holm 1982: 28].

НЗМ *Pinky* имя прил. [ср. US Black: В английском языке чернокожих американцев: ‘(о чернокожем) с очень светлой кожей’ [ср. US *Black Pinky* ‘очень привлекательная светлокожая цветная девушка’; *pink boy* ‘белый мужчина’ (Folb); согласно словарю OED *Pinky* ‘имеющий оттенок розового цвета’] [Holm 1982: 156].

НЗМ *Yaller* имя прил. ЛСВ-2. [*Yaller* adj 2. [cf *red* 1.] *of a range of colors including tan, yellow, orange and red. Cf. equivalence of Yellow grits & red grits or yellow nicker and red nicker*] [Holm, 1982: 225]. [ср. *red* 1.] ‘о спектре цветов кожи, включающих желтовато-коричневый, желтый, оранжевый и красный цвета’. Ср. эквивалентность и соотнесённость цвета в наименованиях ‘желтая овсяная крупа и красная овсяная крупа’, ‘желтое и оранжевое растение *Caesalpinia bonduc*’.

НЗМ *Yaller* имя прил. ЛСВ-3. *Yaller* ‘мулат’ *mulatto*. [ср. US *Black high yaller* ‘светлокожий афро-американец’ (Major); ср. *Yaller* 2; гаитянский язык *jaune* ‘светлокожий’ то же (Gaujean p.c.)] = *Yaller* [ср. US *Black high yaller* ‘светлокожий афроамериканец’ (Major); ср. *Yaller* 2; гаитянское *jaune* то же (Gaujean p.c.)].

Например: 1795 *run away... of a yellow complexion* ‘Беглый раб – светлокожий’. 1888 *A pretty young yellow girl* (Powles 173) ‘Хорошенькая светлокожая девушка’. Ср. *high, yellow, yellow folk* [Holm 1982: 225].

НЗМ *high yellow* имя прил. *having a light brown complexion* ‘имеющий светловато-смуглый цвет лица’ [а также US *Black* (Major), dial ADD; ср. Car *high color* ‘с очень светлой кожей, хотя и смуглой’ то же DJE, ‘возможно, родственное слову *high*’ в обороте ‘*high in the social scale*’ ‘занимающий высокое социальное положение’ DJE, + *yellow* 3) *mulatto* ‘мулат’].

Например: 1973 *Black, colored, Conky Joe or high yellow* (Missick 53) ‘Чернокожий, цветной или имеющий светловато-смуглый цвет лица’. *They love them high yellow gals, even if they cripple* [Holm 1982: 103] ‘Их любят светловато-смуглые девушки, даже если эти мужчины калеки’.

Например: НЗМ *Yellow folk* [ср. *Yaller* 3] сущ. 1. ‘светлокожие мулаты’. [*Yellow folk* [cf *Yaller* 3] n 1. *Light-skinned mulattoes* ‘светлокожие мулаты’]. Например: *Yellow folk are people who are more white than colored* [Holm 1982: 225] ‘Светлокожие мулаты – люди в большей степени белые, чем цветные’.

НЗМ *Fair-skin* прил. ‘со светло-смуглым цветом лица и мягкими, волнистыми волосами’ *having a light brown complexion and soft, wavy hair*; [карибское; ср. OED *fair* ‘с светлым цветом лица и светлыми волосами в противоположность темным’] [*Fair-skin* [Car.; cf OED ‘*fair*’ of complexion and hair: light as opposed to dark]]. Например:

Plenty Long Island’s people’s be fair-skin like her [Holm 1982: 72] ‘Много людей из Лонг-Айленда – со светло-смуглым цветом лица, вот как у неё’.

НЗМ *Light-skin* [карибское] прил. ‘со светлым цветом лица’. [*Light-skin* [Car] adj. *having a light brown complexion*] [Holm 1982: 123] ‘имеющий светло-смуглый цвет лица’.

В тринидадо-тобагском креоле первое место в иерархии по цвету кожи к белым (*whites*) в качестве неосновной группы относятся *shabine*, *chaben* (m) – *chabin* (f), *beke-neg* (т. е. *backra nigger*) [DTrTCr 2009: 805]. В цитируемом словаре дается следующая трактовка значения лексемы

shabine [DTrTCr Ibidem]. ‘*Shabeen* – человек со светлым цветом лица, курчавыми, светлыми волосами, негроидными чертами, с веснушками и светлыми глазами’; (< Фр. Кр *chabin* ‘самка’, *chaben* ‘самец’ ‘светлокожий человек’ < Фр. ‘*chabin* – ‘разновидность овцы с длинной густой шерстью. Когда-то считалось, что она гибрид овцы и козла’) = *beke neg* (Trin) = *an albino* (Trin) ‘альбинос’ [DCEU 1996: 91].

Например: 1956. *Chabeen, mulatto of fair complexion with reddish negroid hair* ‘Светлокожий мулат со светлыми волосами негроидного типа’. 1968. *Another shabeen again! ... Since a living here these ten years, I eh see one nigger child enter that gate* ‘Еще один светлокожий! Уже десять лет живу здесь и только один раз видел, как черномазый малыш заходил в эти ворота’. 1973. *Louis was a tall thin boy with freckles and yellow kinky hair, sometimes known as ‘Reds’ and sometimes known as ‘Shabeen’*. *When he was young they used to call him “Shabeen” and he was still very light skinned, still had hair that was so kinky that Leslie wondered if he could get a comb through it* [DTrTCr 2009: 805] ‘Луис был высоким стройным мальчиком, в веснушках и с курчавыми волосами. Его называли то Светлолицый, то Мулат. В юности его называли Светлолицый. Волосы у него были такие курчавые, что Лесли было интересно, брала ли расческа волосы Луиса’.

Семантическое развитие заимствования-инновации тринидадо-тобагского креоля на основе метафорического переноса можно показать в виде следующей метафорической формулы:

Фр *chabin* (*shabine*) ‘овца с длинной густой шерстью; гибрид овцы и козла’ → ФрКр *chabin* (ж.), *chaben* (м.) ‘светлокожий человек’ → метафора → ТрТКр *chabin* ‘полукровка; человек-альбинос (= *beke neg*) со светлым цветом лица, курчавыми, светлыми волосами, негроидными чертами, веснушками и светлыми глазами’.

Семантическое развитие заимствования-инновации ТрТКр *chabin* (*shabine*) происходит в соответствии с моделью «животное → человек».

В ямайском креоле первое место в иерархии наименований по цвету кожи к белым (*whites*) в качестве неосновной группы относятся многочисленные наименования негров-альбиносов.

Первую подгруппу образуют многочисленные примеры, когда производное наименование ЯмКр ‘негр-альбинос’ представляет собой метафорическое переосмысление исходного наименования животного по модели «животное→человек». Например:

kwisel < *kriich-oul* < *screech-owl*; *quichole* ‘сипуха; предвестник несчастья’ → метафора → ЯмКр *kwisel* (*derog.*); < *kriich-oul* < *screech-owl*; *quichole* [DJE, 1967: 291] ‘негр-альбинос’ (уничижит.);

white cockroach ‘белый таракан’ → метафора → ЯмКр НЗМ *white cockroach* [DJE, 1967: 470] ‘негр-альбинос’;

puss ‘кошка’ → метафора → ЯмКр НЗМ *puss* (*derog.*) [DJE 1967: 368] ‘негр-альбинос’ (уничижит.);

НЗМ *mongoose* ‘мангуста’ → метафора → ЯмКр *mongoose* [DJE 1967: 303] ‘негр-альбинос’;

НЗМ *kwaab* ‘мелкая рыбешка’ → метафора+бленда с *squab* → ЯмКр *kwaab* (blended with *squab* = a variety of the parrot fish) [DJE 1967: 267] ‘негр-альбинос’;

Вторую подгруппу образуют имена существительные и прилагательные, которые образуют НЗМ ЯмКр ‘негр-альбинос’ в соответствии с метонимией.

НЗМ *copper-color* ‘цвета меди’ → метонимия → ЯмКр *copper-color* (euphemistic) [DJE 1967: 121] ‘негр-альбинос’ (эвфемизм);

НЗМ *sidepork* ‘свиной бочок’ → метонимия → ЯмКр *sidepork* (*derogat.*) [*from the sallow colour of a sidepork*] [DJE 1967: 409] ‘негр-альбинос’ (из-за желтоватого цвета бочка свинины) (уничижит.);

НЗМ *mango colour* ‘цвета манго’ → метонимия → ЯмКр *mango colour* [DJE 1967: 291] ‘негр-альбинос’;

НЗМ *ripe banana* ‘зрелый банан’ → метонимия → ЯмКр *ripe banana* (joc & derog) [DJE 1967: 382] ‘негр-альбинос’ (шутливое и уничижит.);

Во всех этих случаях в ямайском креоле семантическое развитие данного производного наименования со значением метизации, опирается на метонимию по модели «цвет → человек, имеющий данный цвет кожи».

Третью подгруппу образуют НЗМ ЯмКр, производные от исходного значения ‘приметы внешности или черты характера человека → человек определенной расы с этими чертами характера или приметами внешности’.

Например: *Quaw* 1868. *An ugly stupid-looking man, with grey eyes is called a Qruaw by way of derision* ‘Безобразного человека с глупым видом называют в насмешку фриком’. 1943. *Kwaw, Negro freak* ‘негр-фрик’ по addr. *Quaw, A very white person whose parents are black* ‘Очень светлогокожий человек, у которого родители – негры’. 1952. /kwaau/ *albino negro* [DJE 1967: 371] ‘негр-альбинос’.

НЗМ *Quawu* [kwa-a-i] сущ. диал.; *an albino negro* ‘негр-альбинос’ (*Evid a familiarising form = Qruaw* [DJE 1967: 369] = *Quaw* 3). Например:

1943. *Quay, a red colour person* ‘светлогокожий с негроидными чертами’. *Quawe, albino* [DJE 1967: 371] ‘альбинос’.

НЗМ *dundus* [DJE 1967: 164] ‘фрик; ненормальный’ → метонимия → ЯмКр *dundus* ‘негр-альбинос’;

НЗМ *fliik* (‘ламбдаизм’ <*freak*) [DJE 1967: 182] ‘фрик’ → метонимия → ЯмКр *fliik* ‘негр-альбинос’;

НЗМ *glimpse* [*allusion to his weak squinting eyesight*] [DJE 1967: 198] ‘косоглазый’ → метонимия → ЯмКр *glimpse* ‘негр-альбинос’;

НЗМ *freckle nature* [DJE 1967: 187] ‘веснучатый, конопатый’ → метонимия → ЯмКр *freckle nature* ‘негр-альбинос’;

НЗМ *white labour* (joc.) [DJE 1967: 471] ‘белый слуга’ (шутл.) → метонимия → ЯмКр *white labour* ‘негр-альбинос’;

НЗМ *whitey-whitey* [DJE 1967: 473] ‘белый’ → метонимия → ЯмКр *whitey-whitey* ‘негр-альбинос’;

НЗМ *Norwegian (derogat)* [DJE 1967: 324] ‘норвежец’ (уничижит.) → метонимия → ЯмКр *Norwegian* ‘негр-альбинос’; (в основе переосмысления ‘светлый цвет лица’);

НЗМ *parrot-eye (derogat.)* [DJE 1967: 340] (уничижит.) ‘глаза как у совы’ → метонимия → ЯмКр *parrot-eye* ‘негр-альбинос’;

НЗМ *puss-eye (derogat.: squinting eyes)* [DJE 1967: 368] (уничижит.) ‘косоглазый’ → метонимия → ЯмКр *puss-eye* ‘негр-альбинос’;

НЗМ *speckle* [DJE, 1967: 420] ‘пестрый, рябый (о курице)’ → метонимия → ЯмКр *speckle* ‘негр-альбинос’;

язык тви НЗМ *Quaw ‘a stupid ugly person’* [DJE 1967: 371] ‘глупый, безобразный человек; «деревня»’ → метонимия → ЯмКр *quaw* ‘негр-альбинос’;

язык тви НЗМ *patu-eye (derogat.)* ‘совиные глаза’ [DJE 1967: 342] (уничижит.) ‘безобразный и глупый человек’ → метонимия → ЯмКр *patu-eye* ‘негр-альбинос’;

язык тви НЗМ *ungguru (Twi to break down, to languish ‘чахнуть’)* [DJE 1967: 457] ‘чахнувший’ → метонимия → ЯмКр *ungguru* ‘негр-альбинос’;

исп. НЗМ *grey-bo = grey boza* [DJE 1967: 209] ‘босаль; глупый или апатичный человек’ → метонимия → ЯмКр *grey bo(za)* ‘негр-альбинос’. Заметим, «босалями» в Вест-Индии называли рабов, ввезенных из Африки.

язык хауса НЗМ *mudu; muduk* [DJE 1967: 310] ‘человек с неприятной внешностью’ → метонимия → ЯмКр *mudu; muduk* ‘негр-альбинос’;

(SE Nigeria) НЗМ *white eboe / ibo* [DJE 1967: 470] ‘белые, презираемые неграми кроманти на юго-востоке Нигерии’ → метонимия → ЯмКр *white eboe* ‘негр-альбинос’; *eboe* ‘человек светлой или желтой расы’.

2.2. Вторая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях

В тринидадо-тобагском креоле вторую ступень иерархии по цвету кожи занимают *quadroons* ‘квартероны’ или ‘квадруны’. *Quadroon is the offspring of a white person and a mulatto; one who has a quarter of Negro blood* [COED 1993: 1483 / 962] ‘Квадрун – потомок белого и мулатки, тот у кого одна четвертая часть негритянской крови’.

Например: 1707. *The inhabitants of Jamaica are for the most part Europeans who are the Masters, and Indians, Negros, Mulatos, Alcatrazes, Mestises, Quarterons, &c. who are the Slaves* ‘Жители Ямайки большей частью европейцы-хозяева, а индейцы, негры, мулаты, метисы, кварталероны – рабы’. 1793. *Castaing is described as a small dark mulatto, and La Chaise as a Quateron* ‘Кастенг по описанию – маленький темнокожий мулат, а Лашез – кварталерон’. 1880. *That brute goes with a quadroon to a restaurant* [COED 1993: 1483 / 962] ‘Этот «зверь» ходит в ресторан с кварталероном’.

В ямайском креоле вторую позицию в иерархии по цвету кожи занимает квадрун или кварталерон. Например: 1818. *From the mulatto and white comes the quadroon* [DJE 1967: 312] ‘От мулата и белой рождается кварталерон’.

Семантическое развитие неологизма *quadroon* можно представить в следующем виде: исп. *cuarto* ‘четвертый’ → исп. *cuarteron* > фр. *Quarteron* → метонимия → ТрТ Кр *quadroon* [‘современная форма, возможно, образовалась по аналогии с другими формами, начинающимися с *quadr-*’] [COED 1993: 1483 / 962]. В основе переноса наименования по метонимии лежит смежность, сопредельность в пространстве по модели: «четверть (негритянской крови) → человек с одной четвертью (негритянской крови)».

Другим аллонимом квартерона в ямайском креоле является архаизм *castee*. *Castee s obs; on the analogy of mustee. A quadroon, or person of one-eighth negro and seven-eighth white blood. 'Castee (арх.) 'касти' – образовано по аналогии с mustee 'мусти'. Квартерон или человек с 1/8 частью негритянской кровли и 7/8 частями белой крови'.*

Например: 1740. *There are also Mulatoes and Mustees: the first are from a Negroe and white man; the other is from the second generation; and the third are called Castees* [DJE 1967: 95] 'Кроме того, есть мулаты и мусти. Мулаты – от скрещивания негритянки и белого; мусти – результат скрещивания во втором поколении. Результат скрещивания в третьем поколении – гибриды касти'.

2.3. Третья позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях

Третье место в иерархии по цвету кожи в **Тринидаде и Тобаго** занимают метисы – *mustee* 'мусти' или *mestee* 'мести'. Происхождение слова *mustee* 'мусти' и его варианта *mestee* 'мести' (1699 г.) приведены в словаре [SOED 1964: 1302], а именно: 1588. *Sp. Mestizo, Pg. mestiço, (= Pr(ovancal) mestis 'полукровка', F. metis 'метис' → popular L. type mixtīcius, f. L. mixt-us, pa. pple. of miscēre 'смешивать'. Путь развития слова mustee 'мусти' и его варианта mestee 'мести' в тринидадо-тобагском креоле имеет следующий вид: лат. miscēre смешивать > лат. (причастие II) mixt-us 'смешанный' → народная лат. mixtīcius 'смешанный' → 1588. исп. mestizo 'смешанный', порт. mestiço 'смешанный' > прованс. mestis 'метис' (фр. metis 'метис') → ТрТ Кр mestee 'мести' (1699 г.) или mustee 'мусти', 'полукровка'.*

Например: с 1588. *A Mestizo is one which hath a Spaniard to his father and an Indian to his mother* 'Метис – это тот, у кого отец – испанец, а мать – индианка'. 1613. *The Portugalls many of them are married with*

Indian women, and their posteritie are called Mesticos ‘Многие португальцы женаты на индианках, а их детей называют метисами’. 1698. *Beyond the Outworks live a few Portugals Mustezos or Misteradoes.* [COED 1993: 1069 / 661] ‘Вдали от завода живут несколько португальцев-метисов или полукровок’.

В словаре тринидадо-тобагского креоля приведена следующая дефиниция лексемы *mestee*: *mestee n obs A person of mixed race; in West Indian colonial classification, specifically the child of one white parent and one parent who has one black grandparent.* (< *E mustee, mestee* < *Sp mestizo* ‘mixed race person’) [DTrTCr 2009: 595] ‘Мести – человек смешанной расы. В соответствии с классификацией колониального периода, мести (уст.) – ребенок одного белого родителя и другого родителя, у которого бабушка или дедушка был негром’ (англ. *mustee, mestee* < *Sp mestizo* ‘полукровка; метис’).

Примеры из словаря тринидадо-тобагского креоля:

1784. *The illegitimate mulatto offsprings too bore their father’s names, and were brought up in the household as their father’s children. ... “A male mestee child the son of His Excellency Edmund Lincoln, Esquire, by the name of Robert Thos. Fairholme and Gilbert Petrie members of the Household of Assembly sponsors”* ‘У незаконных детей-мулатов были фамилии отца, и их воспитывали в доме отца как его родных детей. Мальчик-месты – сын его Величества Эдмунда Линкольна, Эсквайра, по имени Роберт Фэрхольм и Гилберт Петри – члены королевского двора и покровители законодательного собрания’. 1838. *[H]ere and there were numbers of tastily-dressed women, of the classes called mulattoes, mestees, and quadroon, who were the most beautiful of those classes which I, at that time had ever seen* [DTrTCr 2009: 595] ‘Везде было много со вкусом одетых женщин. Это были мулатки, мести и квартеронки. Они были самые красивые, из всех, которых я когда-либо видел’.

В ямайском креоле третью позицию в иерархии по цвету кожи занимает *mestee* ‘мести’, *mustee* ‘мусти’; ‘полукровка’.

Семантическое развитие заимствования-историзма *mestee* ‘мести’, *mustee* ‘мусти’; ‘полукровка’ происходит путём метонимии по модели «характерный признак человека → человек, характеризующийся этим признаком» от исходной лексемы испанского языка.

2.4. Четвёртая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях

В тринидадо-тобагском креоле четвертую ступень иерархии по цвету кожи занимает *costee* (уст.). *Costee – a person of three parts black African descent and five parts white European descent* [DTrTCr 2009: 279] ‘*Costee* (уст.) – человек, который по происхождению на 3/8 черный африканец и на 5/8 – европейского происхождения’. Примеры употребления слова *costee* в тринидадо-тобагском креоле:

As usual the sexual union of a white man and a black woman, African or creole, produced the best type of coloured person, the mulatto... It seems that a cabre woman and a white man could have a mulatto child. A mulatto woman and a white man produced a mestee offspring; and a mestee and a mulatto produced a costee [DTrTCr 2009: 279] ‘Как правило, у белого мужчины и негритянки, африканки или креолки рождается наилучший тип цветного ребёнка – мулат. Казалось бы, что у женщины расы кабре и у белого мужчины мог бы родиться ребёнок мулат. Но у мулатки и белого рождается мусти, а у мусти и мулата рождается ребёнок-касти’.

По нашему мнению, название расы *costee* построено на основе телескопии: *co(loured mulatto + me)stee* → *costee*.

В ямайском креоле четвертую позицию в иерархии по цвету кожи занимает *mustifina*, *mustifino*. *This is the offspring of a mustee with a white i.e. one having 1/16 negro and 15/16 white parentage* ‘Мустефино –

потомок мусти и белой, т. е. тот у которого 1/16 часть негритянской крови и 15/16 крови белых’.

Например: 1818. *From the mulatto and white comes the quadroon; from the quadroon and white the mustee; the child of a mustee by a white man is called a musteefino. while the children of a musteefino are free by law, and rank as white persons to all intents and purposes* ‘От мулата и белой получается квартерон. От квартерона и белой – мусти. Ребенок от белого мужчины и мусти называется мустефино’; Дети мустефино – свободны по закону приравнены белым во всех отношениях.

1924. *Massa Peter was a funny sort of a buckra massa. He was ‘mustafenia’ (white by law)* ‘Хозяин Питер был странным белым хозяином. Он был «мустафеня» по закону’.

1958. */mostifina/ a racial term ‘meaning one fourth black; complimentary; now old fashioned but still used. Port /moskafin/ a ‘vex word of very bad connotation, used of a light brown man’ [DJE 1967: 312].* ‘/Мустефино/ – это расовый термин, обозначающий с одной четвертой негритянской крови. Это хвалебное именование сейчас устарело, но все еще используется’. Португальское /москафино/ – «слово с очень плохим добавочным созначением, используемое, когда говорят о светло-смуглом мужчине».

Согласно словарю *mustifino* [SOED 1964: 312] [*Sp mustee + fino, fine, fina*] обозначает ‘утончённый метис’ Данный метоним образуется по модели «характерный признак человека – человек, характеризующийся по этому признаку».

2.5. Пятая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях

В багамском креоле на пятой позиции в иерархии по цвету кожи нах относятся следующие подгруппы.

НЗМ *Coloured* ‘цветной’; прил. ‘люди, в родословной которых и белые, и чернокожие предки’ *people of both white and black ancestry* [OED, *having skin other than white; esp partly or wholly of the negro or coloured race; in the US this term equivalent to Negro, has become associated with latent racism; cf Mauritian CrFr ‘gens de couleur... ne s’ applique qu’aux metis (et non aux noirs)’*] [Chaudenson 1974] ‘[OED, принадлежащий не к белой расе; частично или полностью относящийся к расе негров или цветных; в США этот термин эквивалентен негру и ассоциируется с латентным расизмом; ср. КрФр Мавритании ‘термин «цветные» используется только в применении к метисам (а ни к чернокожим)】’.

Например: 1888. *All around the town are the negro settlements, as the coloured people live all together and quite apart from the whites* ‘Вокруг города рас полагаются негритянские поселки пот ому, что цветные живут все вместе и совершенно отдельно от белых’.

1971. *Whatever slot of the colour scale – black, coloured, Conchy Joe or high yellow (McCartney). The Black Bahamian always disliked the term “negro” and “black”. The only term he would settle for was “coloured”* [Ibid 63] ‘Чернокожим багамцам никогда не нравились клички «негр» или «черномазый». Единственное наименование, которое его устраивало, было «цветной»’. *“Coloured” until quite recently was the preferred term. It is sometimes equivalent to Negro but does not equal Black* [Holm 1982: 46] ‘«Цветной» до совсем недавнего времени было предпочтительным обращением. Иногда оно обозначает то же самое, что и «негр», но оно не равнозначно «черномазому»’.

НЗМ *Dingy* прил. ‘имеющий цвет лица немного смуглее, чем светлокожий’ [ср. US *Dingy* ‘негр; чернокожий’; *US Black dinge idem*; *dingy Christian* ‘мулат’; ‘любой человек с каким-либо количеством негритянской крови в противопоставление христианину, белокожему человеку’].

Например: 1940. *Hitler don't like dingy people (Dupuche)* [Holm 1982: 61] ‘Гитлер презирает чернокожих’. *Get your dingy ass out of here.* ‘Проваливай отсюда, черномазый’.

НЗМ *Smokey* прил. ‘о цвете лица, не совсем черном’ *of a complexion not quite black.* [cf *Belz Smokey Joe a dark person* ‘темнокожий человек’ (Young); *US Black smoke Negro* ‘негр’; *DAS Smokey (derog)* (уничижит.) *adj. Negro*]. Например: 1936. *Smokey Joe says (the title of a book in Baha. Dialect by Eu. Dupuch)* ‘Темнокожий говорит’ (Название книги Ю. Дюпюша на багамском диалекте).

НЗМ *Smokey* – сущ. *a nickname for a person with such a complexion:* ‘кличка человека с таким цветом лица’ *They's call my cousin Smokey – he very dark* [Holm 1982: 187] ‘Все они называют моего двоюродного брата «Черномазым». Он очень темнокожий’.

НЗМ *Dusty, dustee* сущ. (уст.) *Obs a person of mixed white and black ancestry* ‘человек смешанного происхождения: с негритянской и белой кровью’. [(*prob from dusky, influenced by mustee*) ‘возможно, (данное наименование происходит) от *dusky* ‘темнокожий’ под влиянием слова *mustee* мусти’]. Например:

1801. *Mr Rose baptized 14 whites and 24 Blacks, Mulattoes, Mustees and Dustees* ‘Мистер Роуз крестил 14 белых и 24 чернокожих, мулатов, мусти и дасти’.

НЗМ *Muddy-brown, muddy* *adj. (of persons) having a medium dark complexion* [Holm, 1982: 137] ‘(о людях) имеющий темноватый цвет лица’.

НЗМ *Chocolate-brown* *adj. of mulatto complexion* [Holm 1982: 42] ‘имеющий цвет лица мулата’.

НЗМ *Brown-skin [Atlantic]* *adj. mulatto; having a light brown complexion* ‘имеющий светло-смуглый цвет лица’. Например: 1936. *I see*

one 'Merican woman wid her hair all curl up. Right nex' t' her I see wun brown-skin girl wid her hair all straighten out [Holm 1982: 29]. 'Я видел одну мексиканку с завитыми волосами. Совсем рядом с ней была девушка цвета шоколада с выпрямленными волосами'.

НЗМ *Mix-up (or mixture among whites)* 'метисация среди белокожих' [Car. *from (racially) mixed + up* 'смешанный (в расовом отношении)'] = *mixtured adj. racially mixed* 'смешанный; полукровка' [Holm 1982: 135].

НЗМ *Mixtured adj.* 'смешанный в расовом отношении; полукровка'. Ср. OED *mixture v obs to mix or mingle oneself with* (уст.) 'смешиваться с кем-либо'; 1582. порт. *rasa misturada* 'смешанная раса'; *adj.* 'смешанный в расовом отношении'. Например:

Billy married a mulatto but them two married mixture girls [Holm 1982: 135] 'Билли женился на мулатке, а эти двое женились на полукровках'.

В тринидадо-тобагском креоле на пятой позиции в иерархии по цвету кожи находится архаизм с отрицательной коннотацией *mulatto* – *A person of mixed European and African descent* [DTrTCr 2009: 619] 'человек-полукровка, смешанного европейского и африканского происхождения'.

Есть несколько версий происхождения данного слова. Первая версия: исп. *mula* 'ослица' + уменьшительный суффикс *-ato* → *mulatto* 'ослица'. Вторая версия: слово *mulatto* происходит из языка киконго от префикса со значением 'человек' *nut-*, + *laatn Ticked* < *nla-tia* ~ *nlatia* 'сажа на потолке; охваченный языками огня, задымленный' [DTrTCr 2009: 619].

Некоторые примеры употребления архаизма *mulatto* в тринидадо-тобагском креоле. *The majority of coloured slaves were mulattoes, and the term came to be synonymous with the entire group of coloureds. It seems that a cabre woman and a white man could have a mulatto child. A mulatto woman and a white man produced a mestee offspring; and a mestee and a*

mulatto produced a costee. A mulatto and a black person would usually have a cabre child, occasionally a black child, rarely a mongrel or a sambo child [DTrTCr 2009: 619] ‘Большинство цветных рабов были мулатами, и это наименование стало синонимом всей группы цветных. Кажется, что от женщины-кабре и белого мужчины могут родиться дети-мулаты. Мулатка и белый мужчина могут породить метиса. Мести и мулат дадут жизнь ребенку-кости. У мулатки и черного обычно ребенок-кабре, изредка этот ребенок-негр, редко полукровка или самбо’.

Итак, в наименовании *mulatto* ‘мулат’ имеется скрытое сравнение с животным – с молодой ослицей. Семантическое развитие производного заимствования-архаизма ТрТКр *mulatto* от исходной испанской лексической единицы может быть представлено при помощи следующей метафорической записи: исп. *mulatto* ‘молодая ослица’ → метафора → ТрТКр *mulatto* ‘мулат(ка)’. В основе метафорического переноса модель «животное → человек».

В ямайском креоле на пятой позиции в иерархии по цвету кожи находятся НЗМ *brown-skin* имя прилагат., диал.; (вместо *brown-skinned*) ‘мулат(ка) или человек с подобным цветом кожи’.

Например: 1951. [song:] *Brown-skin gal, stay home an’ mind baby* ‘(Песня) Мулатка, оставайся дома и ухаживай за малышом’.

1954. *Brown-skin, someone whose skin is light brown* [DJE 1967: 73] ‘Мулат – это тот, чья кожа светло-коричневая’.

Другими аллонимами слова ‘мулат’ в ЯмКр являются НЗМ *brown girl, brown man, maranta, mulatto /malate, malanta, malantan, malato/*.

НЗМ *Brown girl* sb [DJE 1967: 72] ‘мулатка или цветная девушка’.
Например:

1827. *These brown girls are the devil incarnate: they fly at a pretty fellow as a parcel of sharks rush at a piece of salt beef* ‘Эти цветные девушки – дьявол во плоти. Они набрасываются на красивого парня как стая акул на кусок солонины’.

1818. *Both of them gave balls at Kingston to the 'Brown girls'; for the fair sex elsewhere are called the 'Brown girls' in Jamaica* [DJE 1967: 72] 'Они оба устраивали баллы в Кингстоне для «Цветных девушек». Ведь прекрасный пол где-нибудь в другом месте называется «Цветные девушки» Ямайки'.

НЗМ *Brown man* sb 1. *A coloured man, between black and white. (The term may be used neutrally, but among negroes it often carries resentment or scorn)* [DJE 1967: 72] 'Цветной; человек между чернокожей и белой расами. (Этот термин может использоваться как нейтральный, но в негритянской среде он несет эмоциональный заряд презрения или негодования)'

Например: 1927. [*Prov.:*] *Brown man wife nyam [eats] cockroach a corner, sabe money fe buy silk dress* '(Поговорка) Жена цветного ест таракана, сидя в углу и экономит деньги, чтобы купить шёлковое платье]'. 1960. *A brown man is someone who does not have very negroid features, a fairly light skin and straightish hair – a mulatto but fairly light-skinned* [DJE 1967: 72] 'A brown man – человек, лишенный негроидных признаков, имеет довольно светлую кожу и прямые волосы, т. е. это мулат, но довольно светлокожий'.

НЗМ *Mulatto* /malate, malanta, malantan, malato/ sb 1. *Strictly, a person, having one black and one white parent less strictly, one of equal degrees of black and white parentage, as the offspring of mulatto parents in the stricter sense. (In this sense not a Jamaicanism; cf OED)* 'В строгом смысле, *mulatto* /malate, malanta, malantan/ – человек, у которого один родитель – чернокожий, а другой – белый; в менее строгом смысле, это человек с равной степенью чернокожей и белой родословной, как и потомок родителей-мулатов в строгом смысле слова. (В этом последнем значении слово *mulatto* – не ямайкизм; cf OED)'. Например: 1943. *malate, mulatto, mulattoo* [DJE 1967: 310].

2.6. Шестая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях

В тринидадо-тобагском креоле на шестой ступени иерархии по цвету кожи находится цвет расы НЗМ *cabre* (уст.). В тринидадо-тобагском креоле термином *cabre* обозначает *A person of mixed European and African or Amerindian ancestry, with medium or dark brown complexion* [DTrTCr 2009: 179] ‘человек смешанной европейской и африканской или американо-индейской родословной при том, что цвет лица умеренно-или темно-смуглый’. ФрКр *cabouesse* ‘female offspring of black and mulatto parents’ ‘потомок черных родителей и родителей-мулатов’ < фр. *capresse* ‘mixture of black and mulatto’ ‘метисация темнокожего и мулатки’; англ. *cabre* ‘mixture of black and white’ ‘метисация темнокожего и белой’) [DTrTCr 2009: 179]. Например:

1833. *Runaway. The Cabre Slave named Grace Manwaring, Creole of the Island, about 21 years of age, speaks French and English* ‘Беглая негритьянка. Рабыня по имени Грейс Менваринг, креолка, 21 год от роду, говорит по-французски и по-английски’. 1992. *The detailed colour scale does not seem to have been employed in everyday life, but chiefly when it was necessary to describe someone with particular accuracy. Thus wills, for instance, might specifically name a cabre or mestee inheritor* [DTrTCr 2009: 179] ‘Подробная цветовая шкала, по-видимому, в повседневной жизни не использовалась, но использовалась, когда было необходимо описать кого-нибудь особенно точно. Например, в завещаниях могли особенно точно описать мусти или кабре’.

Семантическое развитие производного устарелого ЛСВ ТрТКр *cabre* ‘человек смешанной европейской и африканской или американо-индейской родословной; метисация темнокожего и белой’ от исходной лексической единицы испанского языка Латинской Америки *cabres* ‘индейцы из Колумбии и Венесуэлы’ может быть представлено при

помощи следующей формулы: исп. Лат. Ам. *cabres* ‘индейцы из Колумбии и Венесуэлы’ → специализация значения → ТрТКр *cabre* (уст.) ‘человек смешанной европейской и африканской или американо-индейской родословной’.

В ямайском креоле на шестом месте в иерархии по цвету кожи к чернокожим относится НЗМ *Rial* сущ. диал.; возможно от < *rial* ‘риал – монета низкой стоимости’. Примечание: *Rial* – это старая форма слова ‘royal’ ‘королевский’ и некоторые усматривают именно это значение в данном слове (если это так, оно используется с иронией). Однако же, связь с ямайским значением не является четкой: ЛСВ *rial* – ‘полукровка’ (обычно встречается в сложных словах: *chiney-rial, indian-rial, mule-rial, spider-rial, turkey-rial*) (перевод наш). Например:

1943. *Rawyal, half-caste* ‘полукровка’. 1958. /*raial/ racial term: The offspring of East-Indian woman and black man* [DJE 1967: 381] /*raial/* ‘(расистский термин): потомок индийской женщины и чернокожего’.

На Багамских островах на шестом месте к чернокожим относятся следующие подгруппы населения.

НЗМ *Sambo* сущ. ‘темнокожий, у которого в родословной были цветные’ (обычно уничижит.) а *dark-skinned person with some mixed ancestry (now usually derogatory)* [ср. зап-карибское, афро-индийское от исп., порт. *zambo*, возможно из конголезского языка *nzambu* ‘обезьяна’; ср. камерунский англ. *sumbu* ‘бабуин’ [Holm 1998: 209-210]; *sambo* [DJE 1967] ‘негр на три четверти’]. Например:

1888. *From his handsome features I guessed he had white blood somewhere, but he was very black in colour. I was told he was what is called a “Sambo” or the child of a mulatto and black* [Holm 1982: 175] ‘По красивым чертам его лица я догадался, что в нем где-то была белая кровь, но он был очень черным. Мне сказали, что он – самбо или ребенок от мулатки и черного’.

Семантическое развитие лексической единицы *sambo* в зависимости от этимологической трактовки ее происхождения основывается на метафоре: исп., порт. *zambo* ‘обезьяна коата’ → метафора → БагамКр *sambo* ‘темнокожий, у которого в родословной были цветные’.

Конголезский язык *nzambu* ‘обезьяна’ → метафора → БагамКр *Sambo* ‘темнокожий, у которого в родословной были цветные’.

Камерунский англ. *sumbu* ‘бабуин’ → метафора → БагамКр *Sambo* ‘темнокожий, у которого в родословной были цветные’.

В основе метафорической связи значений модель переноса «животное → человек».

НЗМ *Shine* сущ. *n a person of very dark complexion (usually derogatory)* ‘человек с очень темным цветом лица (уничижит.)’ 1. [DJE idem; cf US *shine* (derog.) (уничижит.). *A Negro “from the highlights on his countenance”*; негр: ‘название происходит от световых бликов на лице’ 1907 → DAS; [Holm, 1982: 182]. данное наименование используют негры, cf *Yoruba a du ma dan ‘someone black and shining’* [Holm 1982:182]. ‘чернокожий с отблеском’. Например:

1973. *Shine was a clever black man who always worked for the Boss, a white man ... Shine was always a servant, a slave or a guide. There was a Super Nigger* [Holm 1982: 182] ‘Черномазый был умным негром, который всегда работал во благо белого хозяина. Этот Черномазый всегда был слугой, рабом или советчиком’.

Семантическое развитие производного уничижительного значения БагамКр *Shine* происходит путём метонимии от исходного значения:

НЗМ *Shine* ‘световые блики → метонимия → БагамКр *Shine* *n* ‘негр с очень темным цветом лица (уничижит.); негр с иссиня-чёрным цветом кожи’.

НЗМ *Navy-blue black* прил. (*of skin colour*) *very dark [cf St Lucia blue-blacks (vs mulattoes)]* ‘с очень темным цветом кожи (в противоположность

мулатам)»; *LA Fr bleu excessivement noir* ‘явно выраженный чернокожий’. *US Black blue ‘a very Black Negro’* [Holm 1982: 141] ‘насыщенно чернокожий’ – (о цвете кожи) ‘с очень темным цветом кожи’. Например: 1979. *cf Purple* ‘очень темный (цвет кожи)’.

НЗМ *Off-black* прил. *Of a somewhat lighter complexion than black* ‘Имеющий цвет лица немного светлее, чем черный’. Например:

1971. *Starting with black at the bottom, through off-black, dark-brown, brown, light brown, high yellow, and near white* [Holm 1982: 146] ‘Начиная от черного цвета кожи, затем идет цвет немного светлее, чем черный; темно-шоколадный, шоколадный, светло-шоколадный, осветленный и почти белый’.

НЗМ *Scrubby, scrubby black* [Holm 1982: 178]. прил. ‘(о людях) с неровным или крапчато-черным цветом лица’ [OED *Scrubby rough, of poor appearance*] *adj (of persons) having an uneven or mottled dark complexion* ‘(о людях) с неровным или крапчато-черным цветом лица’. Например:

She liking one, scrubby black fellow [Holm 1982: 178] ‘Она любит одного человека с крапчато-черным цветом лица’.

НЗМ *Smooth black* *adj of a very dark complexion* [Holm 1982: 187] прил. ‘с очень темным цветом лица’.

2.7. Седьмая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях

В тринидадо-тобагском креоле седьмую ступень иерархии по цвету кожи занимает НЗМ *mongrel n (obs)* ‘полукровка’ (уст.). НЗМ *Mongrel* – *an official term for classifying slaves based on skin colour, apparently between “brown” and “black”* ‘*Mongrel* ‘полукровка’ – официальный термин для классификации рабов на основании цвета кожи; *mongrel* ‘полукровка’, вероятно, занимал в иерархии по цвету

кожи место между ‘коричневым’ и ‘чернокожим’ (< *E mongrel* ‘a negative term for a person not of pure race; the offspring of parents of different nationalities, etc.’) [DTrTCr 2009: 605]; < герм. *mongrel* – термин с отрицательной коннотацией, обозначающий человека смешанной расы; *mongrel* ‘потомок родителей различных национальностей’. Например:

A mulatto and a black person would usually have a cabre child, occasionally a black child, rarely a mongrel or a sambo child [DTrTCr 2009: 619] ‘У мулатки и у черного обычно ребенок кабре, иногда негр, редко полукровка или самбо’. 1992. *The colour rating in descending order was something like this: whites, quadroon, mestee, costee, mulatto, cabre, mongrel, sambo, blacks* [DTrTCr 2009: 605] ‘Ранг по цвету кожи в нисходящем порядке – следующий: белые, квартероны, мести, кости, мулаты, кабре, полукровки, самбо, чернокожие’.

Одним из значений слова *mongrel* является ‘a dog of no definable breed, resulting from various crossings’ [SOED 1964: 1273] ‘*mongrel* – дворняжка; собака не поддающейся определению породы; собака смешанной породы’.

Семантическое развитие производного устарелого ЛСВ ТрТКр *mongrel* ‘помесь, полукровка’ от исходной германской лексической единицы *mongrel* ‘дворняжка; собака смешанной породы’ может быть представлено при помощи следующей метафорической формулы:

герм. *mongrel* ‘дворняжка; собака смешанной породы’ (SOED, XV век) → метафора → ТрТКр *mongrel* (уст.) ‘помесь, полукровка’. В основе метафорического переноса модель «животное → человек».

В ямайском креоле седьмую ступень иерархии по цвету кожи занимает НЗМ *yellow snake* (арх) ‘мулат(ка)’. 2. *A mulatto Obs.* [DJE 1967: 487] ‘мулат’ (уст.). Например:

В ямайском креоле в прямом значении наименование *yellow snake* обозначает ‘пресмыкающееся’. *Yellow snake* sb; ODS 1868 →

1. *The yellow boa Epicrates subflavus* [ПСНЖ Рептилии 1988: 274] ‘черно-желтый гладкогубый удав *Epicrates subflavus*, имеющий длину в 20 футов’. Например:

1851. *A serpent of the boa kind is commonly found around Bluefields, and I believe in most parts of the Island, and is distinguished by the appellation of Yellow Snake* [DJE 1967: 487] ‘Змея типа боа обычно обитает возле Блуфилдз и в большей части острова. Она известна под названием черно-желтый гладкогубый удав’.

Некоторые примеры из словаря COED.

1725. *Serpens major subflavus The *yellow Snake*. ‘Змея *Serpens major subflavus*. ‘Черно-желтый гладкогубый удав’. 1860 *The ‘Yellow Snake’, or South African Cobra*. ‘Черно-желтый гладкогубый удав или южно-африканская кобра’. 1868 *A Yellow Snake is very plentiful in Jamaica and is perfectly harmless to man* [COED 1993: 2359 / 724] ‘Черно-желтый гладкогубый удав водится в изобилии на Ямайке, и он совершенно безвреден для человека’.

Семантическое развитие производного устарелого ЛСВ ЯмКр *yellow snake* ‘мулат’ от исходной английской лексической единицы *yellow snake* ‘черно-желтый гладкогубый удав *Epicrates subflavus*’ может быть представлено при помощи следующей метафорической формулы:

англ. *yellow snake* ‘черно-желтый гладкогубый удав *Epicrates subflavus*’ → метафора → ЯмКр (*Obs.*) *yellow snake* ‘мулат’ (арх).

В прямом значении семантическое развитие данного архаизма происходит путём метафорического переноса «животное → человек».

В багамском креоле седьмую ступень иерархии ии по цвету кожи занимает НЗМ *travesao, trabesau, travaseau, travesau*. *Trabesau* 1 n *A person of mixed race, particularly European-Negro, Spanish in appearance, /trabesau, travesau/* (< исп. *atravesado* ‘мулат; полукровка; представитель смешанной расы, особенно европейско-негроидной, но с испанской внешностью’. Например:

Trabesau. A tall one, a travaseau, a mix up one, brown, smooth, slatternly, with careless languorous movements and a face without shame ‘Полукровка. Высокий, мулат, полукровка, спокойный, неряшливый, с беззаботными вялыми движениями и бесстыжим лицом’. 1988. *This knowledge was bolstered by what he “inherited” from his father ... who was of “strong Carib blood mixed with that of French Creole and Spanish – a Travesau”* ‘Это знание поддерживалось тем, что он унаследовал от своего отца, в котором была замешана карибская кровь с кровью французской креолки или испанца-полукровки’. 1993. *He’s a damn travesaou wha lan’ up here from Aruba* [Holm 1982: 210] ‘Он – проклятый мулат, который приехал сюда из Арубы’.

Семантическое развитие производного лексического заимствования-инновации ТрТКр *travesao* от исходной испанской лексической единицы *atravesado* ‘мулат; полукровка’ происходит путём сужения значения.

Исп. *atravesado* ‘мулат; полукровка’ → специализация значения → ТрТКр *travesao, trabesau, travaseau, travesau* ‘человек смешанной расы, особенно европейско-негроидной, но с испанской внешностью’.

2.8. Восьмая позиция в иерархии наименований со значением метисации в карибских креолях

В тринидадо-тобагском креоле восьмую ступень иерархии по цвету кожи занимает НЗМ *sambo n (obs) – offspring of a mulatto (mixed African and European) and a Negro (African)*. (< Sp *zambo* ‘person of mixed Indian and Negro, sometimes European, descent’) [DTrTCr 2009: 781] ‘(уст.) потомок негритянки и мулата (метисация между африканцем и европейкой)’. (< исп. *zambo* ‘человек смешанного индейско-негритянского происхождения’). Например:

Sometimes a Chinese or two would appear; and ever and anon an athletic and ferocious-looking sambo would pass. (*The mixed race between*

the Indian and negro). *He Sambo, hou you da do, Comperl* ‘Иногда появится пара китайцев. Время от времени пройдет самбо (помесь индейца и негра) спортивного телосложения и жуткий на вид’. 1851. *You have the expression Black Sambo in the States. Down here, a sambo was the son of a nigger and a mulatto – not pure black at all* ‘У тебя выражение лица как у черномазого самбо в США. В этих местах самбо – сын негра и мулатки, совсем не чистый чернокожий’. 1939. *In Trinidad, perhaps based on the Baptismal registration in the Roman Catholic Churches, with separate books or at least separate listings for ‘negro’, ‘Pardo’ and ‘Blanco’, it seems that Sambos [children of mulatto and negro] were classified as coloured, and when free were certainly made to serve in the Militia* [DTrTCr 2009: 781] ‘В Тринидаде, возможно, основываясь на записях в римских католических церквях о регистрации крещения, внесенных в отдельные книги или списки для негров, полукровок и белых, создается впечатление, что самбо (дети мулатки и негра) были отнесены к разряду цветных, а после освобождения их заставили служить в народном ополчении’.

В словаре COED отмечается, что *‘sambo is a name for a kind of yellow monkey’* [COED 1993: 1649 / 426] *‘sambo – разновидность желтой обезьяны’*.

Семантическое развитие производного устарелого ЛСВ ТрТКр *sambo* ‘потомок мулата и негритьянки’ от исходной испанской лексической единицы *sambo* ‘желтая обезьяна’ может быть представлено при помощи следующей метафорической формулы: исп. *sambo* ‘желтая обезьяна’ > англ. *sambo* ‘желтая обезьяна’ → метафора → ТрТКр *sambo* ‘потомок мулата и негритьянки’.

В основе семантического развития производной тринидадо-тобагской лексемы от исходной лексической единицы исп. *sambo* модель метафорического переноса «животное → человек». Это метафора зоонимного типа.

В ямайском креоле восьмую ступень иерархии по цвету кожи занимает НЗМ словосочетание *sambo bacra* (диал.). *It is a term of respect for a sambo (i.e. about three quarters negro) man* [DJE 1980: 391] является уважительным обращением к *sambo man* ‘человек, имеющий около трёх четвертых крови чернокожего’.

Семантическое развитие производного диалектального ЛСВ ЯмКр *sambo* ‘человек с тремя четвертями крови чернокожего’ от исходной испанской лексической единицы *sambo* может быть представлено при помощи следующей метонимической модели: исп. *sambo* ‘около трёх четвертых негритянской крови’ → метонимия → ЯмКр *sambo* ‘человек с тремя четвертями крови чернокожего’.

В основе метонимического переноса формула «признак человека – человек, характеризующийся по этому признаку».

3. Заключение

Анализ лексико-семантической группы «Наименования с значением метисации» в багамском, ямайском и тринидадо-тобагском креолях позволяет сделать следующие **выводы**.

1. В зону изоморфных признаков ЛСГ «Наименования с значением метисации» в исследуемых карибских креолях включается наличие аллонимов – карибских регионализмов, представленных различными наименованиями одной и той же расы, принятой в разных карибских странах для обозначения одного и того же референта.

2. Для заимствованных наименований со значением метисации из французского языка и французско-креольского патуа в англоязычные карибские креоли характерны различные способы семантической деривации: метафора, метонимия, специализация значения. Это системные пути образования новых карибских значений. Они

представляют собой зону изоморфизма тринидадо-тобагского, багамского и ямайского креолей.

3. Слова с значением метисации используются в карибских креолях с XVII века по настоящее время. В рассмотренных карибских креолях отмечены архаичные, неологистичные и устаревающие слова с значением метисации. В этом слое лексики вырабатываются стилистические обертоны.

4. Частотной моделью образования слов путём метафорического и метонимического переносов с значением метисации является семантический перенос «животное – человек». Этимологический анализ лексических единиц с значением метисации способствует восприятию внутренней формы таких зоонимов. В них ощущается сильный коннотативный заряд. Они возникали сначала, вероятно, как клички. (Ср. слово *mulatto* ‘мулат’ в тринидадо-тобагском креоле обозначает ‘ослик’ в переводе с испанского, а словосочетание *yellow snake* ‘мулат’ в ямайском креоле изначально имеет значение ‘черно-желтый гладкогубый удав *Epicrates subflavus*’). В этих единицах номинации скрыты коннотации презрения, негодования, высокомерия. Производные метонимы и метафорические имена в карибских креолях представляют собой зоофорные имена т.е. любые имена, образованные от названий животных.

5. Для тринидадо-тобагского и ямайского креолей универсальными моделями метафорического переноса наименования являются: 1) характерный признак → человек с этим признаком; 2) перенос по сходству формы, внешнего вида; 3) артефактный тип метафоры; 4) зоонимный тип метафоры по модели «животное → человек».

Для рассмотренных креолей универсальными моделями метонимического переноса наименования являются: 1) числовая часть крови человека → человек определённой расы с этой частью крови; 2) черты характера человека → человек определённой расы с этими

чертами характера; 3) цвет → человек с данным цветом кожи. Эти модели метафорического и метонимического переносов являются продуктивными.

6. Новый план выражения лексем с заимствованной инициальной [z] множественного числа существительных французского языка способствовал развитию новых значений существительных единственного числа в тринидадо-тобагском креоле путём метафоризации. Данная модель метафорического переноса, характерная только для тринидадо-тобагского креоля, представляется уникальной. Из всей выборки в тринидадо-тобагском креоле всего два слова с заимствованной инициальной [z] имеют значение метисации.

7. В ямайском креоле уникальной представляется метафора «монета с низкой стоимостью → полукровка с низкой социальной оценкой».

Список литературы

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки; пер с фр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Алшеева Л. С. Художественные функции архаизмов и историзмов в произведениях В. М. Шукшина // Научно-электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 7. – С. 187-196.
3. Басыров Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках. – Донецк: ДонНУ, 2019. – 287 с
4. Басыров Ш. Р. Избранные труды по германскому, сопоставительному и типологическому языкознанию. К юбилею проф. Ш. Р. Басырова. – Донецк: Издательский дом «Эдит», 2024. – 252 с.
5. Басыров Ш. Р. Структура и семантика флоронимов в разноструктурных языках. – Донцк: ДонГУ, 2025. – 314 с.
6. Дьячков М. В. Креольские языки. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. – 106 с. (Серия «Языки народов Азии и Африки»).
7. Нитобург Э. Л. Введение // Этнические процессы в странах Карибского моря. – М.: Наука, 1982. – С. 3–25.
8. Новое в лингвистике. Сост., редакция, вступительная статья и комментарий В. Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. VI. Языковые контакты. – 535 с. [НЛ].
9. Шмелёв Д. Н. Архаические формы в современном русском языке // Избранные труды по русскому языку. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 531-650.
10. Campbell Carl. Cedulants and capitulants: The policy of the coloured opposition in the slave society in Trinidad 1783-1838. POS: Paria Publishing. 2016. – P. 60-81.
11. Chiru Costin Gabriel. Archaisms, historicisms and neologisms identification in texts. – Bucharest: PUB. Romania. – Sept. 2018. – 6 p.
12. Vinet Marie-Thérèse. Lexique, emprunts et invariants: une analyse theorique des anglicismes en Francais du Quebec* Université de Sherbrooke Revue québécoise de linguistique. 2017. – Vol. 24. – N°2. – P. 165-181.

13. Fouad Seridj. De l'intégration des emprunts français à l'anglais. Synergies Algérie n°19. Université de Béjaia, Algérie. 2019. – P. 197-213.

Список лексикографических источников

ПСНЖ Рептилии – Пятиязычный словарь названий животных. Амфибии и рептилии. Латинский – русский – английский – немецкий – французский / под общ. ред. В. Е. Соколова. – Москва: Русский язык, 1988. – 560 с.

Страны – Страны и народы. Америка. Общий обзор Латинской Америки. Центральная Америка. – 1981. – 332 с.

DCEU – Allsopp R. Dictionary of Caribbean English Usage ed. by R. Allsopp. With a French and Spanish supplement ed. by Jeannette Allsopp. – Oxford University Press, 1996. – 697 p.

DJE – Cassidy F. G. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the University Press, 1967. – 487 p.

COED – Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. – Clarendon Press. – Oxford. – Published in the USA by Oxford University Press, Inc. – New York. – Second edition, 1993. – 2572 p.

Holm J. A., Shilling A. W. Dictionary of Bahamian English. – Cold spring. New York, 1982. – 228 p.

SOED – Shorter Oxford English dictionary on historical principles / Prepared by William Little, H. W. Fowler, J. Coulson. – Revised and Edited by C. T. Onions. – Third edition, revised with Addenda – Oxford: Clarendon Press, OUP, London, 1964. – 2515 p.

DTrTCr – Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. – McGill – Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. – 1041 с.

Список сокращений

Англ. – английский язык

диал. – диалектальное

ККАО – карибские креоли на англоязычной основе

лат. – латинский язык

исп. Лат. Ам. – испанский язык Латинской Америки

ЛСВ – лексико-семантический вариант

ЛСГ – лексико-семантическая группа

НЗМ – наименования со значением метисации

порт. – португальский язык

прилагат. – имя прилагательное

прованс. – провансальский язык

ТрТКр – тринидадо-тобагский креоль

уст. – устарелое

фр. – французский язык

ФрКр – французско-креольский патуа

ЯмКр – ямайский креоль

Obs. – устаревающее

Sp – испанский язык

Trin – Trinidad

РАЗДЕЛ II

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ ОБРАЩЕНИЯ В ЛЕЗГИНСКОМ СЕМЕЙНОМ ДИСКУРСЕ

1. Постановка проблемы

1.1. Современный этап развития гуманитарного знания характеризуется возрастающим интересом ученых к понятию «дискурс», которое в последние десятилетия получило широкое распространение в лингвистике и смежных с ней науках – прежде всего в психологии, социологии, культурологии, политологии и др. Сегодня языковедение переживает т. н. «дискурсивный поворот» – смещение исследовательского акцента с представления о языке как о статичной, имманентной, замкнутой в себе структуре, на изучение особенностей его функционирования в реальных условиях коммуникации и в широком социокультурном контексте. Осознание того факта, что объективное и полноценное описание природы и сущности языка без учета его функциональной предопределенности и прагматических условий использования невозможно, стимулировало ученых к разработке нового – деятельностного подхода к анализу языковых явлений, в центре внимания которого – живой язык в действии, во всём многообразии его функций и социально-функциональных вариантов. При этом следует отметить, что «новым» данный подход можно назвать лишь условно: как известно, впервые идея о деятельностном характере языка была озвучена еще в работах В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984], а в последующие периоды – стала неотъемлемой частью теоретических рассуждений многих отечественных лингвистов (Э. Бенвенист, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и др.), обобщить которые можно следующим тезисом: «Язык живет... в конкретном речевом общении, а не в абстрактной лингвистической системе форм языка...» [Волошинов 1929: 114].

В контексте деятельностного подхода, заложившего основы целого ряда новых, прагматически и антропоцентрически ориентированных, лингвистических направлений, – таких, как лингвистическая прагматика, социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика и др., роль базовой методологической установки взял на себя дискурс-анализ, который существенно расширил привычные рамки понимания языковой реальности и воплотил общую направленность исследований на многоаспектное, комплексное изучение сложного феномена языкового общения.

Следует отметить, что в современной лингвистике существует большое количество различных интерпретаций понятия «дискурс», основанных на разных мировоззренческих и методологических установках. Не претендуя на детальный анализ всех существующих подходов (подобные исследования проводятся учеными регулярно – см., например, работы: В. Н. Бабаян [Бабаян 2017], В. И. Карасик [Карасик 2000, 2004], М. Л. Макаров [Макаров 2003], В. В. Родина [Родина 2018], О. Ф. Русакова [Русакова 2006], Е. В. Темнова [Темнова 2004], М. В. Хитина [Хитина 2008], Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен [Филлипс, Йоргенсен 2004], М. Fairclough [Fairclough, 1989], Z. Harris [Harris 1952] и др.), приведем несколько определений дискурса, которые, на наш взгляд, наиболее полно отражают суть данного понятия.

Под дискурсом в современной лингвистике подразумевается:

– «комплексная лингвистическая структура, превышающая по объему предложение, которая обладает не только системно-знаковыми (язык как система знаков), но и процессуально-коммуникативными (язык как орудие общения) характеристиками» [Бенвенист 2009: 296];

– «единство и взаимодействие текста и контекста (лингвистического и экстралингвистического)» [Cook 1992: 1];

– «единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т.е. текста» [Кибрик 2009: 3];

– «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 2002: 136]);

– «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте» [Van Dijk 2009];

– «форма использования языка в реальном (текущем) времени (online), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2000: 7]);

– «...вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных 2001: 199];

– «завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и / или других знаковых комплексов в определенной ситуации и определенных социокультурных условиях общения» [Виноградов 1996: 139].

На основе приведенных выше определений можно выделить несколько аспектов понятия «дискурс»:

1) формальный: дискурс – структура, выходящая за рамки фразы или предложения;

2) функциональный: дискурс – использование речи во всех ее разновидностях;

3) прагмалингвистический: дискурс – коммуникативное событие, осуществляемое с определенной целью в определенных условиях – социальных, исторических, культурных и т. д.;

4) когнитивный: дискурс – механизм конструирования особого мира.

Несмотря на разногласия в дефинициях, обусловленную сложностью и междисциплинарностью исследуемого понятия, все существующие на сегодняшний день подходы объединяет рассмотрение дискурса как явления событийного (динамического), которое реализуется в конкретных коммуникативных условиях в широком социокультурном контексте, т. е. с учетом ряда экстралингвистических факторов – социально-исторических, психологических, этнокультурных и др.

1.2. Не менее сложной и дискуссионной проблемой в современном языкознании является проблема типологии дискурсов. На сегодняшний день существует большое количество вариантов классификаций, которые основаны на различных критериях. Так, по каналу передачи информации в процессе коммуникации выделяют устный и письменный дискурс [Григорьева 2007, Кашкин 2004] и др.); по функционально-стилевой принадлежности – разговорно-бытовой, официально-деловой, научный, публицистический, художественный и т. д. [Солганик 2001] и др.); с позиций социолингвистики – персональный (лично-ориентированный) и институциональный [Карасик 2000: 5] и т. д.

В данном исследовании считаем целесообразным использовать типологию дискурсов, разработанную В. И. Карасиком. По целенаправленности ученый выделяет два типа дискурсов: 1) персональный (лично-ориентированный) и 2) институциональный (статусно-ориентированный). Персональный дискурс существует в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение, в центре внимания которого находится личность собеседника, его

индивидуальные особенности, интересы и потребности. В рамках бытового дискурса в свою очередь выделяются менее объемные образования: семейный дискурс, молодежный дискурс, подростковый дискурс и т. д.

Бытийное общение в свою очередь делится на художественное и философское.

В рамках институционального дискурса коммуниканты выступают как представители определенного социального института, выполняющие соответствующие социальные роли, – политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный и др. дискурсы.

1.3. В современной лингвистике актуальным и перспективным направлением исследований является лингвистический анализ семейного дискурса как базовой формы речевой коммуникации, осуществляемой в естественных жизненных ситуациях повседневного бытового взаимодействия людей. Необходимость изучения семейного дискурса на современном этапе развития языкознания обусловлено рядом факторов.

Семья является первичной социальной средой, обеспечивающей процесс интеграции человека в общество, формирования его личности. Выполняя в первую очередь воспитательную и образовательную функции, семья формирует у ребенка комплекс ценностных ориентиров, правил и норм поведения (в т. ч. и речевого), свойственных той или иной культуре, закладывает фундамент духовного, мировоззренческого начала. В данном контексте семейный дискурс можно рассматривать как комплекс смыслов и значений, эксплицирующих статусно-ролевые предписания и дисциплинарные нормативы поведения в семье. При этом в каждой лингвокультуре семейный дискурс конструируется по-своему, в соответствии с традиционными нормами и ценностями,

сформировавшимися в течение веков под влиянием исторических, социальных и культурных факторов.

В современном технократическом обществе традиционный институт семьи претерпевает глобальные изменения: снижение рождаемости, негативное отношение к браку, смена ценностных ориентаций и семейных ролей, обособление поколений и т. д., что непосредственно сказывается как на речевом поведении людей в конкретных ситуациях общения, так и на состоянии языка и культуры в целом. Современная лингвокультурная ситуация в мире характеризуется всеобъемлющей «вестернизацией» – перестройкой системы ценностных ориентаций и поведенческих норм по западным образцам, проводниками которых являются СМИ. Вследствие этого наблюдаются: вытеснение и искажение национальных лингвокультурных концептов, насаждение чуждых традиционной национальной культуре исторических и духовных смыслов, аллюзий, ассоциаций, мифологем и идеологем; формализация и примитивизация общения, экспансия заимствований, жаргонизмов, фамильярных высказываний и т. д. Данные негативные тенденции коснулись даже такой относительно устойчивой и стабильной системы, как речевой этикет. В современных условиях, к сожалению, уходят в прошлое такие естественные и ценные для многих национальных культур традиции, как почитание старших, близкие и уважительные отношения между родителями и детьми, братьями и сестрами, любовь и взаимопонимание как основа семейных отношений.

Сегодня общество стоит перед выбором: сохранить традиционные семейные ценности и правила поведения в семье или отказаться от них. Как показывают исследования, в многонациональном российском обществе всё больше осознается необходимость в сохранении традиционной модели семьи и защите её исконных ценностей.

Объектом данного исследования выступает семейный дискурс лезгинской лингвокультуры, **предмет** – этикетные формулы обращения в семейном дискурсе лезгинского языка.

Цель настоящего исследования – изучить семантику и особенности функционирования этикетных формул обращения в семейном дискурсе лезгинского языка. Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) изучить и систематизировать основные подходы к определению понятия «дискурс» в современной лингвистике;

2) уточнить понятие «семейный дискурс», определить место семейного дискурса в системе дискурсивных практик, описать его языковые и коммуникативные особенности;

3) определить основные способы обращения к собеседнику в различных ситуациях взаимодействия в рамках семейного дискурса в лезгинской лингвокультуре;

4) описать семантику этикетных формул обращения и их основные коммуникативные функции в семейном дискурсе лезгинского языка, определить их национальную специфику.

Материалом исследования послужили лезгинские этикетные формулы обращения, отобранные путем сплошной выборки из лексикографических источников, художественных и фольклорных произведений разных жанров, а также речевые образцы, полученные методом включенного наблюдения над речью носителей лезгинского языка в их естественной среде и в повседневных жизненных обстоятельствах. Сбор эмпирического материала проводился в Республике Дагестан, Россия (в селах Капир и Курах Курахского района, селе Белиджи Дербентского района, городах Дербент и Махачкала). Всего проанализировано более 700 языковых единиц.

2. Место семейного дискурса в системе дискурсивных практик и его лингвистические особенности

2.1. Среди большого количества типов дискурсов, выделяемых в рамках современной дискурсологии, наименее структурированным считается дискурс бытового общения, который, по определению В. И. Карасика, обладает следующими признаками: «...общение носит свёрнутый, “пунктирный”, характер, речь идёт об очевидных вещах, используется разговорная форма речи, бытовой дискурс диалогичен и является исходным типом общения» [Карасик 2004: 289]. Как отмечает ученый, «специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращённый код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего» [Карасик 2004: 232].

Следует отметить, что в современной лингвистике бытовой дискурс изучен недостаточно. В русистике первые попытки описания повседневно-бытового общения (в т. ч. и семейного) предпринимались в рамках изучения устной разговорной речи как функциональной разновидности литературного русского языка, обслуживающей сферу повседневного непринужденного общения людей (Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Е. Н. Ширяев и др.), т. е. речи «подлинной, не отраженной в зеркале художественной литературы» [Китайгородская, Розанова 2010: 14].

На основании многочисленных исследований ученые пришли к выводу, что такие характерные для разговорной речи признаки, как спонтанность, неподготовленность, непринужденность ситуативность наиболее отчетливо проявляются в общении хорошо знакомых людей (членов семьи, родственников, друзей и др.). Следует отметить, что

большинство исследователей избрало путь изучения разговорной лексики по ее лексическому составу и морфологической принадлежности (см., например: [Кормилицына, Сиротина 2001] и др.), понятие «текст» к разговорной речи долгое время не применялось.

На тот факт, что разговорная речь имеет собственные характеристики на разных уровнях, в том числе и на уровне текста, впервые обратил внимание Е. Н. Ширяев, который определил следующие специфические особенности «разговорного повествования»: большая роль невербальных компонентов, тематическая разноплановость, возможность слабой связи между фрагментами, расчет говорящего на творческое восприятие (достраивание) текста, частота не заданных определенно текстовых связей [Ширяев 1982].

Внимание лингвистов к проблемам коммуникативно-прагматического характера определило направление дальнейших исследований разговорной речи. На этом пути перед лингвистами встал целый комплекс проблем как теоретического, так и прикладного характера: определение лингвистически значимых параметров коммуникативного акта, особенности ситуативного членения коммуникативного пространства и ситуативно-жанровой стратификации разговорной речи, методика описания конкретных речевых жанров. К наиболее значимым, на наш взгляд, результатам теоретических изысканий в данной области относится монография М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект» [Китайгородская, Розанова 1999], в которой описаны принципы жанровой стратификации устной речи и разработан конкретный алгоритм описания речевых жанров на основе определенного набора «шагов» перехода от уровня коммуникативной ситуации к типу текста. При этом типичные для сферы неофициального общения жанры рассматриваются в контексте коммуникативных условий их реализации. Примечательно, что одна из

глав данной монографии посвящена речевому общению в семье. Авторы акцентируют внимание на ситуативной стратификации домашней коммуникации, согласно которой все ситуации повседневного общения рассматриваются в фокусе ранее выделенных параметров: дом / вне дома, будни / праздники, фатика / не-фатика.

Речевой мир современного города и повседневные речевые практики горожан в контексте окружающей их речевой среды являются предметом исследования еще одной монографии указанных выше авторов – «Языковое существование современного горожанина на материале языка Москвы» [Китайгородская, Розанова 2010].

С развитием функциональной лингвистики и дискурсологии в центре внимания лингвистов оказалось понятие «дискурс», которое обеспечило возможность изучить структуру и функции разговорной речи в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Таким образом сформировалось понятие «бытовой дискурс» (в его жанровых разновидностях – семейный дискурс, молодежный дискурс и т. д.), который сразу же оказался в центре внимания исследователей. Так, лингвопрагматические особенности бытового диалогического дискурса на материале русского и английского языков изучены в кандидатской диссертации В. В. Дворянцевой [Дворянцева 2013]. Прагматические и стилистические характеристики бытового дискурса в интернет-коммуникации рассматривает Т. А. Воронцова [Воронцова 2021]. Отдельным аспектам бытового дискурса посвящены работы [Чабаненко 2012, Чайковский 1982, Шарифуллин 1997 и др.].

Вместе с тем, следует отметить, что исследования по семейному дискурсу в языкознании немногочисленны. Несмотря на то, что еще в 1982 году отечественный лингвист Р. Р. Чайковский обратил внимание на необходимость тщательного изучения внутрисемейного языка как «оригинального варианта общенационального языка в сфере семейно-бытового общения», данная проблема до сих пор остается белым пятном

в современной лингвистике [Чайковский 1982: 110-112]. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие общепринятого термина для обозначения речевого общения, ограниченного рамками семьи, – «домашний язык», «семейный диалект» [Кукушкина 1989], «семейный диалог», «домашняя речь» [Капанадзе 1989], «семейная речь», «речевое общение в семье» [Байкулова 1999, 2006], «семейный язык», «семейное (речевое) общение» [Байкулова 2003, Занадворова 2003], «язык семьи», ойколект (от греч. *oikos* – «дом») [Шарифуллин 1997], семейно-родственная коммуникация [Байкулова 2022].

Одной из первых монографических работ, посвященных анализу функционирования языка в семье как малой социальной группе, является кандидатская диссертация А. В. Занадворовой [Занадворова 2001], в которой автор определяет состав языковых единиц, функционирующих в конкретных семьях, выявляет закономерности модификации семантики и сочетаемости этих единиц, анализирует речевые клише и фразеологизмы, типичные для семейной коммуникации. Коммуникативный и адаптационный аспекты речевого общения в семье изучаются в работе В. С. Анохиной [Анохина 2009].

Исследованию частных вопросов, касающихся семейной коммуникации, посвящены работы А. Н. Байкуловой [Байкулова 1999, 2001, 2003, 2006, 2009, 2022]. Следует отметить, что автор акцентирует внимание на динамике языковых и культурных процессов в семейно-родственной сфере, характере изменений в семейной коммуникации и речи, обусловленных развитием общества, – новыми реалиями быта, социальными и политическими событиями, развитием информационных технологий.

Речевые особенности общения в семье, созданной представителями разных этносов, рассматриваются в кандидатской диссертации Е. В. Бондаренко [Бондаренко 2010].

В работах зарубежных авторов по семейному дискурсу внимание акцентируется преимущественно на особенностях межличностного взаимодействия, исследуются типичные для данного вида общения стратегии и тактики речевого поведения, чаще всего – в условиях конфликта [Blum-Kulka 1990, Reisigl and Wodak 2005, Taylor 1970, Vuchinich 1990].

Таким образом, обзор теоретической литературы по проблеме семейного дискурса позволяет констатировать, что несмотря на большое количество исследований, не все аспекты данной проблемы получили должное освещение. Малоизученной, в частности, является проблема внутрисемейных апеллятивов, которой на сегодняшний день посвящено ограниченное количество работ, акцентирующих внимание на отдельных ее аспектах [Ветрова 2016; Звягинцева 2011; Нестерова 1999; Басыров, Петрищева 2021; Трошина 1998 и др.].

2.2. Под семейным дискурсом в данном исследовании понимается базовая форма вербальной коммуникации, при которой речевое общение осуществляется в естественных жизненных ситуациях повседневного взаимодействия людей [Карасик 2004]. Согласно типологии дискурсов, разработанной В. И. Карасиком, семейный дискурс относится к личностному типу дискурса. С точки зрения статусно-ролевых характеристик участников общения он не институциональный, поскольку определяется характером личных взаимоотношений собеседников, объединенных общими привычками и семейными традициями, а не типом сложившихся в обществе социальных институтов.

Семейный дискурс как особый тип коммуникации характеризуется такими чертами, как непринужденность, спонтанность, ситуативная обусловленность, неформальность, ярко выраженный субъективизм. Семья – сфера непринужденного общения, в рамках которого человек не ограничен строгими коммуникативными рамками и имеет большую свободу для проявления своей индивидуальности, в том числе и в языковом отношении, чем в других социальных группах. Вместе с тем,

семья есть нечто большее, чем индивидуальные биопсихологические характеристики ее членов. Члены семьи взаимодействуют в соответствии с определенным устройством, которое управляет их транзакциями и которое формируют целое – структуру семьи, ее иерархию, определяющую положение и коммуникативные роли всех относящихся к ней родственников [Черников 2001: 29].

В семейном дискурсе представлены различные модели речевого поведения, выбор которых в каждой конкретной ситуации обусловлен пространственно-временными рамками общения, интенциями коммуникантов, их семейными ролями и индивидуальными особенностями (характер, темперамент, возраст, профессия и др.).

Семейный диалог реализуется преимущественно в устной форме, поэтому в нем функционируют те же языковые единицы, что и в разговорной речи: экспрессивно-оценочная лексика, слова с переносным значением, междометия, местоимения, эллиптические конструкции и т. д., которые способствуют быстрому установлению контакта с собеседником, достижению взаимопонимания для эффективного решения повседневных бытовых проблем. Кроме того, «семейный язык» очень динамичен и чувствителен к любым изменениям в жизни его носителей. Каждая новая ситуация в жизни отдельно взятой семьи может стать поводом для создания окказионализма – новой речевой единицы, отличающейся особой экспрессивностью, образностью и эмоциональной окраской. При этом сами носители «семейного языка» часто не осознают себя творцами и не ощущают смысловую и формальную (языковую) специфичность созданного ими речевого продукта.

Несмотря на то, что для общения в рамках семьи характерен сниженный порог вежливости, важную роль в достижении коммуникативного успеха играют формулы речевого этикета (приветствия, обращения, просьбы, прощания и т. д.), обеспечивающие бесконфликтное взаимодействие общающихся и успешное достижение намеченных коммуникантами целей.

3. Этнокультурные особенности речевого этикета семейного общения в лезгинской лингвокультуре

3.1. Речевой этикет семейного общения большинства народов мира базируется на таких универсальных морально-этических ценностях, как почитание старших, забота о младших, взаимное уважение между супругами и др. Вместе с тем, каждый этнос структурирует семейную коммуникацию по-своему. Степень неформальности семейного диалога, понимание принципа субординации в общении членов семьи, коммуникативные предписания и запреты, а также выбор тона и стиля общения, вербальных и невербальных средств имеют национально специфический характер, что обусловлено как экстралингвистическими, так и языковыми факторами. Как отмечают ученые, «семья по причине своей значительной консервативности и по сей день остается носителем и каналом трансляции специфических этнических черт, передаваемых через поколенческие каналы» [Алимова, 2011: 48].

3.2. С древних времен лезгины с особым уважением относились к семье, которая считалась центром духовности, веры, религиозности, источником формирования национального духа. В мировоззренческих представлениях и верованиях народов Дагестана, их морали и эстетике жизни этикет семейных отношений составляет своеобразный культ, на котором основывается вся народная этика. Анализ лезгинского паремийного фонда позволяет утверждать, что лезгины на протяжении всей своей истории большое внимание уделяли прочности семейно-родовых связей, что, с одной стороны, обусловлено общечеловеческими ценностями и моральными нормами, с другой стороны – внутренним укладом традиционного дагестанского общества, которое всегда имело ярко выраженную иерархическую структуру с патриархальными порядками, основанными на беспрекословном подчинении младших – старшим: *Чехидаз яб тагайдан пел цла акьада.*

‘Ослушавшийся старшего лбом ударится об стену’; *Чехидаз яб тагузвай чкада гьахъвални жедач*. – ‘Где не слушаются старшего, там и справедливости не будет’; *Чехидал алуць, чехиди авачтIа, чехи къванцел хъайитIани алуць*. – ‘Советуйся со старшим, а если нет старшего, советуйся с большим камнем’; *ГъвечIиди-чехиди авачир кIвал тIал я*. – ‘Болен дом, где нет младшего-старшего (т. е. где нет субординации)’ и др.

О долге младших перед старшими говорится в следующих лезгинских пословицах: *Дидедин бурж баладивай хгуз жедач* ‘Ребенок перед матерью в вечном долгу’; *Аялди чехидилай чешне къачуда* ‘Ребенок со старшего берет пример’; *Бубадин писвал рухайри аквада* ‘Недоброжелательность отца сыновья чувствуют’; *Чехидаз яб тагайди чехи баладик акатда* ‘Кто не послушается старшего, тот в большую беду попадет’ и др.

В Дагестане уважение к старшим является главным морально-этическим принципом, определяющим характер взаимоотношений в семье. Каждый дагестанец, независимо от возраста и социального статуса, считает своим священным долгом уважать старшего по возрасту – человека, который прожил много лет, прошел много испытаний, приобрел жизненную мудрость. Почитание родителей закладывается в сознание ребенка как высшая моральная норма, придерживаясь которой, можно достичь успехов в жизни, завоевать авторитет в обществе. Поэтому вполне закономерно, что молодые приветствуют пожилых людей стоя, уступают им место, не садятся и не начинают разговор без разрешения старших, вежливо и лаконично отвечают на их вопросы. Такое поведение объясняется социально-историческими факторами. Как утверждают историки, в течение многих веков основой социально-политической и экономической жизни дагестанцев являлись джамааты – самостоятельные самоуправленческие общины, состоящие из тухумов – больших семей, объединений родственников, ведущих свое происхождение от одного предка –

праотца. Поведение каждого члена тухума контролировалось старшими, авторитетными и уважаемыми людьми. И хотя архаичный род как реальная социальная единица давно прекратил свое существование, родовые отношения, нормы поведения и обычаи, с ними связанные, сохранились у народов Дагестана до сих пор. Совместное проживание нескольких поколений одной семьи, которое наблюдается здесь и в наше время, способствует сохранению уважительного отношения младших к старшим, и наоборот.

3.3. Несмотря на то, что социально-исторические преобразования в Дагестане постепенно привели к демократизации внутрисемейных отношений, традиционный уклад современной дагестанской семьи до сих пор отличается строгой семейной иерархией с безусловным главенством мужчины, подчиненным положением женщины и приоритетной ролью старших по возрасту родственников. Это способствовало формированию особого типа коммуникативного поведения, главной чертой которого является индифферентность – проявление внешнего безразличия, эмоциональной сдержанности, подчеркнутой вежливости, соблюдение разнообразных речевых и невербальных табу. В основе такой коммуникативной модели – обычай избегания (ограниченного взаимодействия) в общении родителей и детей, мужа и жены, а также их родственников, который с древних времен существовал в культуре многих народов Кавказа. Взгляды исследователей на происхождение этого древнего обычая разнятся. В советский период он рассматривался преимущественно как негативный, постепенно отмирающий пережиток архаических форм отношений [Косвен 1961, Смирнова 1978]. Однако с развитием этнографической науки и накоплением теоретических знаний ученые стали трактовать его как неотъемлемый компонент этикета многих кавказских народов, один из способов демонстрации их внутренней культуры (скромности, деликатности, тактичности, взаимного уважения) [Бгажноков 1978а].

Совершенно очевидно, что обычай избегания играет важную роль в организации семейной коммуникации дагестанских народов, поддерживая порядок в семье, четко регулируя поведение ее членов, сохраняя иерархию отношений между родственниками. Сегодня в Дагестане, особенно в городах, данная традиция постепенно уходит в прошлое. Вместе с тем, во многих семьях (особенно на западе региона) все еще принято демонстрировать сдержанные отношения между мужем и женой, отцом и детьми (особенно дочерью), зятем и тещей, невесткой и свекром и т. д. Такой подход, основанный на здоровой иерархии, способствует установлению гармонии, взаимопонимания и крепких отношений в семье.

3.4. В речевом этикете лезгин свидетельством почтительного отношения к старшим по возрасту являются различные запреты и предписания. Так, в диалоге со старшим запрещается: использовать фамильярные и вульгарные высказывания; прерывать собеседника, окликать его или подзывать к себе для передачи информации; спорить с адресатом; при общении смотреть ему в глаза; обсуждать темы, касающиеся общения полов и т. д. Кроме того, в лезгинской культуре сложились определенные этикетные нормы, регламентирующие вхождение в контакт со старшими и выход из него. Общение, как правило, начинается с традиционных этикетных конструкций, состоящих из обращения к собеседнику, за которым следует извинение либо вопрос, содержащий просьбу о разрешении контакта: *Гьуьрметлу (гьуьрметлуди) буба (члехи буба)!* ‘Уважаемый отец (дедушка)!’ *Багьишламиша, ихтияр аватIа...* ‘Извини, если можно...’; *Вавай ... хабар къадай ихтияр авани?* ‘Можно ли у тебя спросить?’; *Эгер жедатIа, лагь ман...?* ‘Скажи, можно ли...’; *Багьишламиша, заз... герек я...* ‘Прости, мне нужно...’; *Инжиклу авунай багьишламиша...* ‘Прости за беспокойство...’ и др. Завершение контакта зависит от старшего: младший ожидает, когда ему позволят уйти или в крайних

случаях – в почтительных выражениях просит разрешения удалиться: *Багъишламиша, зун кIвализ хъфидай вахт я...* ‘Простите, мне пора идти домой...’ и др.

Таким образом, можно констатировать, что уважение к старшим у народов Дагестана практически доведено до масштабов культа. Некоторые ученые считают, что именно с этим фактором связан феномен кавказского долголетия: важная роль людей преклонного возраста в жизни семьи и общества, любовь и уважение со стороны окружающих обеспечивают им психологический комфорт, ограждают от депрессий, формируют активную жизненную позицию [Старовойтова 1987]. Данным обстоятельством, на наш взгляд, объясняется функционирование в речевом этикете лезгин специфичных с точки зрения славянской культуры пожеланий: *Вун кьуьзуь хьурай!* ‘Чтоб ты постарел!’, *Ви чуру рехи хьурай!* ‘Чтоб твоя борода поседела!’ (в значении: ‘Чтоб ты прожил до глубокой старости!’), которые адресуются самым близким людям.

4. Способы обращения к адресату в лезгинском семейном дискурсе

4.1. Культура семейных отношений у лезгин

О высокой культуре семейных отношений у лезгин свидетельствует наличие богатого арсенала обращений, которые широко используются в общении разных категорий родственников. Выбор данных этикетных единиц в каждой конкретной ситуации обусловлен рядом факторов: возрастными и гендерными признаками общающихся, их местом в семейной иерархии, характером взаимоотношений, обстоятельствами общения (взаимодействие происходит наедине или в присутствии третьих лиц), а также правилами и традициями отдельно взятой семьи. При этом следует отметить, что младшие в общении со

старшими при любых обстоятельствах сдержаны и вежливы (особенно дочь в разговоре с отцом).

В лезгинском семейном дискурсе в качестве обращений используются термины родства, метафорические номинации, при этом наибольшей продуктивностью характеризуются этикетные формулы, номинирующие адресата по признаку родства. В системе речевого этикета лезгин они принадлежат к наиболее архаичному и устойчивому к изменениям классу, который формировался на протяжении многих веков под влиянием культурно-исторических, социальных, психологических факторов. Термины родства являются специфическим национальным кодом, который содержит уникальную информацию об историко-культурной самобытности народа, особенностях его мировоззрения, традиций, ритуалов, норм речевого поведения. Как отмечают ученые, данные языковые единицы «дают более надежные основания для реконструкции прошлого, чем социальные институты» [Дзибель 1998: 89], поэтому их следует рассматривать как «один из аспектов традиционной бытовой культуры общения» [Бгажноков 1978б: 16].

4.2. Обращения младших к старшим

4.2.1. Обращаясь к отцу, лезгины используют синонимичные формы: *буба*, *дах* ‘отец’, ‘папа’, которые являются стилистически нейтральными и уместны в любых коммуникативных обстоятельствах. Вместе с тем, данные апеллятивы не тождественны по значению и не во всех ситуациях общения способны к взаимозаменяемости. Помимо общей семантики «мужчина по отношению к детям, которых он родил», обращения *дах*, *буба* в определенном контексте реализуют дифференциальные семы и несут неодинаковую коммуникативную нагрузку.

Стилистически нейтральный вокатив *буба* полисемантичен и обладает широкими функциональными возможностями. В рамках семьи

он активно используется в общении ребенка (независимо от пола и возраста) с родным отцом, отчимом, а также невестки со свекром, зятя с тестем. В кюринском диалекте лезгинского языка апеллатив *буба* часто адресуется дедушке по отцовской линии. В литературном языке носителем данного значения выступает составной термин *члехи буба* ‘дедушка’ (букв. ‘главный отец’). Это свидетельствует о том, что в лезгинской семье дед (даже в случае нетрудоспособности) наравне с отцом – главой семейства – пользуется большим авторитетом. Кроме того, данный факт подчеркивает приоритетные позиции родственников по отцовской линии в дагестанском социуме, что объясняется влиянием патриархального строя.

В речи детей младшего возраста иногда встречается усеченная форма *ба* ‘па’, адресуемая отцу (дедушке) в неформальной обстановке общения.

Следует отметить, что в лезгинском языке компонент *буба* обладает большим словообразовательным потенциалом, выступая производящей основой для других терминов родства – составных наименований: *бубад хва* ‘брат, братец’, *улли буба* ‘прадед’, *буба-диде* ‘родители’ [ЛРС].

Примечательно, что форма *буба* часто используется за рамками семьи при обращении к любому старшему по возрасту собеседнику, к которому адресант испытывает симпатию и уважение. Кроме того, в значениях «сын своего отца», «сын достойный отца» в качестве похвалы она может адресоваться мальчику, юноше, способствуя созданию благоприятного фона в рамках общения «старший – младший (по возрасту)».

Обращает на себя внимание тот факт, что в лезгинском языке, в отличие от русского языка, отсутствуют суффиксы субъективной оценки, придающие наименованиям эмоционально-оценочное значение, поэтому вокатив *буба* (равно как и другие наименования родства) не

имеет уменьшительно-ласкательных вариантов. Это вполне соотносится с традициями лезгинского семейного воспитания, согласно которым между отцом и детьми, независимо от их взаимоотношений, всегда сохраняется определенная дистанция – общение имеет строгий, сдержанный характер, не допускающий фамильярности и излишней эмоциональности [Ветрова, 2016].

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, лексема *буба* в лезгинском языке имеет исключительно положительные коннотации и устойчиво ассоциируется с понятиями «мужчина», «отец», «главный», которые занимают приоритетные позиции в морально-этическом кодексе жителей Дагестана. Данный языковой факт органично вплетается в систему древних верований и мировоззренческих установок лезгин, согласно которым *Кас Буба (Кас-Ба)* – дословно ‘Дед касов, т.е. первых людей’ – представитель первого поколения лезгин, а также популярный персонаж из лезгинского героического эпоса, мудрый старец, обладающий даром волшебства [Абдурагимов 1995]. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что родство по отцовской линии, ведущее свое происхождение от общего предка, у лезгин является доминирующим.

Носителем семантики «отец» в лезгинском языке является также апеллатив *дах*, который считается более «теплым» по эмоциональной окраске и обладает более широкими функциональными возможностями. В рамках родственных взаимоотношений его часто адресуют старшему брату, который в лезгинской семье занимает второе по статусу место после отца. Кроме того, данная форма является широко распространенным вежливым обращением к любому старшему по возрасту незнакомому собеседнику мужского пола с целью демонстрации уважения и вежливого отношения к нему.

4.2.2. В ситуации обращения к матери функционируют общеупотребительные вокативы *диде*, *бах* (характерен для кюринского

наречия), *мама*, а также диалектные формы: *бажи*, *йаъ*, *ана* [СЛЯ, ЛРС]. Данные обращения, кроме биологической матери, адресуют теще, свекрови или мачехе с целью сокращения дистанции между собеседниками и создания благоприятной атмосферы общения в семье. Вокатив *бах* часто используется за рамками семейного общения при учтивом обращении к женщине пожилого возраста, преимущественно в сельской местности.

Апеллятив *диде* в речи жителей кюринского наречия может адресоваться бабушке. В ахтынском диалекте в этой же ситуации используются обращения *баде* ‘бабушка’ – слово-компонит, образованный путем сращения двух слов: *ба* ‘отец’ + *де* ‘мать’ – (букв. ‘отец-мать’), либо *члехи диде* (букв. ‘главная мать’). В некоторых диалектах наряду с обращением *баде* встречаются формы *бада*, *паъ*, *йене* [ССЛЯ, СЛЯ].

Маркером непринужденного общения детей с матерью и/или бабушкой в лезгинском языке является усеченная форма *де*, равнозначная по семантике русскому *ма*.

В лезгинских диалектах синонимами термина со значением «мать» выступают формы: *йаъ* (курахский диалект), *ана* – заимствованная форма, распространенная в говорах кубинского диалекта, а также в речи лезгин, проживающих в Турции.

С пометой «диалектное» фиксируется в лезгинских словарях обращение *бажи* ‘мать’, которое используется как в отношении родной матери, так и в отношении любой старшей по возрасту женщине (например, старшей сестры или бабушки) в знак уважения и симпатии. В городах, преимущественно в речи молодого поколения, встречается русское обращение *мама*.

Рамками разговорной речи ограничено употребление усеченных вариантов – *де* ‘мама’, *ба* ‘папа’. Обращения *буба*, *диде* могут адресоваться также дедушке и бабушке соответственно, которые в

лезгинской семейной иерархии, наряду с отцом и матерью, всегда занимали почетное место.

Об уважительном отношении к данной категории родственников свидетельствуют сложные номинации: *чIexи буба* ‘дедушка’ (букв. ‘главный отец’), *чIexи диде* ‘бабушка’ (букв. ‘главная мать’), *баде* (образовано от двух сокращенных слов: *ба* ‘отец’ + *де* ‘мать’ < *бубадин диде* – букв.: ‘мать отца’).

Значение «бабушка» реализуют и диалектные формы: *бада*, *паъ*, *йене* [СЛЯ].

4.2.3. Сдержанность в семейном речевом этикете лезгин проявляется, как правило, на людях. В общении с родственниками наедине лезгины открыты, эмоциональны, что подтверждает активное функционирование в их речи обращений, содержащих информацию эмоционально-оценочного характера, например: *чан буба* ‘папочка’, *играми дах* ‘дорогой папа’, *чан бах* ‘мамочка’, *масан диде* ‘милая мама’ [ЛРС] и др. Важно отметить, что в лезгинском языке, отсутствуют суффиксы субъективной оценки, столь продуктивные в русском языке. Категория экспрессивности в речевом этикете лезгин реализуется преимущественно на лексическом уровне, например, с помощью лексемы *чан* (букв. ‘душа’, ‘душечка’), которая по семантике соответствует русским диминутивным суффиксам. Вместе с тем, в последнее время в речи представителей молодого поколения лезгин под влиянием русской коммуникативной традиции стали появляться несвойственные лезгинскому языку диминутивные формы: *дахка*, *бубашка* ‘папочка’, *бахка*, *дидешка* ‘мамочка’, образованные от лезгинских терминов родства с помощью русского диминутивного суффикса *-к-*.

4.2.4. В лезгинском речевом этикете существует четкая дифференциация обращений к родственникам по материнской и отцовской линиям. Причем это характерно как для литературного языка,

так и для диалектов. Обратиться к дяде в лезгинском языке можно с помощью нескольких лексем – *халу*, *дайи*, *ими*, *амле*, выбор которых зависит от характера родственных связей.

Обращение *халу* (или диал. *дайи*) употребляется в следующих значениях: 1) брат матери; 2) муж тети; 3) вежливое обращение к взрослому человеку – родственнику по материнской линии или любому мужчине, старшему по возрасту.

Обращения *ими* и *амле* лезгины адресуют брату и другим родственникам мужского пола по отцовской линии. Компонент *ими* является производящей основой для обращений к другим родственникам: *имидин руш* – ‘двоюродная сестра’ (дочка дяди со стороны отца), *имидин хва* – ‘двоюродный брат’ (сын дяди со стороны отца). Однако в роли обращений такие формы практически не используются.

В лезгинском языке функционирует несколько обращений к тете: *эме*, *хала*, *имид свас*, *халуд свас*, *бах*, выбор которых определяется характером родственных связей. Так, к сестре отца, а также всем родственникам женского пола по отцовской линии (речь идет о взрослых адресатах, которых не принято называть по имени) обращаются *эме* (в некоторых диалектах – *мума*, *биби*, *бубавах*), а к сестре матери и родственницам по матери – *хала*.

Следует отметить, что вокатив *хала* употребляется не только в общении с родной тетей, но и при обращении к какой-либо старшей по возрасту женщине, а в повседневном общении – молодой женщине, девушке, тогда как обращение *эме* не развивает вторичных значений и не выходит за пределы семейного общения.

К тете – жене дяди по отцовской линии – обычно обращаются *имид свас*, а по материнской линии – *халуд свас* (букв. ‘невеста дяди’).

Особенности использования в лезгинском языке обращений, называющих родственников со стороны отца и матери, свидетельствуют

о более высоком ранге родственников со стороны отца. Подтверждением этого служит и тот факт, что в ахтынском диалекте при обращении к отцу нередко употребляется вокатив *даш*, который используется в этом же диалекте при обращении к дяде по отцовской линии.

При обращении к братьям / сестрам отца и матери термины родства (в препозиции) могут сочетаться с личными именами: *Сабир ими!*, *Имамат бах!*

Как видим, взаимоотношения младших со старшими в лезгинской семье достаточно сдержаны, что объясняется не только социально-историческим опытом этноса, но и особенностями его мировосприятия, в котором эмоционально-чувственные проявления вытесняются рациональными и нравственными качествами: строгая приверженность национальным и семейным традициям, сохранение чести и достоинства в любых коммуникативных обстоятельствах.

4.3. Обращения старших к младшим

4.3.1 Как свидетельствует проведенный анализ, общение между родителями и детьми в лезгинской лингвокультуре строится на принципе глубокого взаимоуважения, поэтому не только младшие к старшим, но и старшие к младшим относятся с любовью и заботой. В лезгинской коммуникативной практике характер взаимоотношений между родителями и детьми определяется в первую очередь обстоятельствами общения (взаимодействие происходит наедине или в присутствии третьих лиц). Открытое проявление родительской ласки к сыну или дочери лезгины всегда расценивали как слабость. В общении мужчин запрету подлежат вопросы о жене, детях и вообще любые разговоры о них, тогда как в общении женщин тема семьи и детей естественна, более того, обязательна. Из этого следует, что поведение матери по отношению к детям не столь строго регламентировано, вместе

с тем, женщина также не должна в присутствии посторонних демонстрировать свои чувства. Родители в разговоре с представителями своего тухума всегда говорили о детях сдержано и лаконично. Отец называл их: *зи члехиди* ‘мой старший’, *зи кьуланди* ‘моя средняя’, *зи гъвечли* ‘мой младший’ и др. Как видим, обязательный компонент подобных номинаций – притяжательные местоимения *мой, моя*, что является проявлением мужского эгоцентризма, характерного для семейного этикета народов Дагестана. Мать в общении со своими родственниками использовала формы: *чи хва* ‘наш (с Вами) сын’, *чи гъвечли руш* ‘наша (с Вами) младшая дочка’ и др., а в диалоге с родственниками мужа – *куь хва (гада)* ‘ваш мальчик’, *куь руш* ‘ваша девочка’ либо *хва, руш* + имя мужа и др. Таким образом, в зависимости от ситуации женщина подчеркивала либо свою принадлежность к тухуму отца, либо принадлежность своих детей к тухуму мужа.

4.3.2 К сыну, как и к отцу, в лезгинской семье всегда относились с особым уважением, поскольку он считался защитником, продолжателем рода и должен был заботиться о родителях в старости. Согласно патриархальному мировоззрению горцев, сын – гордость отца, тогда как рождение дочери – печальное событие, так как дочь создает семью для чужих. В современном обществе подобные взгляды считаются устаревшими, однако приоритет мальчиков в многодетной дагестанской семье до сих пор сохраняется, а традиционный семейный уклад характеризуется жесткой семейной иерархией (жена подчиняется мужу, сестры подчиняются братьям). В Дагестане воспитание девочек и мальчиков осуществляется по-разному, что обусловлено необходимостью привития детям соответствующих навыков с учетом их будущей роли в общественной жизни. В связи с этим, общение с девочками имеет отличный от общения с мальчиками характер. В воспитании детей, особенно мальчиков, мужчина принимает активное участие.

В роли обращения к сыну (зятю), а также любому младшему по возрасту лицу мужского пола функционируют стилистически нейтральная форма *я гада!* ‘сын’, ‘мальчик’, заимствованная из персидского языка, а также имеющий позитивную коннотацию исконный вокатив *хва* ‘сын, сынок’, который в сочетании с местоимением *зи* ‘мой’, а также лексемы *чан* (букв. ‘душа моя’, ‘милый, дорогой’) сигнализирует о теплых, нежных взаимоотношениях общающихся: *Алад, чан хва, ваз хъсан рехъ хъурай, вун ви метлебрихъ агакърай!* ‘Ступай, сынок, счастливого тебе пути, да сопутствует тебе успех’ [Лезги халкъдин махар]. Подобные ласковые обращения уместны только в разговоре матери с сыном: *вирибуру, чан хва, кIвалахзава* ‘все, милый сынок, работают’. Мужчины в общении со своими сыновьями отдают предпочтение стилистически нейтральным вариантам. Проявление отцом нежных чувств к ребенку (особенно сыну) у лезгин считается слабостью.

4.3.3. В лезгинском речевом этикете термину со значением «дочь» соответствует апеллатив *руш*, который в рамках семьи активно используется отцом и матерью в общении с дочерью, а также родителями мужа в общении с невесткой. Маркером теплых взаимоотношений является уменьшительно-ласкательный вариант *чан руш* ‘доченька’: *Стхаяр вахъ, чан руш, ирид авай* ‘Братьев у тебя, доченька, было семеро’.

4.3.4. Среди обращений к детям (внукам) встречаются термины родства, не содержащие в своей семантике указание на пол собеседника: *аял, велед, бала* ‘дитя, ребенок’: *Чан бала, ваз минет хъуй, акъвазра* ‘Детка, прошу тебя, остановись’ [Лезги халкъдин махар]. В общении матери с ребенком такие апеллативы чаще всего сочетаются с лексемой *чан*, придающей им нежной, ласковой окраски: *чан бала* ‘милый ребенок’.

Функцию обращения к коллективному адресату выполняют плуральные формы: *Аялар, иниз ша* ‘Дети, идите сюда’.

Интересный способ обращения к ребенку встречается в фольклоре и разговорной речи лезгин – вместо традиционных терминов родства со значениями «сын», «дочь», «ребенок», используются притяжательные прилагательные, содержащие в семантике указание на характер родства (чей?): *кІвализ хъша, чан дидедин* ‘иди домой, милый мамин’ (т. е. ‘мой сынок’); *инал ша, халадин* ‘иди сюда, тетин’ (т. е. ‘мой племянник’). Такие формы имеют ласкательное значение.

4.3.5. В интимной обстановке лезгинки более эмоциональны и свободны в выборе речевых средств. Подтверждением этого является широкий арсенал обращений метафорического характера, в основе которых – различные ассоциации с объектами и явлениями окружающего мира: *чан дидедин къарникъуз* ‘милый мой грибочек’, *дидедин къизил* ‘золотце мое’, *чан дидедин гъана авай са къуър* ‘милый мой зайчик’, *къуърен шараг* ‘маленький зайчик’, *чан зи джейран* ‘милая моя косуля’; *чан зи гъвечи чубарук* ‘милая моя маленькая ласточка’ и др. Следует отметить, что подобные формы чаще всего используют бабушки в общении с внуками.

4.3.6. Примечательно, что имена собственные в семейном общении лезгин в качестве обращений функционируют редко, преимущественно в официальной тональности общения (в присутствии посторонних лиц). По мнению дагестанцев, такой способ обращения к адресату не способствует сближению собеседников, поэтому в теплой непринужденной обстановке имена собственные часто вытесняются номинациями из системы ближнего родства. Это свидетельствует о том, что родственные отношения всегда играли и играют по сегодняшний день приоритетную роль в жизни дагестанского общества. Вместе с тем, следует отметить, что в современном общении лезгин обращение к собеседнику по имени (под влиянием русской коммуникативной традиции) приобретает все большую популярность. При этом отсутствие в лезгинском языке суффиксов субъективной оценки, указывающих на

характер взаимоотношений общающихся, компенсируется за счет диминутивных суффиксов, заимствованных из русского языка: *Аниятка*, *Сельминатка* и т. д. Характерно, что уменьшительно-ласкательные формы образуются исключительно от женских имен. Открытое проявление нежных чувств по отношению к представителю мужского пола у лезгин не приветствуется.

5. Обращения в общении супругов

5.1. Как отмечалось выше, отношения между мужчиной и женщиной в лезгинской семье строятся на основе жесткой семейной иерархии. И хотя согласно Корану мужчина не имеет перед женщиной никаких преимуществ, поскольку все перед Аллахом равны, неравенство полов до настоящего времени является отличительным признаком семейной жизни горцев. Внешне это проявляется в безразличии, эмоциональной сдержанности, соблюдении различных табу. Успешной реализации данного стиля поведения способствуют структурные особенности лезгинского языка, в котором отсутствует грамматическая категория рода, способствующая акцентуации гендерной идентичности, а также суффиксы субъективной оценки, позволяющие выразить отношение к собеседнику.

Взаимодействие между мужем и женой в лезгинской семье с древних времен регулировалось нормами обычного права, в соответствии с которыми супругам не разрешалось находиться в одном помещении, разговаривать, есть за одним столом, оставаться наедине. Заходя в дом, муж обращался к жене лишь в том случае, когда в нем находился представитель мужского пола, либо когда контакта невозможно было избежать. Слова похвалы в адрес мужа или жены расценивались как нарушение элементарных этикетных норм. В разговорах с посторонними людьми и даже с собственными детьми супруги никогда не называли друг

друга по имени. Данные предписания до сих пор соблюдаются во многих дагестанских семьях, особенно в селах.

Однако отношения между мужчиной и женщиной в Дагестане нельзя рассматривать как антагонистические и авторитарные. Мужское доминирование, закрепившееся в стереотипах общественного сознания дагестанцев, органически соотносится с глубоким уважением женщины-матери, хранительницы семейного очага, о чем красноречиво свидетельствуют различные жанры фольклора, в частности пословицы: *Диде хъайила, буба жигъида* 'Была бы мать, а отец найдется'; *Буба къейитIа садра етим, диде къейитIа иридра етим жеда* 'Если отец умрет, однажды будешь сиротой, а если мать умрет, – семь раз'; *Паназ кIан хъайитIа, ламракай итим ийида* 'Жена захочет – из осла мужчину сделает'; *Паб устIар я, гъуьл – фяле* 'Муж (в семье) – подмастерье, а жена – мастер' и др.

Данные народные изречения подтверждают высказанное учеными предположение о том, что многое в дагестанских языках сохранилось и от эпохи матриархата [Ильин 2010].

5.2. В лезгинском языке значение «муж по отношению к жене» актуализируется с помощью нескольких лексем-терминов родства: *гъуьл, итим*, которые вне семейного общения употребляются в значении 'мужчина'. При обращении жены к мужу чаще всего используются вокативы *яда!* (сокращенное *я + гада!*) *я итим* – букв. 'эй, мужчина!'.

Лексема *гъуьл* в рамках семейного общения относится к речевым табу и в качестве обращения жены к мужу не используется, поскольку содержит в своей семантике указание на половую принадлежность адресата.

При обращении мужа к жене (как правило, в присутствии посторонних людей) используются формы: *я руш!*, *я наб!* (букв. 'эй, женщина, жена!'), которые могут использоваться за рамками семьи при обращении к женщине старше 30 лет: *Я наб, им чIехи мурад*

тушни, жуваз хва хъана, хва чIехи хъана, адан мехъер, межлис акун ‘Эй, женщина, разве это не самая главная твоя цель – родить сына, увидеть, как он стал большим и сыграть ему свадьбу’.

Разговорный, доброжелательный характер имеет обращение *я къари!* ‘жена’ (букв. ‘старуха’), которое муж адресует своей жене, общаясь с ней наедине: *Я къари, чехир гъваш!* ‘Жена, принеси вино!’.

5.3. В разных коммуникативных ситуациях женщина, называя своего мужа, использует различные не прямые номинации, преимущественно термины родства в сочетании с притяжательными местоимениями. Например, в общении с детьми – *куь дах* ‘ваш отец’, *чи чIехиди* ‘наш старший’ и др.; в общении с другими родственниками – *ви стха* ‘твой брат’, *ви амледин (имидин) хва* ‘твой двоюродный брат’ (по отцовской линии), *ви ими* ‘твой дядя’ и др.; в общении с соседями, друзьями – *куь юлдаш* ‘ваш друг’ и др.; в общении с посторонними людьми – *чи им* ‘этот наш’, *аялрин дах* ‘отец детей’, *дах* ‘отец + имя ребенка (как правило, старшего сына). Аналогичный принцип называния использует и мужчина в отношении своей супруги: *куь диде* ‘ваша мать’, *чи иеси наб* ‘наша хозяйка’, *чи чIехи* ‘наша старшая’, *аялрин диде* ‘мать детей’, *диде* ‘мать + имя старшего сына’, *куь руш* ‘ваша дочка’, *ви хтул руш* ‘твоя племянница’, *ви имид руш* ‘твоя двоюродная сестра’ (по отцовской линии), *ви халад руш* ‘твоя двоюродная сестра’ (по материнской линии) и т. д.

5.4. В интимной обстановке супруги более свободны в выборе обращений и активно используют не только традиционные формы (термины родства, имена собственные), но и нестандартные вокативы (эвфемизмы, образные выражения, шуточные прозвища и т. д.), связанные с позитивными эмоциями и переживаниями. В речи мужчин распространены обращения метафорического характера, в основе которых – различные ассоциации с объектами и явлениями окружающей действительности: (*я*) + *джан* ‘душа’, *рикI* ‘сердце’, *я алма* ‘яблочко’,

цук ‘цветок’, *бевеша* ‘фиалка’, *жейран* ‘лань’, *варз* ‘луна’, *экуьнин гъед* ‘утренняя звезда’, *маржан* ‘жемчуг’ и др.

Не менее частотны в употреблении субстантивированные формы, прямо указывающие на чувства адресанта, например: *Яр*, *кІаниди*, *дилбер*, *чан севдугуьм* ‘любимая’, *гуьзел яр* ‘любимая моя’; *зи масанди* ‘моя дорогая’, а также номинации оценочного характера: *гуьзел*, *тават*, *суна* ‘красавица’ [Магамдаров 1999].

Женщины в общении с мужем наедине отдают предпочтение субстантивированным формам, часто в сочетании с притяжательным местоимением *мой*: *зи кІаниди* ‘мой возлюбленный’, *масан* ‘дорогой’, *рикІ* ‘любимый’, *играми* ‘желанный’, *заз авай сад* ‘мой единственный’ [ЛРС] и др.

Нестандартные вокативы в семейном общении выполняют в первую очередь эмоционально-оценочную функцию, сигнализируя о нежном отношении к собеседнику. Номинативная и апеллятивная функции в них второстепенны. Следует отметить, что обращения к близким родственникам в лезгинском языке, как правило, сопровождаются притяжательными местоимениями ‘мой’, ‘моя’, ‘наши’, что свидетельствует об эгоцентричном характере семейного общения лезгин.

Примечательно, что в лезгинском языке формы *я къари*, *я къужа* (букв. ‘старуха’, ‘старик’ используются не только в отношении мужа и жены, но и при обращении к людям старшего возраста. Такие формы не содержат негативных коннотаций, что свидетельствует о культуре старых людей в лезгинской лингвокультуре.

6. Заключение

Анализ этикетных формул обращения в лезгинском семейном дискурсе позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Речевое поведение лезгин в рамках семьи базируется на общечеловеческих морально-этических принципах: почитание старших, забота о младших, взаимоуважение между супругами, родителями и детьми, однако коммуникативная и речевая реализация данных принципов в лезгинской лингвокультуре имеет национально-специфический характер.

2. Семейное общение лезгин до настоящего времени сохраняет устойчивые черты патриархальности и андроцентричности, что проявляется в жестком разграничении мужских и женских ролей с безусловным главенством мужчины, подчиненным положением женщины и приоритетной ролью старших по возрасту родственников, строго регламентированном и эмоционально сдержанном характере общения между представителями разных полов и возрастов, а также в соблюдении различных коммуникативных ограничений и речевых табу.

3. О высокой культуре родственных отношений лезгин свидетельствует богатый арсенал обращений, выбор которых зависит от ряда факторов – таких, как: семейный статус, возраст, гендерные особенности коммуникантов, характер их взаимоотношений; ситуация общения (взаимодействие осуществляется наедине или в присутствии третьих лиц). В качестве обращений могут использоваться: термины родства, метафорические номинации, имена собственные.

4. Наибольшей степенью продуктивности в рамках семейного общения характеризуются термины родства, которые являются стилистически нейтральными и уместны в любой ситуации общения. Имена собственные в семейном общении лезгин в качестве обращений функционируют редко, преимущественно в официальной тональности общения. В непринужденной семейной обстановке имена собственные

часто вытесняются номинациями из системы ближнего родства, что обусловлено приоритетной ролью семейно-родственных отношений в жизни дагестанского общества. Нестандартные метафорические номинации, обладающие большим образным и эмотивным потенциалом и выражающие отношение говорящего к адресату, используются исключительно в ситуации общения наедине. Открытое проявление нежных чувств даже в рамках семьи у лезгин не приветствуется.

5. Большинство лезгинских обращений-терминов родства являются полисемантическими и могут адресоваться членам семьи, занимающим разные позиции в семейной иерархии (*буба* – обращение к отцу, деду, сыну; *бажи* – обращение к матери и бабушке). В лезгинском языке для называния старших по возрасту родственников (отца, матери, дедушки, бабушки) существует несколько вариантов обращений, что является отголоском патриархального родового строя.

6. В лезгинском языке отсутствуют суффиксы субъективной оценки, которые являются носителями и трансляторами эмотивного и оценочного значения, поэтому наименования родства не имеют уменьшительно-ласкательных вариантов. Это вполне соотносится с традициями лезгинского семейного воспитания, согласно которым между отцом и детьми, мужем и женой, независимо от их взаимоотношений, всегда сохраняется определенная дистанция – общение имеет строгий, сдержанный характер, не допускающий фамильярности и излишней эмоциональности.

7. Особенности использования в лезгинском языке обращений, называющих родственников со стороны отца и матери, свидетельствуют о более высоком ранге родственников со стороны отца.

8. Этикетные формулы обращения, используемые в рамках семейного дискурса, содержат уникальную информацию об историко-культурной самобытности народа, особенностях его мировоззрения, традиций, ритуалов, норм речевого поведения и ценностных приоритетов, сформированных в течение многих веков.

Список литературы

1. Абдурагимов Г. А. Кавказская Албания – Лезгистан: история и современность / Г. А. Абдурагимов. – Спб., 1995. – 608 с.
2. Алимова Б. М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы / Б. М. Алимова // Вестник Института ИАЭ. – 2011. – № 1 (25). – С. 48–52.
3. Анохина В. С. Коммуникативный и адаптационный аспекты речевого общения в семье как в малой социальной группе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анохина Виктория Сергеевна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. – Таганрог, 2009. – 346 с.
4. Арутюнова Н. Д. Дискурс. Речь / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002. – С. 136–137.
5. Бабаян В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики / В. Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 1. – С. 76–81.
6. Басыров, Ш. Р. Эмоционально-оценочные наименования лиц по родственным отношениям в разноструктурных языках: структура, семантика и функционирование / Ш. Р. Басыров, Е. И. Петрищева. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – 275 с. – ISBN 978-5-00262-005-0.
7. Байкулова А. Н. Культура семейного общения как залог культуры общества в целом / А. Н. Байкулова // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 103–106.
8. Байкулова А. Н. Общее и специфическое в речевом общении разных семей / А. Н. Байкулова // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – Вып. 28. – С. 136–143.
9. Байкулова А. Н. Повседневная семейно-родственная коммуникация: новая реальность, динамика языковых и культурных процессов / А. Н. Байкулова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22. – Вып. 3. – С. 273–277. – <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-273-277>.
10. Байкулова, А. Н. Речевое общение в семье: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Байкулова Алла Николаевна; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2006. – 20 с.
11. Байкулова А. Н. Семейная беседа // Хорошая речь / О. Б. Сиротинина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович и др.; под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – С. 151–163.
12. Байкулова А. Н. Семейный лексикон (номинации ближайших бытовых объектов) / А. Н. Байкулова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – Т. 9, № 3. – С. 12-15.
13. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик: Эльбрус, 1978а. – 158 с.
14. Бгажноков Б. Х. Коммуникативное поведение и культура / Б. Х. Бгажноков // Советская этнография. – 1978б. – № 5. – С. 3-17.
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю. Н. Караулова [и др.], общ. ред., вступ. ст. и коммент. акад. РАН Ю. С. Степанова. – Изд. 4-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 446. – (Лингвистическое наследие XX века); ISBN 978-5-397-00968-3.
16. Бондаренко Е. В. Межкультурная семейная коммуникация как особый тип общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бондаренко Екатерина Владимировна; [Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т]. – Волгоград, 2010. – 23 с.

17. Ветрова Э. С. Об особенностях речевого этикета семейного общения (на материале украинского и лезгинского языков) / Э. С. Ветрова // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 2 (28). – С. 156–163.
18. Ветрова Э. С. Особенности репрезентации гендерных отношений в украинских и лезгинских обращениях / Э. С. Ветрова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 4 (73). – С. 52–58.
19. Виноградов С. И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи / С. И. Виноградов // Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996. – 441 с.
20. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур; Российская Академия наук. Институт русского языка. – М.: Наука, 1993. – 171 с.
21. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов. – Л.: Прибой, 1929. – 188 с.
22. Воронцова Т. А. Прагматические и стилистические характеристики бытового дискурса в интернет-коммуникации / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 9 (455). Филологические науки. – Вып. 126. – С. 48–52.
23. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты / В. С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
24. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
25. Дворянцева В. В. Лингвопрагматические особенности бытового диалогического дискурса: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Дворянцева Виктория Венедиктовна; [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. – Майкоп, 2013. – 21 с.
26. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
27. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – С. 112–113.
28. Дзибель Г. В. Термины родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому / Г. В. Дзибель // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. – СПб.: Наука, 1998. – Вып. 2. – С. 89–135.
29. Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) / А. В. Занадворова; Отв. ред. Л. П. Крысин // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М: Языки славянской культуры, 2003. – С. 277–340.
30. Занадворова А. В. Прозвище и обращение в семейном речевом общении / А. В. Занадворова // Сб. Русский язык сегодня. – М: Азбуковник, 2001. – С. 260–267.
31. Занадворова А. В. Функционирование русского языка в малых социальных группах: речевое общение в семье»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Занадворова Анна Владимировна; [Место защиты: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2001. – 18 с.
32. Звягинцева В. В. Обращение в семейном дискурсе: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Звягинцева Виктория Валерьевна; [Место защиты: Кур. гос. ун-т]. – Курск, 2011. – 147 с.
33. Ильин Е. П. Пол и гендер / Е. П. Ильин. – СПб: Питер, 2010. – 688 с.

34. Капанадзе Л. А. Семейный диалог и семейные номинации / Л. А. Капанадзе // Язык и личность. – М., 1989. – С. 100–104.
35. Карасик В. И. Общие проблемы изучения дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
36. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2000. – С. 5–20. – EDN VWHLIZ.
37. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
38. Кашкин В. Б. Дискурс / В. Б. Кашкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 76 с. – EDN QGVHCH.
39. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
40. Кибрик А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики; под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М.: МГУ, 1997. – С. 276–339.
41. Китайгородская М. В. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Русские словари, 1999. – 396 с.
42. Китайгородская М. В. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы: монография / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 496 с.
43. Кормилицына М. Л. Ещё раз о структуре разговорного текста / М. Л. Кормилицына, О. Б. Сиротина // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва. – М.: Индрик, 2001. – С. 312–322.
44. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы / М. О. Косвен. – М.: Изд. АН СССР, 1961. – 280 с.
45. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
46. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7–25.
47. Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания / Е. С. Кубрякова // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 23–33.
48. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия лит. и яз. – 1997. – С. 22–31. Т. 56. – № 3. – С. 22–31.
49. Кукушкина Е. Ю. Домашний язык в семье / Е. Ю. Кукушкина // Язык и личность. – М., 1989. – С. 30.
50. Магамдаров Р. Ш. Лингвокультурологический анализ концепта «Фемина» в лезгинском языке: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.09 / Магамдаров Румик Шихкеримович; [Место защиты: Дагестанский государственный университет]. – Махачкала, 1999. – 152 с.
51. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

52. Нестерова Т. В. Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Нестерова Татьяна Вячеславовна; [Место защиты: Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина]. – Москва, 1999. – 28 с.
53. Петрищева Е. И. Стилистически маркированные наименования лиц по родственным отношениям: сопоставительный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Петрищева Елена Игоревна [Место защиты: Донецкий нац. ун-т]. – Донецк, 2021. – 272 с.
54. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика / под ред. Сиротининой О. Б. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
55. Родина В. В. Дискурс: генезис, природа и содержание, обзор научных школ / В. В. Родина // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 1(109). – С. 101-111.
56. Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций / О. Ф. Русакова // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – С. 10–28.
57. Смирнова Я. С. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа / Я. С. Смирнова // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. – М.: Наука, 1978. – С. 118-163.
58. Солганик Г. Я. Стилистика текста: учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 256 с.
59. Старовойтова Г. В. Психологические особенности кавказских долгожителей / Г. В. Старовойтова // Абхазское долгожительство. – М.: Наука, 1987. – С. 263–269.
60. Темнова Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – 168 с. – ISBN 5-317-00981-2.
61. Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.
62. Хитина М. В. Понятие «дискурс» (история и современность) / М. В. Хитина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 556. – С. 253-262. – EDN DPXSHK.
63. Чабаненко М. Г. Бытовой дискурс как экспликатор коллективной языковой личности молодёжной коммуникации / М. Г. Чабаненко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 201–203.
64. Чайковский Р. Р. Язык в семье как разновидность социолекта / Р. Р. Чайковский // Вариативность как свойство языковой системы: тезисы докладов конференции / отв. ред. В. М. Солнцев. Ч. 2. – М.: Наука, 1982. – С. 110-113.
65. Черников, А. В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики / А. В. Черников. – М., 2001. – 208 с.
66. Шарифуллин Б. Я. Язык современного сибирского города / Б. Я. Шарифуллин // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Вып. 5. – Красноярск, 1997. – С. 8-26.
67. Ширяев Е. Н. Структура разговорного повествования / Е. Н. Ширяев // Русский язык: текст как целое и компоненты текста. – М., 1982. – С. 106–121.
68. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник научных трудов / под редакцией В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2000. – 228 с. – ISBN 5-88234-444-1.
69. Blum–Kulka Sh. You Don't Touch Lettuce with Your Fingers: Parental Politeness in Family Discourse / Sh. Blum–Kulka // Journal–of–Pragmatics; 1990, 14, 2, Apr, 259–288.

70. Cook G. The Discourse of Advertising / G. Cook. London; New York, 1992. – 250 p.
71. Fairclough, M. The Discourse on Language / M. Fairclough // The Archaeology of Knowledge & Discourse on Language. New York: Pantheon Books, 1989. – P. 215–237.
72. Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris // Language. 1952. – Vol. 28. – № 1. P. 1–30.
73. Riesel, E., Schendels, E. Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. Moskau: Verlag „Hochschule“, 1975. – 316 S.
74. Taylor, W. R. Research of family Interaction: Static and Dynamic Models / W. R. Taylor // Family Process, 1970. – № 9. – P. 221–232.
75. Van Dijk, Teun A. Society and discourse: How social contexts influence text and talk. Cambridge University Press, 2009.
76. Vuchinich S. The sequential organization of closing in verbal family conflict // Conflict talk. Cambridge. 1990.
77. Wodak, Ruth, and Michael Meyer, eds. Methods for critical discourse analysis. Sage, 2009.

Список лексикографических источников

- ЛРС – Лезгинско-русский словарь / сост. Б. Б. Талибов, М. М. Гаджиев; под ред. Р. Гайдарова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 603 с.
- РЛС – Русско-лезгинский словарь / М. М. Гаджиев, Б. Б. Талибов / под ред. Р. И. Гайдарова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 604 с.
- СЛЯ – Гюльмагомедов А. Г. Словарь лезгинского языка / А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. – 1083 с.
- ССЛЯ – Гюльмагомедов А. Г. Словарь синонимов лезгинского языка / А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. – 147 с.

РАЗДЕЛ III

ОНИМНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1. Вводные замечания и исходные положения

Исследование поэзии с точки зрения ономастики выявляет взаимодействия поэтонима со стиховыми структурами на разных уровнях – фонетическом, лексико-семантическом, синтактико-просодическом, а также с категориями и явлениями, выходящим за пределы стихотворных текстов и узко языковедческих интересов. Выявить специфику функционирования проприальной единицы как языкового знака и культурно значимого феномена, показать его связи с мировоззренческой и поэтической концепцией автора, эксплицировать особенности его отношений с разноуровневыми структурами произведения и широким контекстом, понимаемым как дискурс, – задачи непростые. Однако они могут быть решены в значительной мере в ходе поэтонимологического анализа с помощью лингвистических инструментов, с опорой на теоретические наработки, которыми располагает современная лингвистическая наука. Они включают применение традиционных методологических средств (описательный метод, приемы наблюдения и обобщения, методики интерпретации текста на основе семантического, лингвостилистического и фоностилистического анализа, разбора сегментного состава поэтонимов и апеллятивной лексики) в комплексе с контекстуальным анализом, с элементами лингвокультурологического и персонологического анализа, что позволяет выявить концептуально значимые смыслы.

В последнее время в филологии активизируется интерес к дискурс-анализу языкового материала разного рода» [Абросимова 2020; Елина 2021; Золян 2023; Карасик 2013 и др.]. Несмотря на то, что поэтический дискурс становится предметом изучения значительного количества работ,

вопросы его организации остаются мало изученными с точки зрения ономастики. Дискурсивный аспект употребления онимной лексики в творчестве поэтов позволяет, помимо получения чисто лингвистических результатов, выявить особенности мировоззрения выдающихся личностей своего времени, установить детали культурного взаимодействия и взаимообмена в ту или иную эпоху или даже в аспекте диахронии.

При наличии в научных кругах множества толкований дискурса и отсутствии единого для всех понимания этого термина, представляется целесообразным исходить из заключения, что «язык как система запускается в действие и функционирует как дискурс» [Золян 2023: 9]. С. Т. Золян так формулирует свою точку зрения: «Дискурс — это не только форма актуализация языка, не сводимая к речи, но также и некоторая дополнительная по отношению к синтагматическим и ассоциативным (парадигматическим) связям, все еще непонятная, и не только Соссюру, но и нам система соотнесения понятий, разделенных в языке и соединяемых в дискурсе» [Золян 2023: 9], ссылаясь при этом на замечание де Соссюра: «дискурс состоит, даже в основе своей и непонятным для нас образом, в утверждении связи между двумя понятиями, которые наделены языковой формой, тогда как язык порождает лишь изолированные понятия, которые должны быть связаны друг с другом, чтобы можно было выразить смысл мысли» [Saussure 2006: 197]. Следовательно, анализ дискурса предполагает не столько анализ понятий, сколько анализ связей между понятиями.

Поэтонимы как элемент художественного дискурса обладают особым содержательным потенциалом в силу своей природы и статуса. Р. О. Якобсон писал: «Имена собственные <...> занимают в нашем языковом коде особое место: общее значение имени собственного не может быть определено без ссылки на код [Якобсон 1972: 96]. В семиотическую систему художественного произведения включена система поэтонимов этого произведения, будучи, в свою очередь, включённой в систему онимного пространства языка как часть

целого. Таким образом, поэтонимия конкретного произведения является составляющей двух систем одновременно: языковой системы определённой монокультуры (включающей в себя подсистему онимного пространства языка) и художественной системы произведения (цикла / наследия) автора, т. е. единственного в своём роде, неповторимого мира, созданного творческим авторским сознанием. Изучение соотношения этих систем можно было бы определить как одну из задач поэтонимологии. При решении этой задачи необходимо учитывать, что любые формы расхождений между реальной и литературной онимией всегда воспринимаются только сквозь призму смысловой системы конкретного национального языка данной эпохи. «Каким бы воображением и силой фантазии ни обладал писатель, собственные имена в его произведении будут восприниматься и пониматься читателем только в связи с тем, в какой мере и как отражена или преобразована ономастическая система общенародного языка» [Калинкин 2001: 94-95].

В подлинно художественном произведении все элементы объединены участием в формировании его содержательной стороны, что создаёт необходимость учитывать одновременно ряд важных факторов: и многогранность явления имени собственного, и специфику текста художественной речи как многоуровневой системы, и мировосприятие каждого конкретного автора, отражающееся в особенностях его индивидуального стиля, и своеобразие изображаемой эпохи, определенного культурно-исторического среза, преломлённое авторским видением. Поэтому анализ содержательности конкретного произведения «требуется не изолированного, автономного рассмотрения отдельных частей, а исследования стиховой организации в целом как системы взаимосвязанных элементов, каждый из которых значим не сам по себе, а лишь во взаимодействии с другими» [Гиршман 2002: 132].

2. Художественная ценность поэтонима в совокупном звучании целого

Художественное произведение – это своеобразная система, характеризующаяся интегративными качествами, не присущими его отдельным компонентам, но возникающими в результате творческого процесса. Оно является не просто структурированной упорядоченной системой, но системой, управляемой внутренней связностью, согласно определению В. Н. Топорова, «совокупность элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента закономерно отражается на остальных элементах» [Топоров 1962: 9-10]. Художественная целостность является одним из базовых принципов, которому подчинены механизмы создания гармонического единства формы и содержания художественной, в особенности стихотворной, речи. Её основу составляют принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства, отношения от его места, функций внутри целого. Теоретико-литературная концепция целостности произведения определяет её как сущность, обусловленную единством содержания и ‘задающая’ системную взаимосвязь частей произведения друг с другом и с целым, не сводимую в своей идейно-образной содержательности к простой сумме структурных компонентов. Единство формы и содержания стихотворения достигается, когда «образ-переживание находит для себя язык, интонацию, ритм и только благодаря им приобретает свою художественную весомость, и в свою очередь звук, ритм, интонация, слово приобретают свой художественный смысл именно тогда, когда мы ощущаем их органичную связь с образом» [Тимофеев 1962: 78]. Естественно, что целостность истинно художественного текста создаётся иерархией его внутренней организации, динамикой многообразных связей его частей [Гиршман 2002: 55]. Невозможность

разделения слова, в особенности поэтического, на внешнее выражение (форму) и внутреннее содержание (значение) осмысливается современной филологией через понятие художественной целостности. Цельность (системность, завершённость, связность) текста и идея целостности человеческого бытия, по М. Гиршману, сосуществующие в литературном произведении как единство и борьба противоположностей, во многом определяют его смысловую многомерность и структурную сложность [Гиршман 2002: 55]. Эти идеи соотносятся с размышлениями О. Мандельштама о том, как возникает стиховой текст, подобно тому как «звукоборствует симфония войны», в единстве смысла и звукового оформления, когда «вещь возникает как целокупность в результате единого дифференцирующего порыва, которым она пронизана» [Мандельштам 1987: 113]. Здесь ценен сам процесс творчества как явление рождения смысла из определённым образом организуемых материальных звуков. «Еще если б мы слышали Данта, мы бы нечаянно окунулись в силовой поток, именуемый то композицией – как целое, то в частности своей – метафорой, то в уклончивости – сравнением, порождающий определения для того, чтобы они вернулись в него, обогащали его своим таяньем и, едва удостоившись первой радости становления, сейчас же теряли свое первородство, примкнув к стремящейся между смыслами и смыывающей их материи» [Мандельштам 1987: 114].

Единство и цельность содержания текста достигаются различными внутритекстовыми связями, когезией [Гальперин 1981: 27]. Она обеспечивает логическую последовательность и взаимозависимое единство частей текста, находящихся друг от друга на значительном расстоянии. Существует ассоциативная когезия, благодаря которой возникают ретроспекции, коннотации, субъективно-оценочная модальность, композиционно-структурные формы когезии, благодаря которым реализуется структурный параллелизм: зачины, идентичность

структур предложений, сверхфразовых единств и абзацев, а также фонетическая когезия [Там же].

Итак, поэтическое произведение – это сложная система языковых средств, все уровни и элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены, организованы таким образом, чтобы максимально полно служить выражению авторского замысла. Художественная речь традиционно рассматривается как одна из форм существования языка, с учетом отношений эквивалентности между фонетическим, диахронным и индивидуальным, образующим сферу речи, и грамматическим, синхронным и коллективным, относящимся к сфере языка. Учитывая все сказанное, поэтический дискурс – невероятно сложно устроенная, многоуровневая форма реализации языка. Но, по мысли А. Ф. Лосева, «чем сложнее речь, тем более интенсивно функционируют в ней структурные и модельные принципы», которые могут формировать порой совершенно неожиданные значения и смыслы, «далеко выходящие за рамки непосредственного содержания и формы» [Лосев 1982: 94].

В последнее время в научном мире признаётся существенная роль поэтонима, его способность выступать не только конституирующим элементом структуры текста, но и нести определенную семантическую нагрузку. Замечено, что в художественном произведении имя и образ, параллельно создающиеся в творческом воображении автора, дополняя и уточняя друг друга, работают друг на друга [Суперанская 1973: 133; Карпенко 1986: 39; Калинин 1999]. Взаимодействие каждой онимной единицы с образной системой произведения, с авторским замыслом, с художественным целым, связи с жанром и стилем детерминируют онимию литературы, существенно сужая ее субъективное начало [Карпенко 1986: 36]. Имя собственное, став компонентом произведения (и превратившись таким образом в единицу иного качества – поэтоним), претерпевает разнообразные трансформации. Оно семантизируется в ходе взаимодействия с другими составляющими, и в результате может

наполниться совсем другим содержанием. Такая трансформация является следствием соединения свойств как самого имени, так и контекстуальных условий [Иванова 2000: 173; Калинин 1999: 121; Косиченко 2015: 214 и др.]. Но существует и обратный процесс, когда семантическая глубина и многослойность имени становятся источником стилистически релевантного потенциала всего произведения, где «стилистически значимой оказывается и речевая, и энциклопедическая, и языковая информация» имён, поскольку «они вносят дополнительные сведения, порой недоступные для понимания при первом прочтении произведения» [Суперанская 1973: 328]. Особенно важны здесь «вопросы взаимодействия поэтонима и его “культурной памяти”, рассредоточенной в межтекстовом пространстве, с поэтикой данного художественного произведения» [Калинкин 1999: 279]. Естественно, что в процессах семантизации оказывается задействованным и материальный, и формальный, и семантический компонент поэтонима, его ‘ближайший’ контекст (В. М. Калинин), полный поэтический контекст произведения. Такой подход помогает увидеть, как имя и контекст выступают равноправно, являясь одновременно и «органом» и «полем» смыслообразования» (М. Гиршман). Истинная же роль поэтонима в создании художественного мира может быть определена только с позиций произведения как целого, с учетом широкого культурного контекста, поскольку только в этих условиях имя собственное разворачивает свою многоплановую выразительность, заложенную в различных его природных свойствах.

Художественная значимость поэтонимов проявляется, в частности, в процессе экспликации семантико-стилистических свойств их фонетической структуры, которая становится одним из источников поэтической образности. Посредством символического содержания, ассоциативных аспектов разного рода, звуковых признаков они формируют характер образов, колорит эпохи или места действия.

Отдельные имена настолько ‘вплавлены’ в вымышленные образы, что, выступая своеобразной ‘визитной карточкой’, одновременно обозначают и представляют своих референтов. Зачастую поэтоним становится символом своего персонажа, материальным воплощением его образа. Преобразуясь в структурные элементы ритмически упорядоченной речи, поэт. рг. неизбежно образуют взаимосвязи со всей системой лексико-семантических и стилистических средств, встраиваясь в звуковую и просодическую канву произведения.

Способы же реализации возможностей собственных имён как определённого класса слов зависят от конкретных контекстуальных условий. Следует заметить, что фонетическая структура *любого* имени может рассматриваться как потенциальной источник содержательности звуковой формы поэтонима. Весомая роль принадлежит проприальным единицам, если они удачно употреблены в произведении, «звучат в унисон» с другими элементами идиостиля, не нарушая гармонии целого, а поддерживая её. Оставаясь скрытым, неясным вне семантики произведения, значение фонетической формы эксплицируется только по мере углубления в фоносемантические связи с художественным контекстом (а иногда требуя раскрытия и осмысления семантических связей, выходящих за рамки произведения).

Исследование подразумевает внимание и к таким проявлениям специфики произведения как звуковой состав, архитекtonика, композиция, а также область взаимодействия поэтонимосферы и неонимных элементов художественного пространства. Если, являясь элементом речевой структуры, «известный комплекс звуков накладывает на каждый входящий сюда звук свою определенную печать целого, так что звук речи оказывается не частью речевого отрезка, но уже его элементом, то так же и комплекс звуков, который является цельностью для каждого входящего в нее звука, тоже отражается на каждом отдельном звуке и тоже является в известном смысле его моделью. Речевой звук есть элемент речевой структуры, а речевая структура есть

модель для каждого входящего в нее звука» [Лосев 1982: 53]. Так и звуки поэтонима в структуре произведения как целого, частично утрачивая свою автономность, наполняются новым качеством, ибо оказываются вовлечёнными в процесс передачи плана содержания, а в конечном итоге – в стратегию достижения художественной цели. Диалектика взаимодействия поэтонима и поэтического текста, подобно взаимосвязи части и целого, состоит в единстве двух противоположных процессов: распаде на элементы и структурировании этих элементов в единство, благодаря чему и становится возможным звучание, наполненное смыслом.

Осип Мандельштам оставил ряд замечательных свидетельств того, чем имя может являться для поэта. Настоящим откровением звучат строки из *vers libre* «Нашедший подкову». Описывая состояние поэта в момент рождения стиха, еще только зреющего, ищущего форму, автор провозглашает равенство всех слов: *С чего начать? / Все трещит и качается. / Воздух дрожит от сравнений. / Ни одно слово не лучше другого, / Земля гудит метафорой.* И вдруг противоречит себе сам, выделяя ИМЯ в особенный род слов: *Трижды блажен, кто введет в песнь ИМЯ; / Украшенная НАЗВАНЬЕМ песнь / Долше живет среди других — // Она отмечена среди подруг повязкой на лбу, / Исцеляющей от беспамятства, слишком сильного одуряющего запаха — <...>* [Мандельштам 1992: 43]. Имя – «повязка на лбу» – роднит поэтов разных эпох, в частности, Мандельштама с Пиндаром, в одах которого эта «повязка на лбу, исцеляющая от беспамятства» (*mitra*) – атрибут Муз и Мнемосины. Эти строки выдают почти сакральное отношение поэта к ИМЕНИ, которое сродни отношению к ритуальному слову. Но ИМЯ еще – это первоначальный, первичный языковой материал, то, что даёт начало последующим словесным образованиям, воплощающим художественный образ, оно – пра-модель слова, если угодно, матрица. ИМЯ в этом смысле диктует тему, ритм, рифму.

3. Онимные средства актуализации 'смыслов' звучанием

Для поэзии в целом первостепенное значение имеет организация художественного пространства, «содержательная форма», в которой заключены разные уровни поэтических смыслов. Если в текст включен оним, то источником стилистически релевантных признаков, расширяющих семантический потенциал и поэтонима, и целого произведения, может быть семантика производящей основы исходного апеллиатива или содержательность его фонетической формы, на что обращалось внимание в ряде лингвистических работ [Буштян 1988; Зайцева 1973; Калинин 2002; Карпенко 1986; Михайлов 1966; Отин 1981; Усова 2011 и др.]. Стихи могут выстраиваться с разной степенью участия поэтонимов. Релевантность определённых механизмов взаимодействия всех участников организации стихового пространства обуславливается в каждом произведении конкретными художественными задачами, решение которых включает как 'звуковое поведение' поэтонима, так и его участие в формировании смысла.

Лингвистический анализ стилистически релевантных фонетических средств поэтонимии обязательно учитывает роль заглавия. Значимость поэтонима, вынесенного в заглавие, подчеркивалась неоднократно, причём отмечалось, что оно является не просто сильной позицией, но центром произведения [Джанжакова 1979; Карпенко 1986], «именем текста», которое «индивидуализирует тот текст, которому принадлежит, выделяет его в ряду всех других текстов» [Арнольд 2014: 225]. Вот список, включающий лишь небольшую часть стихотворных произведений, заглавия которых содержат поэтоним или состоят исключительно из него: «*Евгений Онегин*» (А. Пушкин), «*К Нисе*», «*На юбилей Карамзина*», «*Рим*», «*Рим ночью*» (Ф. И. Тютчев), «*Данте*», «*Петроград, 1919*» (А. Ахматова), циклы «*Кармен*», «*Фаина*» (А. Блок), «*Die Sonette an Orpheus*» Р.-М. Рильке, цикл «*An Lili*» (И. В. Гёте), «*Don Ramiro*», «*Der Phönix*» (Г. Гейне), «*Lenore*»

(А. Бюргер), «*Lenore*», «*Israfel*», «*Annabel Lee*», «*Eulalie*» (Э. А. По), «*Lureley*» (К. Брентано), «*Стихи к Блоку*», «*Федра*», «*Орфей*» (М. Цветаева), «*Hiroshima*» (М. Л. Кашнитц), «*Оза*» (А. Вознесенский), «*Мцыри*», «*Демон*», (М. Лермонтов).

Использование поэтического имени в качестве заглавия стихотворения является композиционным приёмом. В смысловом отношении вынесенное в заглавие имя заявляется как ключевое слово, информационный и тематический центр произведения; создается ситуация интриги, в которую вовлекается читатель, стремясь разгадать 'загадку'.

В литературных произведениях стандартные для собственных имён функции (номинативная, дейктичная) дополняются другими, сугубо художественными функциями, среди которых основной является характеризующая: поэтоним привносит дополнительную информацию, содержащую указание на определённые черты персонажа, а зачастую и явную или скрытую оценку его. С другой стороны, поэтоним следует рассматривать и как эмоциональный (эмотивный) элемент речи – вторичный, но важный фактор, которым нельзя пренебрегать (Р. Якобсон). Обе эти составляющие имеют непосредственное отношение к стилистической функции в поэтических произведениях, где передача богатства мыслей, чувств и образов обусловлена, с одной стороны, параллелизмом в его многообразных формах, с другой – 'теснотой ряда', т. е. выделяющимися на общем звуковом фоне близко расположенными повторами.

Среди стилистически релевантных повторов следует назвать аллитерации и ассонансы. Как известно, аллитерация близка ассонансу и нередко с ним сочетается. Важным в поэзии является значение рифмы как звукового и метрического фактора, однако в поэтике не раз отмечалась и ее семантическая роль. Придерживаясь традиционного взгляда, считаем рифмой одинаковость звучания (или созвучие) двух или более групп звуков [Arndt 1984: 110]. Участие поэтонима в формировании разных видов рифмы является распространённым

приёмом использования фоноэмы в звуковой и ритмико-интонационной структуре стихотворений.

Одним из ключевых является понятие ‘выдвинутости’ или ‘выдвижения’ в стихе, охватывающее разные типы контекстной упорядоченности, которое определяется как «наличие в тексте каких-либо формальных признаков, фокусирующих внимание читателя на некоторых чертах текста и устанавливающих смысловые связи между элементами разных уровней или дистантными элементами одного уровня» [Арнольд 2014: 206].

Особенностью проявления стилистической функции в поэзии является иррадиация, которая заключается в том, что, «возникнув на одном участке текста, стилистическая функция может сказываться или отражаться на другом, в котором она отсутствует, но на который воздействует как макроконтекст» [Там же: 160]. В поэтонимии явление иррадиации означает влияние даже однократно употреблённого онима на весь текст художественного произведения [Калинкин 1999: 123]. Даже если употребление онима единственно и приходится на начало текста (или даже только на заглавие), то его значение не стоит недооценивать.

Таким образом, в звуковой периодичности поэтических текстов, в различных проявлениях рекуррентности участвует и характер звучания поэтонимов. Их роль в общей звуковой и композиционной организации стихотворного произведения, механизмы интеграции поэтонимов на разных уровнях стиховых структур, качество интегративных процессов и степень участия в них звуковых особенностей поэтических имён в полной мере устанавливаются лишь в ходе детального анализа конкретного произведения. Помимо перечисленных стилистически релевантных средств, при анализе учитывается динамичный характер семантики поэтонима, обуславливающий переосмысление, полисемантизацию или, напротив, конкретизацию поэтических номинаций.

4. Поэтонимия в русской поэзии

4.1. «Демон» М. Ю. Лермонтова. В ряду художественных средств имеет значение выбор имён, которые автор предполагает включить в произведение в качестве поэтонимов, их исходная семантика, характер звучания, порядок следования и расположение в стихах. В ходе лингвистического анализа поэмы «Демон» применяется термин ‘контрапункт’ как наиболее точно отражающий композиционное своеобразие произведения, канву которого составляют линии, с самого начала намеченные и выдержанные в параллельном развитии именно благодаря участию собственных имён. Контрапункт – музыкальный термин, который обычно употребляется для характеристики музыки и подразумевает искусство одновременного сочетания нескольких мелодических линий. Контрапунктический стиль характеризуется таким подбором голосов, чтобы они «контрастировали друг другу ритмически и чтобы каждая из них имела при этом свой мелодический облик» [Энциклопедия Кольера], причём ни один из голосов не должен доминировать. Ведущие голоса в поэме Лермонтова, естественно, принадлежат центральным персонажам – Демону и Тамаре, и звучат они попеременно, обозначаясь соответственными поэтонимами, дескрипциями, перифразами и иными средствами художественной номинации. Поскольку в фокусе внимания находятся звуковые (фонетические и мелодические) аспекты поэтонимов и их окружения, обращение к музыкальному термину представляется оправданным.

Некоторые нелингвистические факты при дискурсивном анализе поэзии помогают проникнуть в содержание произведения. Хотя поэма «Демон» считается одним из центральных произведений в творчестве М. Лермонтова, и поэт возвращался к работе над ней в течение десяти лет, но при его жизни она так и не вышла в печати. Эти обстоятельства дают повод усматривать в ней что-то особо личное для Лермонтова, а

многие его современники предполагали в Демоне романтический автопортрет поэта.

В поэме употреблены 15 поэтонимов, главная роль отводится антропоэтонимам *Демон* и *Тамара*. То, что *Демон* – оним, а не апеллятив, ясно уже по начальной заглавной букве¹. Можно, однако, сомневаться в его квалификации – мифо- или антропоэтоним? По строгим признакам, думается, первое. Хотя речь о контрапунктуре, но всё же следует признать доминирующую роль поэтонима *Демон*, о чём свидетельствует, во-первых, вынесенность в заглавие; во-вторых, количество употреблений – наибольшее число среди поэтонимов.

Не абсолютизируя количественный признак в системе лингвистических средств, следует всё же признать этот показатель объективно значимым. Приведённая ниже таблица содержит количественные данные всех употреблённых в поэме поэтонимов (см. табл.). Ожидаемо максимальное число показывает поэтоним *Демон*: семь раз в тексте поэмы и одно – заголовочное употребление. Поэтонимы *Тамара* и *Гудал* насчитывают по 7 употреблений. В количество не всчитывались авторские указания на речь *Демона* и *Тамары* в части поэмы, оформленной как диалог. Если всё же учесть их, то оказывается, что в этом качестве Лермонтов употребляет оба поэтонима по восемь раз.

Говоря о способах номинации, нельзя обойти вниманием дескрипции и перифразы, которые во множестве встречаются в тексте и выполняют характеризующую функцию. Если в первой части *Тамара* именуется нейтрально как *дочь Гудала*, *наследница Гудала*, *княжна Тамара молодая*, *свободы резвая дитя*, то во второй части поэмы используются атрибутивные сочетания *бедная Тамара*, *бедная дева (слёзы бедной девы)*, *грешница*, с эпитетом *прекрасная* (ср. также:

¹ Не случайный факт, т. к. в ранних редакциях это слово начиналось со строчной буквы, но в дальнейшем написание было изменено автором.

ангел – *Хранитель грешницы прекрасной; душу грешную и под.*), что намекает на грехопадение Тамары, ответившей Демону взаимностью.

Таблица. Поэтонимы поэмы «Демон» в количественных данных

Поэтонимы	Вид поэтонима	Значение в поэме	Кол-во употреблений	Расположение в композиции поэмы		
				Заглавие	1 часть	2 часть
<i>Демон</i>	мифо-поэтоним	Главный персонаж	8	1	4	3
<i>Тамара</i>	антро-поэтоним	Главная героиня	7		2	5
<i>Ангел</i>	мифо-поэтоним	Посланник небес	(8)/2			2
<i>Гудал</i>	антро-поэтоним	Отец Тамары	7		4	3
<i>Арагва</i>	гидро-поэтоним	Река	2		2	
<i>Кавказ</i>	поэтоним-хороним	Горный массив	5		3	2
<i>Карабах</i>	поэтоним-хороним	Область на Кавказе			1	
<i>Грузия</i>	поэтоним-хороним	Страна на Кавказе			1	2
<i>Дарьял</i>	микро-поэтоним / ороним	Дарьяльское ущелье			1	
<i>Терек</i>	гидро-поэтоним	Река	1		1	
<i>Казбек</i>	поэтоним-ороним	Гора	4		1	3
<i>Персия</i>	поэтоним-хороним	Восточная страна			1	
<i>Синодал</i>	антро-поэтоним	Князь Синодал, жених Тамары			1	
<i>Аврора</i>	космо-поэтоним	Небесное тело, звезда	1			1
<i>Койшаурская долина</i>	микро-топоним	Место в горной местности	1			1

Для Демона в первой части используются номинации *печальный Демон, дух изгнанья; чистый херувим, счастливый первенец творенья; отверженный; изгнанник рая; изгнанник (в груди изгнанника)*, а во второй – *лукавый Демон, злой дух; дух беспокойный, дух порочный*. Так

система номинаций противопоставляет невольность злого начала в Демоне, даже его 'несчастье', в первой части – осознанному коварному злу как его сущности во второй.

Топонимы в поэме являются средством изображения природы, на фоне которой происходит действие: *Казбек, Грузия (холмы Грузии), Кавказ (снега Кавказа), Синодал (Князь Синодал, жених Тамары; властитель Синодала)*. Хоронимы называют страны, большие регионы: *Грузия, Карабах* или служат сравнению (*Персия*). По поводу *Синодала* Ираклий Андроников замечал неточность, поскольку выяснилось, что в Грузии нет такого места. Им было установлено, что имелся в виду *Цинандалы/ Цинундалы*: «В Грузии нет Синодала, а есть Цинундалы (так! — И. А.), старинный замок в очаровательном месте в Кахетии, принадлежащий одной из древнейших фамилий Грузии, князей Чавчавадзе» [Андроников 1977: 605]. Микротопонимы *Койшаурская долина, Дарьял* выполняют локализующую функцию и способствуют передаче местного колорита. Местные названия, так же как и наименования кавказских рек *Арагва, Терек*, создают эффект достоверности, уточняя место происхождения. Гидронимы, а также оронимы, дополняют картины природы.

Поэтонимические средства создают оппозиции, формирующие сеть отношений контрапунктуры, важных с точки зрения смысла произведения. Оппозиции составляют: Демон ↔ Тамара, Демон ↔ жених Тамары, Демон ↔ Ангел, Тамара ↔ Ангел.

Поэтонимы отличает акцентная выделенность, кроме того, антропоэтоним *Тамара* отмечен анафорическим расположением в стихах, например:

Так разноцветен и богат

ТАМАРЫ праздничный наряд.

Для поэмы не характерно использование ключевых поэтонимов в концевой рифме, хотя такое расположение отмечается в некоторых

стихах у поэтонимов, второстепенных для смысла: *При блеске утренней АВРОРЫ; Питомец резвый КАРАБАХА* (о коне); *Он сам, властитель СИНОДАЛА* (о женихе Тамары); *Вился излучистый ДАРЬЯЛ; И над вершинами КАВКАЗА; скоро меж снегов КАЗБЕКА.*

Отмечен трёхкратным выдвиганием в концевую рифму антропоэтоним *Гудал*, всегда в притяжательном родительном падеже:

Один из праотцев ГУДАЛА, / Грабитель странников и сёл <...>;

<...> Её, наследницу ГУДАЛА <...>;

<...> славном имени ГУДАЛА.

Внутренние рифмы с ключевым поэтонимом *Демон* отзываются созвучиями с его первым слогом *ДЕ*, поддерживаемыми ассонансами *Е*, аллитерациями *Д, М, Н*:

И проклял ДЕМОН побежДЕННый / МЕчты БЕЗУМНые свои, / И вНовь остался оН, НаДМЕННый, / ОДиН, как прЕжде, во всЕлЕННой <...>

Как видим, обнаруживается заметное увеличение частоты звуков ключевого поэтонима в его ближайшем окружении.

Таким образом, можно констатировать соединение семантических и фоностилистических средств поэтонимии: звуковые повторы, рифменное и анафорическое расположение, акцентное выделение. Семантические оппозиции, заложенные уже в теме произведения, поддерживаются всем набором средств. Все поэтонимы объединяются одной общей темой – темой Кавказа.

4.2. Поэтонимия Ф. И. Тютчева. Безусловно важным является участие звуков поэтонима в инструментовке, однако особенную его значимость для автора и произведения выдает, если качество его звучания не ограничивается эвфоническими функциями, а обнаруживает связь со смысловым уровнем. В стихотворении Ф. И. Тютчева «Великий день Кирилловой кончины»²: поэтоним, употреблённый в начальном

² Стихи приводятся по: [Тютчев 1986].

стихе произведения и в последней его строфе, оказывает определенное влияние на организацию звукового пространства всего стихотворения. Ассонансы, диктуемые гласными поэтонима, усиливаются рифмами, созвучными доминирующему гласному онима *КИРИЛЛ – И: конЧИны – простЫм – годовциИны – Им – РИм – святЫе – РоссИя*. Воздействие фоноэмы на вокализм стихотворения не ограничивается чисто эвфоническим эффектом, а способствует проявлению цепи ассоциативно-смысловых связей, выходящих за пределы конкретного поэтического текста. Не случайно выдвинутыми в рифмующуюся позицию оказываются поэтонимы *РИм* и *РоссИя* (оба – с акцентом на *И!*), имеющие для поэта глубоко символическое значение. Употреблённые в стихотворении онимы выстраиваются в один ассоциативный ряд, продолжающийся апеллиативами *родимый край, славяне*. Такое соположение представляет собой символическое осмысление имени просветителя *Кирилла* через установление культурно-исторических связей, дополняет поэтоним семантическими нюансами. Суммарное значение звукового комплекса онимной номинации можно передать как ‘великий человек, подаривший славянам письменность, сыгравший неопределимую роль в истории России; связанный с вечностью’.

Приведённый далее анализ другого лирического стихотворения демонстрирует, как гласные поэтонима играют определяющую роль и в звуковой организации художественной речи, и в композиции.

*О, этот Юг, о, эта НИЦЦА!.. / О, как Их блеск мЕ[и]ня
трЕ[и]вожИт! / ЖИЗнь, как подстрЕлЕ[и]нная птИца, / Подняться
хочЕ[и]т – И нЕ[и] можЕ[и]т... // Нет нИ полета, нИ размаху – /
ВИсят поломаннЫе крЫлья, / И вся[а] она, прИжАвшИсь к прАху, /
ДрожИт от боли И бЕ[и]ссИлья...* Звуковой контраст, построенный на противопоставлении качественных характеристик ударных гласных первых двух строк — лабиализованный *О*, созвучный ему *У (Юг)* и противоположный им по артикуляционным свойствам *И (НИцца)* –

становится заметнее на фоне семантической близости, контекстуальной синонимии онимов. Звучание топонима приобретает дополнительное стилистическое значение в результате метрической выделенности, достигаемой выдвижением его в первом стихе в позицию рифмы. Заданный поэтонимами в начале стихотворения звуковой ритм переходит в разнозвучия, а завершается контрастным расположением стихов, в ударном вокализме одного из которых образуется ряд повторяющихся гласных *А*, тогда как в другом преобладает повтор гласных *И*. Такой контраст обостряет пронзительность звучания ассонанса в финале стихотворения. Ритмическая завершенность произведения в значительной мере строится на соотнесённости финальных частей первого и последнего стихов, созвучных в ударных слогах, а также на фонетическом сходстве, прежде всего, вокализма опорных слов *Ницца – жизнь – птица*. Вследствие объединения семантических, фонетических и ритмико-интонационных средств (сравнение *жизнь – птица*; вокалический повтор в анафоре, повторение онимного компонента в рифме), достигается сближение значений этих лексических единиц, что наполняет поэтоним новой семантикой.

Благодаря ‘приращению смыслов’ топонима *Ницца*, помещенного в соответствующее звукосемантическое окружение, фонетические соответствия трансформируются в смысловые. В результате ритмической выделенности и особенностей вокализма происходит перераспределение внимания с обстоятельств внешних (впечатления от города) на мир внутренних переживаний (боль и бессилье). Анализ поэтонимов и контекстов эксплицирует ведущую роль гласных онимной единицы в звуковой организации стихов.

Однако не всегда гласные звукобуквы поэтонима определяющим образом влияют на вокализм стиха. В ряде стихотворений наблюдается обратный процесс: поэтические имена демонстрируют ‘встроенность’ своей фонетической формы в систему ассонансов стиха, подчиняясь

общему звуковому ритму. Так, в стихотворении «Небо бледногубое» выбор номинации *Петрополь* (вместо принятого в то время топонимического обозначения *Петербург*) очевидно диктуется созвучием его гласных элементов *Е* и *О* с другими компонентами звуковой структуры контекста: *НЕБО блЕднОгОлубОЕ / ДЫшИт свЕтом И тЕ[и]лОм / И прИвЕтствуЕт ПЕ[и]ТРОПОЛЬ / НЕ[и]бЫвалЫм сЕ[и]нтЯбрЁ[о]м*. Выбор звуковой последовательности *Петрополь* оказывается предрешённым: вплетаясь в звуковую канву стихотворения, оним дополняет и оживляет ассонансы первого четверостишия, которые естественным образом переходят во второе: *Воздух, пОлный тё[о]лОй влаги...*

Как видим, гласные поэтонима, с одной стороны, определяющим образом влияют на звуковую организацию контекста, 'диктуя' ассонансы, а, с другой, встраиваются в вокализм стиха. Звуковой фон, создаваемый ассонансами и повторами, может а) дополнять, 'поддерживать' поэтоним, оттеняя его эвфоничность созвучиями или б) быть контрастным гласным имени, тем самым 'выталкивая' поэтоним из звукового строя, делая более заметным и значимым, усиливать его экспрессию.

Для рассмотрения содержательности звуковой формы поэтонимов в консонантизме стихов приведем лишь несколько наиболее выразительных примеров. Способы взаимодействия согласных звуков поэтонима с фоникой произведения разнообразны.

Стихотворение Ф. И. Тютчева «К Нисе» начинается и заканчивается одним и тем же стихом с двойным употреблением поэтонима.

Первый стих: *НИСА, НИСА, Бог с тобою!*

Финальный стих: *НИСА, НИСА, Бог с тобой!*

Такое 'обрамление' стихотворения поэтическим именем обеспечивает соотнесённость начальной и финальной частей и тем самым придаёт ему ритмическую завершенность. Звуковая ткань контекста, отдавая предпочтение звукобуквам поэтонима, наполняется

аллитерациями согласных *Н, С*. В последнем четверостишии появляется ‘спровоцированная’ поэтонимом фоническая анафора, усиливающая яркость и выразительность поэтического текста: *Нашу верНоСТЬ промеНяла / На НеверНый блеСк, пуСтой, – / Наших чувСтв тебе, знать, мало, – / НИСА, НИСА, бог С тобой.*

В миниатюрном по объему стихотворении «Как он любил родные ели» аллитерации контекста заданы тремя согласными *С, В, Й* топопоэтонима *СаВоЙя*:

Как он любил родныЕ[йэ] Е[йэ] ли / Своей САВОЙИ дорогоЙ!. / Как мелодичеСки шумели / Их ветВи над еГ[в]о глаВоЙ! / Их мрак торжеСтвенно-угрюмый / И дикий, зауныВный шум / КакоЮ[йу] СладоСтноЮ[йу] думоЙ / ЕГ[в]о обВорожали ум!

Характер рифм двух чётных строк явно продиктован звучанием онима. Смежный повтор, почти полностью отражающий звукобуквенный состав поэтонима во втором стихе, усиливает выразительность и образность всего стихотворения. ‘Иррадиация’ аллитерирующих звуков заметна не только в пределах второго стиха, но и во всех последующих.

Так, вплетаясь в материю стиха и распределяя свой консонантизм на контекст, поэтоним участвует в звуковом и мелодическом его построении, гармонизируя стиховое пространство.

Стилистический эффект не всегда достигается только за счет количественного увеличения повторений формантов поэтонима, этой цели служит и предельно близкое, например, смежное, расположение поэтонима и схожих по звучанию апеллятивов. В стихотворении Ф. И. Тютчева «На юбилей Карамзина» уже в первой строфе компонент антропоэтонима *Карамзин*, включающий соединение двух согласных и одной гласной звукобуквы *-ЗИН-*, обыгрывается соответствующими звуковыми комплексами (с переменной расположения гласного) в апеллятивах:

Великий день КАРАМЗИНА / Мы, поминая братской триЗНОЙ, /

Что скажем здесь перед отчИЗНой, / На что б откликнулась она?

Соположенность повторяющихся сегментов вместе с их выдвиганием в сильную рифмующуюся позицию во втором и третьем стихах обеспечивает закрепление звукового образа поэтонима. В то же время созвучия, многочисленные переключки с именем в виде консонантной и вокалической аллитерации в последующем тексте актуализируют фонетическую сторону поэтонима. Звукобуквы и сочетания, созвучные ударному слогу имени, рассредоточены по всему стихотворению: *какИм – живЬИм – почтИм – праздНИк – чИстый генИй – (смесИ) безобраЗНой – дерЗкой (лжИ)*. Звуковые соответствия трансформируются в смысловые, способствуя увеличению смысловой ёмкости антропонима. Ритмическое, синтаксическое и графическое выдвигание онима в сочетании с фонетическими повторами амплифицирует звуковое воздействие поэтической речи. Этот пример подтверждает слова Р. Якобсона о звуковом символизме, который эксплицируется, как только возникает соответствие между внутренней значимостью различительных признаков и значением данного слова, «нашей эмоциональной или эстетической позицией относительно этого слова» [Якобсон 1985: 89]. В данном случае сочетанием лексических и фонетических средств актуализируются любовь и почитание великого поэта, восхищение его талантом. Здесь срабатывает механизм, благодаря которому звуковая интерференция антропонима и созвучного ему фонетического окружения актуализирует ту группу фонем в поэтониме, которая наиболее интенсивно распределена по тексту или входит в состав повторяющихся или рифмующихся непроприальных компонентов стиха [Калинкин 1999: 311].

В стихотворении «Опять стою я над Невой...»³ поэтоним *НЕВА* употреблен дважды (в косвенном падеже) в позиции конечной рифмы. Однако ударные слоги рифмующихся с онимом апеллятивов по

³ Примеры из: [Тютчев, 1984, с. 213].

звучанию полностью повторяют сегменты поэтонима: *(He)вой – (жи)вой, Неве – (си)неве*. Вслед за Ю. Н. Тыняновым, который полагал, что «для осознания ритмической роли инструментовки достаточно самых общих признаков фонетического родства звуков» [Тынянов 1965: 147], учитываем фонетическое сходство согласных В/Б. В этом случае правомерно определить как онимную внутреннюю рифму созвучие в сочетании слов *в небесной сине*ве (пятый стих):

*Опять стою я Над **НЕВОЙ**, / И сНоВа, как В Былые годы, /
Смотрю и я, как Бы жиВОЙ, / На эти дремлющие ВОды. //
Нет искр В НЕБЕСной сиНЕВЕ, / Все стихло В Бледном оБаяНье, /
Лишь по задумчиВОй **НЕВЕ** / Струится луННое сияНье.*

В контексте обнаруживается скопление фонем, повторяющих согласные звукобуквы названия реки. Аллитерирующие звуки рассредоточены по тексту всего стихотворения. Выдвинутость этих элементов в рифме, а также частота повторяемости сообщает им ритмическую роль и одновременно обеспечивает связь с фонетической структурой поэтонима. Таким образом, выявляется ‘иррадиация’ звучания поэтонима на звуковой ритм и влияние на формирование рифмы двух (из трех) строф.

Как видим, значимыми в структуре стихов оказываются согласные поэтонимов, их сочетания и расположения, взаимосвязи с фонетической и семантической содержательностью стихов.

4.3. Поэтонимия в цикле А. Блока «Кармен». При анализе стихов цикла А. Блока обращает на себя внимание вариативность поэтической номинации женского персонажа, являющегося центральным образом цикла. Если в заглавии поэт обозначает вдохновляющий его женский образ проприальной единицей *Кармен*, то уже в первом стихотворении он использует поэтическую номинацию *Карменсита*, которую вновь заменяет, возвращаясь в дальнейшем к антропоэтониму *Кармен*. Возможно, этим приёмом предваряется характеристика образа, который

раскрывается в ходе художественного развертывания как переменчивый, своенравный, непостоянный.

В звуковой структуре имени и контекста гласные звуки поэтонима *Карменсита* создают ассонансную рифму с традиционно-поэтической формой *ланиты*, гармонично завершая звуковой ритм всего стихотворения. Выбор именно этой звуковой последовательности для номинации определённо задан звуковым ритмом предыдущих стихов, построенных на противопоставлении качественных характеристик ударного гласного поэтонима *И* и созвучного ему *Е*, с одной стороны, и преобладающих в ударном вокализме восьмистишия лабиализованных *О* и *У* с другой.

Как Океан мЕняет цвЕт, /
КОгда в нагрОмождѐ[О]ннОй тУче /
Вдруг полыхнѐ[О]т мигнУвший свЕт, – /
Так сЕрдце пОд грОзОй невУчей /
Меняет стрОй, бОясь вздОхнУть, /
И крОвь брОсается в ланИты, /
И слѐзы счастья дУшат грУдь /
Пе[И]ре[И]д я[JA]влѐньЕм КАРМЕНСИТЫ.⁴

Поэтоним *Карменсита* контрастирует с синонимичным ему антропоэтонимом *Кармен* и по длительности звучания (4 слога – 2 слога), и по тональности. Если *Кармен* – порыв, стремительность, страсть, то *Карменсита* – лёгкое, игривое дуновение. В соответствии с закономерностями организации поэтической речи ассонансы выступают здесь в соединении с аллитерацией согласного *с* и сонорных *М*, *Н*. Возникающие ассоциации распространяются на сонорные и создают основу для эмоциональной окраски звукового фона. Лёгкость произнесения этих звуков связывает их с представлением о чём-то лёгком и нежном, а согласный *с* ассоциирует световые представления –

⁴ Здесь и далее : [Блок 1981: 222-229].

свет, блеск, сверкание [Томашевский 2001: 95-96]. Подчёркнутая лёгкость и изящество этого имени усиливается звуковым ритмом, выдвигающим в шестой и восьмой строке гласный *И*, а в первой и третьей – созвучный ему *Е* в сильную рифмующуюся позицию. Выделение этого гласного становится ещё более заметным, с одной стороны, на фоне повторяющегося звукового окружения концовок шестого и восьмого стихов, а, с другой стороны, благодаря звуковому контрасту, усиленному противопоставлением ударного вокализма последней строки (*Е–И*) гласному звукоряду предыдущего стиха, где очевидно предпочтение ударных гласных *О – А – У*.

Как следует из вышеизложенного, вокализм стихотворного текста может быть основан не только на уподоблении, созвучии гласных поэтонима и контекста, но и на их противопоставлении. Так, на контрасте ударного гласного антропоэтонима *Е* и звуков *А* и *О* построен вокализм седьмого стихотворения этого же лирического цикла А. Блока. Имя *Кармен* завершает цепь созвучий, повторяющих гласные поэтонима и пронизывающих все строфы. Ассонансы антиципируют появление поэтонима и подготавливают его ритмическую выделенность. Наблюдая игру ассонансов в начальной и финальной его частях, можно заметить, как на фоне общего разнозвучия выделяется звуковой контраст ударного гласного поэтонима *Е* (а также созвучных ему *И* и *Э*) и гласного *А*, преобладающего в сильных позициях всего стихотворения. Этот контраст намечается уже в первой строфе:

*ВЕРбы – Это[а] ве[и]сЕнная тАль, / И че[и]го-то[а] нам
свЕтло[а]го[а] жАль, / ЗнАчИт – тЕплИтся[а] гдЕ-то[а] свечА, /
И мо[а]лИтвА мо[а]я[А] го[а]рячА, / И це[и]лую те[и]бя[А] я[а] в пле[и]чА.*

Особенности вокализма определяют противоположенность начальной и финальной частей стихотворения. На фоне соотнесённости и соизмеримости, ритмического равенства первой и последней строк ещё более отчетливо слышится звуковой контраст:

Это – музыка тайных измЕн? / Это – сЕрдцЕ в плЕну у КАРМЕН?

Излишне напоминать, что вокалические повторы, контрасты и созвучия становятся действенными не сами по себе, а включаясь в стиховых рядах в систему повторов всех конструктивных элементов, в том числе эвфонических и метрических. Ведь звуковой подбор в поэзии «совершается не ради самих только звуков, но и с целью оформить звуковыми соответствиями распадение речи на ритмические единицы» [Томашевский 2001: 94]. В первой строфе следующего, восьмого стихотворения, повторение ударного гласного в концевой рифме способствует закреплению звукового образа имени, так как связывает слова *в судьбе – о тебе* по созвучию с антропонимом *Кармен*:

Ты – как отзвук забЫтого гИмна / В моЕй черной И дИкой судьбЕ. //
О, КАРМЕН, мнЕ не[и]чально И дИвно, / Что прИснИлся мнЕ сон
о тЕбЕ.

Благодаря особенностям употребления (риторическое обращение, выделенное просодически и синтаксически) и расположению (анафора) поэтоним соотносится с личным местоимением второго лица в начале первой строки и в конце четверостишия. Возникающий семантический параллелизм закрепляется звукобуквенным: *О, КАРМЕН – о тебе*. Таким образом, ритмическое завершение строфы оформляется семантическим и звуковым кольцевым повтором во втором двустишии. Ассонансы с гласными антропонима распространяются и на следующую строфу: *ВЕшний трЕпет, и лЕпЕт, и шЕлЕст, / <...> прЕлЕсть <...>* Многократно повторяющиеся звуковые переключки с именем обеспечивают ассоциативную связь с ним.

Таким образом, взаимодействие ударных гласных поэтонимов с вокализмом окружения осуществляется путём включения двух типов механизмов: с одной стороны, созвучие, повторяемость конструктивных элементов поэтонимов в линейном плане, ‘по горизонтали’; с другой стороны, контраст, противоположенность ударных гласных онимов и

целых звукорядов соседних стихов 'по вертикали'.

Способность произведений разных стиховых форм к передаче богатства мыслей и образов обусловлена в значительной мере параллелизмом в его многообразных формах, и прежде всего в рифме. В поэзии важно значение рифмы как ритмического фактора, однако не раз отмечалась и ее семантическая роль [Маяковский 1959: 253; Тынянов 1965: 156]. Двойная природа рифмы (и как звукового, и как метрического приема) обуславливает использование звуковой формы зарифмованных поэтонимов, с одной стороны, в качестве эвфонического повтора как фактора инструментовки, и, с другой стороны, как регулярного повтора в структуре рифмы, выполняющего композиционную функцию.

Онимная рифма строится на том, что поэтоним, являющейся в произведении ключевым, опорным словом, выделяется на фоне других элементов стиховых структур выдвиганием в сильную рифменную позицию. Таким образом, он становится наиболее заметным и функционально нагруженным элементом текста. Так как связанные рифмой стихи или полустипхи соотносятся друг с другом в большей степени, чем с остальными стихами, и соизмеримость их ощущается больше [Гаспаров 1974: 17], то и поэтоним в этих стихах приобретает дополнительное стилистическое значение, оказываясь метрически выделенным. В лирическом цикле А. Блока «Кармен» из семи употреблений поэтонима *Кармен* в шести из них – это позиция рифмы. В пятом стихотворении поэтоним выдвигается в ритме первого стиха, завершая его ударным слогом, образующим охватную рифму с четвертым стихом. Созвучия зарифмованных слогов усиливаются цепью ассонансов четвертой строки и внутренней рифмой:

*Среди поклонников КАРМЕН, / Спешащих пёстрою толпою, /
Её зовущих за собою, / Один, как тЕнь, у сЕрых стЕн.*

Звуковой фон зарифмованных строк дополняет и 'поддерживает' оним. В седьмом стихотворении имя *Кармен* завершает цепь созвучий,

повторяющих гласные *онима* и *пронизывающих* все строфы.

Следует отдельно сказать о появляющейся здесь рифме с *апеллятивом измен*: *Это – музыка тайных ИЗМЕН? / Это – сердце в плену у КАРМЕН?*

Она не случайно повторяется затем в предпоследнем (дважды) и последнем стихотворениях цикла. Употребление в девятом стихотворении цикла на фоне подчёркнутой метрической соотнесённости и соизмеримости создаёт ощущение не только фонетического и психологического равенства рифмующихся стихов, но и семантической близости этих лексических единиц. Во второй и последней строфах поэтоним рифмуется с обозначающим единое понятие словосочетанием *грусть измен*:

*Да, в хищной силе рук прекрасных, / В очах, где ГРУСТЬ ИЗМЕН, /
Весь бред моих страстей напрасных, / Моих ночей, КАРМЕН!*

<...>

*За бурей жизни, за тревогой, / За ГРУСТЬЮ всех ИЗМЕН, – /
Пусть эта мысль предстанет строгой, / Простой и белой, как
дорога, /*

Как дальний путь, КАРМЕН!

Повторяющаяся онимная рифма здесь не только организует звуковое пространство, но имеет смысловое значение, так как возвращает нас к предыдущим стихам, «заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе» [Маяковский 1959: 253]. Возникающая посредством звуковых ассоциаций связь имени и семантики *апеллятива измена* вызывает аллюзии на образ героини П. Мериме.

В десятом, финальном, стихотворении цикла онимная рифма вновь возвращает внимание к ассоциативно-аллюзивному ряду *измен – Кармен*, закрепляя связанность *апеллятива* и поэтонима и довершая образ:

*Всё – музыка и свет: нет счастья, нет ИЗМЕН... / Мелодией одной
звучат печаль и радость... / но я люблю тебя: я сам такой, КАРМЕН.*

Итак, поэтоним встроен в ритмическую канву стиха таким образом, что принимает участие в создании рифмы разных видов: концевая, внутренняя; смежная, перекрёстная. Внутренняя онимная рифма связывает стихи по вертикали, фокусируя внимание на поэтониме. Выдвигаемый в концевых рифмах поэтоним *КАРМЕН* рифмуется с апеллятивом *измен*; возникающий параллелизм звучания создаёт параллелизм значений, связывая в смысловое целое ассоциативно-аллюзивный ряд оним – апеллятив.

5. Типология поэтонима *Ленора* как феномена поэтического дискурса

5.1. *Lenore* Г. А. Бюргера. Художественные достоинства произведения часто определяются количеством языков, на которые оно переведено. Происходящие в результате переноса произведения в иную языковую и культурную среду, в иную семиосферу, трансформации имени могут получать разное выражение. При определенной известности произведения имя может символизироваться, став материальным воплощением образа персонажа не только в родной лингвокультуре, но и в тех языковых сообществах, где будет принят популярный образ. В таких случаях, помимо непосредственных переводов, зачастую появляются подражания популярным изданиям. Нередко авторы используют в своём творчестве имена героев известных литературных произведений для решения определённых художественных задач или просто с целью привлечения дополнительного внимания. Когда вместе с переходящими из текста в текст фонетически и графически эквивалентными номинативами оказываются связаны повторяющиеся сюжеты, мотивы, ситуации, образы, могут иметь место так называемые ‘мигрирующие’ поэтонимы. При этом вторичное имя, как правило, обладает большей смысловой насыщенностью в сравнении с онимом, впервые употребленным писателем

[Кравченко 2005: 164], вследствие расширения коннотативных связей. Такое использование поэтических имён имеет давнюю традицию.

Проследить трансформации поэтонима и соответствующего литературного образа в континууме поэтического дискурса можно на примере женского литературного имени *Lenore*. Прежде всего обратимся к оригинальному тексту одноименной баллады Готфрида Августа Бюргера, где поэтоним появляется впервые. Являясь элементом поэтической речи, проприальная единица *Lenore* будет рассматриваться здесь как языковой знак со своей фонетической и графической структурой, обладающий конкретной семантической наполненностью, обусловленной особенностями исходного немецкоязычного поэтического произведения.

Это произведение Бюргера (1773 г.) было признано впоследствии идеальной моделью жанра лирико-драматической баллады. Образ героини заимствован из старинной немецкой народной песни, а сюжет баллады отсылает к фольклорному мотиву о мертвом женихе. Фантастический сюжет автор встраивает в пространственно-временные рамки современной ему общественно-исторической жизни, тем самым максимально приближая художественную реальность к действительности Европы второй половины XVIII века. Повествовательная точность деталей, указывающая на конкретное событие – Семилетнюю войну – достигается использованием в качестве временных и пространственных маркеров исторических онимов *Prager Schlacht* ‘битва под Прагой’, *König Friedrich* ‘король Фридрих’, топонима *Ungerlande* ‘Венгрия’, наряду с ними употребляется антропоэтоним *Wilhelm* (имя жениха). Поэт использует готические мотивы, важнейшим из которых является мотив соединения и причудливого переплетения черт реального и сверхъестественного миров, что создаёт эффект ‘реальности нереального’ [Романчук].

Драматическая история девушки по имени *Lenore*, составляющая

основу сюжета, начинается с бесхитростного описания довольно типичной сцены расставания с любимым по имени *Wilhelm*, который отправляется воевать. Динамично меняющиеся затем друг друга эпизоды с нарастающей силой изображают страдания Леноры от тоски по любимому. Когда тот не возвращается с поля боя, горе всецело поглощает её. Не в силах поверить страшной реальности, она проклинает жизнь и бога, продолжая настойчиво призывать любимого. Её мольбы и призывы дают результат, но какой мистически-ужасный! Прибывший в ночи жених увозит невесту с собой в мир мёртвых.

Написанная простым, грубоватым языком, стилизованным под типично народные стиховые формы, баллада в то же время соединяет стилистику народной песни и характерной ‘штюрмерской’ поэтики, что выражается в использовании соответствующих лексико-грамматических и фонетических средств (обилие восклицаний, междометных и вокативных форм, ономастопов, разного рода повторов). Подбор лексических, прежде всего онимных, средств призван передать колорит времени и эпохи, а использование средств разных уровней в комплексе наполняют стихи динамизмом и драматизмом.

После выхода в свет произведение, переведенное на многие европейские языки, в короткий срок стало невероятно популярным. Вместе с тем широкую известность получило имя героини баллады, как воплощение образа, постепенно превратившегося в символ несчастной влюблённой, покинувшей божий мир, мир света и жизни и добровольно ушедшей за любимым-призраком в потусторонний мир.

5.2. *Lenore* Эдгара По. Баллада Г. А. Бюргера «*Lenore*» получила популярность не только в Европе, но также в Англии и США. Она была переведена на английский язык Вальтером Скоттом. Считается, что Эдгар Алан По создал романтический образ умершей девушки по имени *Lenore*, вдохновлённый этой балладой. Убеждают в справедливости этого мнения и тематическое ‘созвучие’, и перекличка сюжетов По

«Lenore» и баллады Бюргера, зеркально повторяющей лейтмотив (скорбь по умершей невесте / мёртвому жениху). Коннотации имени закрепляются ‘шлейфом’ соответствующих ассоциаций. Тот же образ возникает вновь при повторном появлении поэтонима *Lenore* в другом произведении – поэме «The Raven» («Ворон») [По 1988].

5.3. *Ле/инор(а)* как феномен русской лингвокультуры

5.3.1. В начале XIX века баллада Г. А. Бюргера была переведена на русский язык В. А. Жуковским и П. А. Катениным и на определённое время стала предметом литературных споров в салонах сторонников одного или другого из переводчиков. Примечательно, что оба переводчика заменили имя центрального персонажа: у Катенина героиня звалась *Ольгой*, а у Жуковского (в первом переводе 1808 года) носила имя *Людмила*, и так же называлась сама баллада. Оба переводчика воспользовались методом онимической замены, «когда иноязычное имя собственное просто заменяется на имя собственное, взятое из ономастического фонда принимающего языка» [Ермолович 2004: 177]. Но для чего понадобилось менять имя героини?

Исследователь поэтических онимов в литературе и культуре России Б. А. Пеньковский описал существовавшую в первые десятилетия XIX в. литературную и жизненную практику использования исторических, культурных и литературных имён в качестве окказиональных, а затем и постоянных масок. Таковыми служили имена как реальных исторических лиц, так и литературных персонажей. В основе такого рода переносов, по мнению Пеньковского, лежали процессы регулярных семантических преобразований собственных имён. Сущность таких преобразований заключается в следующем: «мифологическое имя (resp. имя исторического лица / культурного героя / литературного персонажа) переносится в иное культурное пространство и либо сохраняет там объём своих значений, либо поднимает их на более высокий уровень обобщения-типизации, а затем,

не теряя свое типическое значение, применяется к конкретному лицу в качестве прозвища или антропонимической маски» [Пеньковский 2003: 399].

Первый перевод баллады для Жуковского на самом деле был творческим переложением художественной идеи Бюргера. Для переноса в культурно-языковую среду России художественная реальность первоисточника потребовались трансформации, необходимые для адаптации произведения к семиотической системе русской культурной реальности. Ограничение только чисто языковой стороной поэт-переводчик счёл совершенно недостаточным для передачи главной художественной идеи и всей системы образов. Перенос действия на российскую почву требовал определённой адаптации образа к российской действительности. Естественно, что в первую очередь трансформации коснулись ключевого поэтонима, посредством которого происходило предъявление главной героини в заглавии баллады, формирование её образа, а затем создание поэтонимосферы и всего художественного пространства произведения. А значит, переложение баллады следовало начинать с наречения героини подобающим именем. Потребовался и ряд других отступлений от оригинала, прежде всего, изменения хронотопа: теперь действие происходило в России XVI века. Замена ключевого поэтонима *Lenore* на *Людмила* повлекло за собой ограничение инвентаря художественных средств, который не должен был диссонировать, нарушать гармонию целого. При таком подходе логика сохранения художественного целого требовала соблюдения принципа использования онимных ресурсов принимающего языка, который заключается в том, что «переводчик стремится устранить из текста всё непривычное, ‘задевающее’ своей необычностью, ‘иностранностью’» [Ермолович 2004: 177]. Для подготовки читательского сознания к восприятию образа как ‘своего’ требовалась определённая его модификация. Появление героини предвосхищалось

предъявлением ее имени в заглавии, которое является не просто элементом образа, но концентратором его важнейших свойств, его сущности. Решение задачи создания образа, близкого и понятного славянской ментальности, предполагало соответствие его ожидаемому восприятию. В системе русских имен антропоним *Людмила* показался поэту наиболее подходящим и по семантико-этимологическим характеристикам ('милая людям'), и по 'славянскости', и по эвфоничности звучания. Образ Людмилы Жуковского имеет много сходных черт с образом Леноры у Бюргера, но есть и существенная разница: он более лиричен, трогательно-поэтичен, вызывает сочувствие.

Поэт-переводчик не был удовлетворён результатом своей работы и почти сразу же по окончании первого взялся за новый перевод баллады, который завершил только в 1812 году [Жуковский 1982: 153-160]. На этот раз героиня получает имя *Светлана*. Вместе с именем кардинально меняется и образ девушки: светлый, нежный, позитивный. Трансформируется и сюжет: в отличие от Людмилы, которая наказана за богохульство, Светлана не подчиняется силам зла, а, спасённая голубем, обретает как награду покой и счастье с милым. Путешествие с мёртвым женихом оказывается ночным кошмаром, и рождественское утро встречает героиню радостным звоном бубенцов и наполненной оптимизмом реальностью. Сказочный финал как нельзя более созвучен сказочному имени героини, определяющему семантику основного мотива: *Светлана* – 'светлая' – свет – покой – радость – светлая судьба – светлое праздничное утро – светлая сказка со счастливым концом. В семантике поэтонима сохраняются ассоциативно-образные связи с поэтонимом в исходном тексте Бюргера: аппеллятивная база для женского антропонима *Ленора* (← *Элеонора*) имеет значение 'яркая', 'сияющая'; сияние – это яркий свет, отсюда *Светлана* – 'светлая, излучающая свет'. Внесённые автором перевода изменения в именовании героини, а, соответственно, в заглавии, систему образов и сюжет, не оставили от

баллады Бюргера камня на камне. Это по сути совершенно новое произведение, лишь тематически созвучное с оригиналом.

В 1831 году В. А. Жуковский вновь обращается к балладе Бюргера. На этот раз поэт стремится приблизиться к оригиналу, с максимальной точностью передать национальный колорит. Общей цели служит и выбор имени героини – *Ленора* – ведь только оно призвано было передать как характер образа, так и соответствующий дух баллады. Василий Андреевич Жуковский отдаёт предпочтение транслитерации, с помощью которой антропоним интегрируется в семиосферу русской языковой культуры, принимая вид соответствующего словесного знака русского языка: *Ленора*.

Как видим, женский образ с именем *Lenore / Ленора* многогранен и неоднозначен. В трёх вариантах переложения бюргеровской баллады на русский язык нам открывается поиск автором форм и средств поэтики для решения определённой художественной задачи, и главная роль в достижении художественной цели принадлежит поэтонуиму. Вместе с переименованием героини меняются черты образа, перевоплощение даёт ему новую жизнь, наделяет новыми именами, окружает новыми контекстами. Однако ассоциативно-дискурсивные связи с созданным Бюргером образом сохраняются.

5.3.2. С лёгкой руки Жуковского имя *Ленора* и его референт перешагнули границы бюргеровской баллады и оказались в лингвокультурном дискурсе России на длительное время. О популярности образа Леноры в России свидетельствует тот факт, что А. С. Пушкин даже использовал имя романтической героини баллады в одном из лирических отступлений романа «Евгений Онегин». В одной из строф восьмой главы, посвящённых Музе поэта, находим строки, отсылающие нас к тексту баллады Бюргера / Жуковского: *Как часто ласковая муза / Мне услаждала путь немой / Волшебством тайного*

рассказа! // Как часто по скалам Кавказа / Она Ленорой, при луне, / Со мной скакала на коне! [Пушкин, 1986, с. 316]

Поэтическое сравнение музы с девушкой по имени *Ленора*, безусловно, не случайно. Это имя-реминисценция ассоциативно связывает два женских образа столь разных произведений, поскольку за Музой, по мнению А. Б. Пеньковского, недвусмысленно угадывается образ Татьяны. Рассуждая о Музе А. С. Пушкина в связи с онегинской Татьяной и «анти-Татьяной» – Ниной, исследователь пишет: «Итак, Муза Пушкина – “ветренная подруга”, “резвая” и “резвящаяся”, “Вакханочка”, отношения с которой могут поэтому рисоваться в откровенно эротических образах. <...> Но она же позднее является ему “в саду” его сельского имения “барышней уездной, / С печальной думою в очах, / С французской книжкой в руках” <...>. А в рамке между этими двумя воплощениями-перевоплощениями пушкинской Музы два других ее мифологических образа: “Ленора”, которая естественно – через “Светлану” – соотносится с “уездной барышней”, и молдавская цыганка, поющая “*песни степи ей любезной*”, в которой можно, конечно, видеть “черты патриархальной народности, которые украшают Татьяну”, но можно усматривать и подсказываемый также соображениями симметрии образ “*вакханочки*” – Земфиры, воплощающей мифологическую **Нину**» [Пеньковский 2003: 83-385]. Предложенный Пеньковским ассоциативный ряд женских антропонимов не бесспорен, однако показательно и интересно соотношение поэтонимов *Ленора* и *Светлана*, которые, без сомнения, отсылают к рассматриваемым произведениям Бюргера и Жуковского. Возвращаясь к цитате из Пушкина, зададимся вопросом: какой такой *Ленорой* могла видеться поэту его спутница-вдохновительница, скачущая вместе с ним при свете луны? У читателя-современника поэта такой вопрос не возникал, ибо ответ был очевиден в силу устойчивых коннотативных связей. *Ленора* представляла собой не просто широко известный литературный персонаж, хорошо знакомый читающей публике

первой трети XIX века, но являлась неотъемлемым элементом литературно-художественного мира, частью ассоциативно-образной картины мира широкого круга образованных людей того времени, составлял часть фоновых знаний коллективного культурного сознания.

5.3.3. Реминисценции, связанные с именем *Ленора*, встречаем у А. Блока. Стихотворению «Осенний вечер был...» [Блок 1981: 171] предшествует эпитафия «Ночь без той, зовут кого / Светлым именем *Ленора*». Он отсылает к известному литературному образу, указывая на автора цитаты: Эдгар По. Из него ещё не вполне ясно, о чём пойдёт речь в стихотворении, только смутно намечен образ девушки-музы, ассоциирующийся со светом (благодаря семантическому повтору апеллятива и поэтонима). Но когда (в центральной строфе стихотворения) таинственный «Гость», призывающий поэта смириться, произносит свою реплику, всё становится ясно: «Она – всё та ж: *Линор безумного Эдгара*. / Возврата нет. – Ещё? Теперь я всё сказал». «Гость» говорит со знанием дела, очевидно, что он и есть сам «безумный Эдгар». В одном стихе с помощью двух поэтонимов решается художественная задача установления ассоциативно-образной связи с тематическим содержанием и настроением произведений обоих поэтов.

Обращает на себя внимание вариативность женского антропоэтонима. Если в эпитафии, который является переведённой цитатой из Э. По, употребляется более близкая русскому языку форма *Ленора* (эту форму поэтонима предпочли и Жуковский, и Пушкин), то стихотворении Блок изменяет написание и звучание поэтонима на *Линор*, приближая его таким образом к английскому варианту произношения. Отсылка к Эдгару По так же естественна для поэта «серебряного века», как для Пушкина – к Жуковскому, а для Жуковского – к Бюргеру. Творчество и сама личность По были настолько популярны у поэтов начала XX века, что смогли затмить литературный праобраз, который, однако, сохранился в ‘памяти’ поэтонима.

5.3.4. У Осипа Мандельштама также обнаруживается обращение к имени *Ленор* и отсылка к соответствующему образу:

Я научился вам, блаженные слова: / Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита <...> [Мандельштам 1993: 174].

Происходит ‘нанизывание’ поэтонимов – символических имён возлюбленных, воспетых поэтами, ряд женских имён-образов, синонимичных для поэта и означающих ‘любовь’. Это значение закодировано и недоступно беглому взгляду, но многое говорит посвященным, тем, кто вхож в мир поэзии. Два поэтонима из этого ряда – *Ленор* и *Лигейя*, символично связанных с темой любви и смерти, – определённо отсылают сведущего читателя к образам, воспетым Эдгаром По. Так устанавливается ассоциативно-аллюзивная связь с романтическим женским образом, символизирующим безутешную печаль, актуализируются интертекстуальные и межкультурные коннотативные связи. Перечислением поэтонимов обеспечивается семантическая когезия с предыдущим стихом: *Всю смерть ты выпила и сделалась нежней*, в котором тематизируется взаимосвязь любви и смерти, присутствующая в поэзии Э. По.

В случае с поэтонимом *Lenore* / *Ленор(а)* мы имеем дело с мигрирующим образом, который может не только существенно меняться, но и зашифровываться, прятаясь под разными именами, однако, благодаря устойчивым ассоциативно-семантическим языковым и культурным связям сохраняет постоянные черты, оставаясь узнаваемым. Поэтоним же выполняет либо маскирующую функцию, либо, напротив, антиципирует содержание произведения с помощью хорошо известного имени-образа.

6. Резюме

Материалы исследования показывают, что эстетический эффект каждого стихотворения создаётся звуками и просодическими средствами в единстве с семантикой входящих в него лексических единиц. Поэтоним в структуре произведения ‘работает’ на художественный образ, создаваемый автором, взаимодействуя с контекстом. Однако для полноценного адекватного прочтения художественного ‘материала’ бывает недостаточно эксплицированного таким образом знания. Ещё одним обязательным условием полноценного прочтения произведения является направленность исследования, его обращённость к личности художника, учитывающая его онтологические взгляды и устремления, а также, говоря словами М. М. Бахтина, то, «из какой временно-пространственной точки смотрит автор на изображаемые им события». И поскольку художник, принадлежа определённой культуре и эпохе, видит мир из своей «незавершенной современности во всей ее сложности и полноте» [Бахтин 1986], он сам говорит с читателем от имени своей эпохи, передавая посредством глубоко личных откровений свойственные его времени сложности и противоречия.

Есть имена в наследии поэтов, отмеченные особой значимостью, определяющие основные темы и мотивы творчества. В исследовании поэтонимии важно не пройти мимо таких проприальных единиц, иначе понимание смысла как отдельных произведений, так и всего творчества автора будет значительно затруднено или искажено.

7. Заключение

Интерпретация художественного произведения имеет дело прежде всего со смыслами, вложенными в него авторским креативным мышлением. В связи с этим актуальное звучание приобретает вопрос о месте и значении того или иного имени в индивидуально-личностном авторском сознании, непосредственно связанный с главным вопросом поэтики – вопросом о значении и смысле поэтического слова.

Полученные результаты подтверждают положение о дискурсивной ценности в художественном пространстве поэтонимов, которые отличаются присущими им одновременно емкостью и краткостью формирования смыслов и об обусловленных этими факторами особенностях функционирования поэтонимов в поэтическом дискурсе.

Условием актуализации их стилистических возможностей является расположение в сильных позициях стихов, рифмах, разного рода повторах, которые создают его фонетическую и семантико-стилистическую выделенность. Взаимодействие поэтонима и контекста ведёт к усилению выразительных потенций того и другого.

Как показывает анализ, участие поэтонима в образовании разных видов рифмы является наиболее распространенным приемом использования проприальной лексики в формировании звуковой и ритмико-интонационной структуры стихотворений.

Список литературы

1. Абросимова Е.А. Интермедиальное измерение современного поэтического дискурса: теоретический обзор / Е. А. Амбросимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 100-104. ISSN 1997-2911. Doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.21.
2. Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 4-е. – Москва: Худож. лит., 1977. – 647 с.
3. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. (Лингвистическое наследие XX века). – 452 с. – ISBN 978-5-39-704445-5.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1986. – 445 с.

5. Буштян Л. М. Словообразовательная основа ономастической коннотации / Л. М. Буштян // Актуальные вопросы русской ономастики / ред. Ю. А. Карпенко (отв. ред.) и др. – Киев: УМК ВО, 1988. – С. 22-29.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва: Наука, 1981. – 139 с.
7. Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика / М. Л. Гаспаров. – Москва: Наука, 1974. – 488 с.
8. Гиршман М. М. Литературное произведение: теория художественной целостности / М. М. Гиршман. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 528 с.
9. Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий / Е. В. Джанджакова // Лингвистика и поэтика. – Москва: Наука, 1979. – С. 207-213.
10. Елина Е. А. Поэтический дискурс как производное живописного изображения / Е. А. Елина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. – Т. 21. – Вып. 2. – С. 161-165. Doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-161-165.
11. Ермолович Д. И. Основания переводоведческой ономастики: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Ермолович Дмитрий Иванович; МГЛУ. – Москва, 2004. – 371 с.
12. Зайцева К. Б. Английская стилистическая ономастика: тексты лекций / К. Б. Зайцева. – Одесса, 1973. – 67 с.
13. Золян С. Т. Что есть дискурс? Возвращаясь к «потаенному» Соссюру / С. Т. Золян // Иностранные языки в высшей школе. 2023. – № 4 (67). – С. 6–11. DOI: 10.37724/RSU.2023.67.4.001.
14. Иванова Н. И. Textoобразующая функция вариативных способов именования персонажей (на материале произведений В. Аксенова) / Н. И. Иванова // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк: Донеччина, 2000. – Вып. 6. – С. 165-174.
15. Калинин В. М. К вопросу об оппозициях в поэтонимосфере художественного произведения / В. М. Калинин // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: сб. к 80-л. проф. О. Е. Ольшанского / ред. В. А. Глущенко. – Славянск, 2001. – Ч. I. – С. 93-97.
16. Калинин В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с. – ISBN 966-7239-76-4.
17. Калинин В. М. Тайный смысл их царственных имён / В. М. Калинин // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк: Донеччина, 2002. – Вып. 8. – С. 3-19.
18. Карасик В.И. Языковая матрица культуры: монография / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2013. – 318 с. (Филологи. Психология. XXI. Лингвистика). – ISBN 978-5-94244-043-5
19. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34-40.
20. Косиченко Е. Ф. Опыт классификации художественных онимов / Л. Ф. Косиченко // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 19 (730). – С. 206-216.
21. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1982. – 480 с.
22. Мандельштам О. Э. Слово и культура: Статьи / О. Э. Мандельштам. – Москва: Советский писатель, 1987. – 320 с.
23. Маяковский В. В. Как делать стихи / В. В. Маяковский // Полное собрание сочинений. – Москва: Гослитиздат, 1959. – Т. 12. – С. 253.
24. Михайлов В. Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе / В. Н. Михайлов // Филологические науки. – 1966. – № 2. – С. 54–66.
25. Отин Е. С. Экспрессивно-стилистические особенности ономастической

лексики в восточнославянских языках / Е. С. Отин // Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. – Киев: Наукова думка, 1981. – С. 132–144.

26. Пеньковский А. Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении / А. Б. Пеньковский. – 2-е изд., исправ. и допол. – Москва: Изд-во «Индрик», 2003. – 640 с. – ISBN:5-85759-206-2.

27. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва: Наука, 1973. – 367 с.

28. Тимофеев Л. Стих – слово – образ / Л. Тимофеев // Вопросы литературы. – 1962. – № 6. – С. 76-89.

29. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – Москва: Аспект Пресс, 2001. – 334 с.

30. Топоров В. Н. Из области теоретической топонимистики / В. Н. Топоров // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С. 3-12.

31. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Советский писатель, 1965. – 301 с.

32. Усова Н. В. Про стилістично релевантні властивості поетонімії / Н. В. Усова // STUDIA SLOVAKISTICA. – Ужгород, 2011. – Вип. 11. – ЕЛІМІНАЦІЯ МОВНИХ БАР'ЄРІВ. – С. 72-78.

33. Якобсон Р. Звук и значение / Р. Якобсон // Избранные работы. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 30-91.

34. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 96.

35. Arndt E. Deutsche Verslehre / E. Arndt. – Berlin: Volk und Wissen, 1984. – 257 s.

Список интернет-источников

Романчук Л. Поэтика баллады Бюргера «Песня о храбреце» / Л. Романчук. – URL: <http://www.roman-chuk.narod.ru/.../Burger.htm>. (дата обращения: 09.03.2010).

Энциклопедия Кольера. Открытое общество. 2000. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/6125/%D0%9A. (дата обращения: 21.08.2014).

Список источников иллюстративного материала

Блок А. А. Стихотворения и поэмы / А. Блок. – Ленинград : ЛГУ, 1981. – 287 с.

Жуковский В. А. Избранные сочинения / В. А. Жуковский; вступ. статья, сост. и примеч. И. Семенко. – Москва : Худож. лит., 1982. – 431 с. (Биб-ка классики. Русская лит-ра).

Мандельштам О. Э. Собрание произведений: Стихотворения / О. Мандельштам. – Москва : Республика, 1992. – 576 с.

По Э. А. Стихотворения. Сборник / Э. По; сост. Е. К. Нестерова. – Москва : Радуга, 1988. – 414 с. – ISBN 5-05-001854-4.

Пушкин А. С. Сочинения в трёх томах / А. С. Пушкин. – Москва : Художественная литература, 1986. – Т. 2. – 316 с.

Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2-х т. Т. 1: Стихотворения / Ф. И. Тютчев. – Москва : Худож. лит., 1984. – 495 с.

Тютчев Ф. И. Стихотворения / Ф. И. Тютчев. – Москва : Худож. лит., 1986. – 287 с.

РАЗДЕЛ IV

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

1. Постановка проблемы

1.1. Современное состояние исследований в области политического дискурса (далее ПД) характеризуется разносторонностью проблематики. Значителен вклад в разработку общей теории ПД [Дейк ван Т. 1978, 1988, 1989, 1997; Чудинов 2008, 2012; Чилтон 1993], в изучение конкретных его видов [Демьянков 1982, 1983, 1994, 2001, 2002; Герасимов 2002; Ильин 2002, 1993; Шейгал 1998, 2000, 2002, 2004]. Уделяется внимание тематическому анализу ПД [Баранов 1990, 1994, 2003; Будаев 2008; Кобозева 2001; Караулов, 1987, 1996; Шейгал 2004; Чудинов 2008, 2012], исследованию метафор и стереотипов, лежащих в основе определенных политических убеждений [Будаев, 2008; Чудинов, 2008, 2012].

Актуальным представляется привлечение к комплексному анализу развития АПД в XX – начале XXI веков понятийного аппарата когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики как системы в единстве ее когнитивного и коммуникативно-функционального аспектов. Диахронический подход к анализу языкового материала, основанный на сопоставлении данных разных исторических периодов, обладает наибольшим эвристическим потенциалом, т. к. позволяет проследить динамику национального мировоззрения и мировидения и воплощающих его языковых средств и дает возможность установить специфику каждого этапа, продемонстрировать особенности взаимодействия языка, политики, социума и культуры.

Объектом исследования является американский политический дискурс, базирующийся на определенных дискурсообразующих

концептах, которые влияют на его организацию, а **предметом** – особенности вербализации концептуального пространства АПД в XX – начале XXI веков.

Цель исследования – установить и описать основные лингвокогнитивные особенности организации, функционирования и развития АПД в XX – начале XXI веков.

Материал исследования составили 662 официальные речи 20 президентов США, из них – 509 публичных выступлений 17 президентов в XX веке и 153 публичных выступления 3 президентов в XXI веке. Общий объем выборки составляет 20000 страниц (15000 страниц в первом исследуемом периоде и 5000 страниц – во втором).

В соответствии с целью, задачами и объектом исследования используются следующие **методы и приемы анализа**: описательно-аналитический метод, метод компонентного и контекстуального анализа, метод концептуального анализа, включая фреймовое моделирование и инструментарий теории концептуальной метафоры, методика прагматически-когнитивной интерпретации значения, метод лингвостилистического анализа, дискурсивный анализ, метод количественного анализа.

1.2. АПД представляет собой форму социального взаимодействия, определяемую конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных временных процессов. Центральным жанром АПД является публичная речь президента, так как она соответствует основной интенции ПД – борьбе за власть. Пространство АПД XX – начала XXI веков, реализуемого публичными выступлениями президентов, представляет собой совокупность ритуальных, ориентационных и агональных жанров. В контексте борьбы за власть ядро пространства занимают агональные жанры, в которых состязательность получает

открытую, эксплицитную реализацию. Находящиеся на институциональной периферии АПД ориентационные жанры количественно превалируют, так как направлены на сохранение, удержание, а не завоевание власти. Количественное доминирование ориентационных жанров является универсальной характеристикой АПД XX – начала XXI веков. Выбор в качестве источника анализа речевого жанра публичного выступления президента обусловлен тем, что именно эта жанровая разновидность политического дискурса представляет наиболее полную информацию, отражающую менталитет и ценности национальной лингвокультуры, которые подвержены влиянию времени и господствующей идеологии.

В рамках настоящего исследования концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики рассматривается с лингвокогнитивной и лингвокультурологической точек зрения. Под концептом понимается сложная, динамическая, структурно-смысловая, этнически и культурно обусловленная ментальная единица сознания, которая выступает способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение.

2. Дискурсообразующий концепт POLITICS в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков

Концепт POLITICS является дискурсообразующим концептом АПД XX – начала XXI веков: имеет древнее происхождение и занимает ведущее место в англо-американской языковой картине мира, наглядно отражая общественные процессы, происходящие в стране, репрезентируя ценностно-эмоциональное отношение к ним носителей языка, а также содержит социолингвистическую специфику, характерную для американского понимания политики. Понятийно-ценностное содержание концепта POLITICS раскрывается на основе изучения лексикографических дефиниций и компонентного анализа

значения имени концепта, членов его синонимического ряда, их частеречных дериватов.

Анализ дискурсивных реализаций концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков свидетельствует, что ядро данного концепта состоит из 4 лексем: *politics* (41% / 39%), *government* (43% / 42%), *affairs of state* (16% / 14%), *public affairs* (8% / 6%). Периферию концепта PEOPLE составляют еще 6 ЛЕ: *diplomacy* (5% / 11%), *policy* (9% / 8%), *power struggles* (5% / 9%), *machinations* (3% / 4%), *manoeuvring* (4% / 2%), *polity* (2% / 1,5%), *realpolitik* (0,5% / 0,3%).

Анализ дискурсивных реализаций номинантов концепта POLITICS в XX в. свидетельствует о том, что доминантными ЛЕ являются *politics* (41%), *policy* (18%), *government* (6%), *administration* (5%), *organization* (3%), *management* (2,9%). В начале XXI века наибольшую частотность актуализации находят такие вербализаторы концепта, как *politics* (42%), *government* (14%), *administration* (10%), *policy* (6%), *authority* (5%). Некоторые номинации, которые выражают концепт POLITICS исчезают, например: *polity* (0,33%), *realpolitik* (0,32%) и появляются новые, такие как *campaign* (1,1%), *black power* (0,8%), *white power* (0,6%), *soft power* (0,3%).

Анализ семантических признаков имени концепта, синонимов имени концепта и их частеречных дериватов позволяет представить структуру семантического пространства концепта в виде модели, состоящей из четырех сегментов POWER IN PUBLIC LIFE, INFLUENCE, POLITICAL VIEWS / BELIEFS, A STATE OF POLITICAL AFFAIRS. Анализ дискурсивных реализаций позволил дополнить прототипические представления о концепте POLITICS. Публичные выступления президентов США свидетельствуют о том, что значение данного концепта в АПД как XX, так и в начале XXI веков формируют четыре концептуальных уровня, которые образуются при помощи иерархически взаимозависимых и взаимообусловленных признаков.

Первый уровень структуры концепта репрезентируется девятью сегментами, которые далее подразделяются на микросегменты. Актуализация сегмента POWER IN PUBLIC LIFE происходит при помощи объективации признаков: *(political) control, regime, a power struggle, (rival) party, authority, country, the body politic, public policy*: (1) *‘But our policy cannot change, and it will not change. America and the world will not be blackmailed by this ruthless policy’* [Bush, G.H.W. Address Before a Joint Session of Congress, 11 September 1990].

Сегмент INFLUENCE представлен признаками *influence, power over men or things, effect on the mind*: (2) *‘... there’s a crisis for folks who have power and influence and can hire lobbyists...’* [First McCain-Obama Presidential Debate, September 26, 2008]. Актуализация сегментов POLITICAL VIEWS / BELIEFS происходит при помощи объективации признаков *conservatism, liberalism, the party of liberty, equality, justice, republicanism, populism, separatism, individualism*: (3) *‘Republicans are the party of liberty, equality, and justice for all. We are the party of Abraham Lincoln, and we are the party of law and order.’* [Trump, D. Campaign Rally in Tulsa, Oklahoma, 20 June 2020]. Сегмент A STATE OF POLITICAL AFFAIRS представляют микросегменты **political / social / economic / military policy, body politic, anarchy, regime**: (4) *‘They want to demolish our heritage so they can impose their new oppressive regime in its place’* [Trump, D. Campaign Rally in Tulsa, Oklahoma, 20 June 2020].

Следует заметить, что результаты исследования контекстов, в которых актуализируются семантические признаки концепта, указывают на то, что сегментная структура концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков имеет неоднородный характер. Как свидетельствует анализ эмпирического материала наибольшее количество контекстов, которые вербализируют концепт POLITICS в XX в., актуализируют сегменты POLITICAL VIEWS / BELIEFS (35%) и A STATE OF POLITICAL AFFAIRS (25%). В начале XXI в. на первый план выдвигается сегмент

POWER IN PUBLIC LIFE (36%) и INFLUENCE (24%), что находит свое непосредственное выражение в тесной связи концепта POLITICS с дискурсообразующими концептами POWER и STATE, а также национально-маркированными DEMOCRACY, LIBERTY, AMERICA. Проведенный анализ свидетельствует о том, что в английском языке контекстуальное семантическое пространство представлено большим количеством признаков, чем семантическое пространство концепта, смоделированное на основании словарных дефиниций. Семантические отношения первого уровня структуры концепта могут быть описаны при помощи фреймов разных типов. Фреймовая модель понятийно-ценностного компонента концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков структурируется на основе пропозиций таксономического фрейма: POLITICS есть ЧТО-ТО (POWER IN PUBLIC LIFE), (INFLUENCE), (POLITICAL VIEWS / BELIEFS), (A STATE OF POLITICAL AFFAIRS).

Образно-ценностный компонент концепта POLITICS реализуется в АПД при помощи различных разноуровневых языковых средств. Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта POLITICS представлена в табл. 1.

Следует заметить, что образная интерпретация концепта POLITICS осуществляется с помощью привлечения механизма метафоры. Анализ текстовых фрагментов АПД показал, что метафорическая интерпретация концепта POLITICS реализуется благодаря концептуальным метафорам (см. табл. 1).

Феномен «политика» концептуализируется в АПД XX – начала XXI веков преимущественно с помощью онтологических метафор, которые возникают как «способ восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т. д., как материальные сущности и вещи», структурных, которые «дают возможность использовать одно сложно структурированное и четко вычлененное понятие для структурирования другого» и ориентационных, «в основе которых лежит опыт

пространственной ориентации человека в мире» [Lakoff, Johnson 1980: 61].

Таблица 1. Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков

Языковые средства	Количество примеров			
	XX век		XXI век	
	абс. кол-во	%	абс. кол-во	%
<i>Лексические</i>				
1. Фразеологизм	40	8,6	48	9
2. Метонимия	37	7,25	36	6,8
3. Эпитет	36	7,26	42	7,9
4. Идеологема	15	3,02	17	3,2
5. Мифологема	14	2,82	12	2,24
6. Термин	12	2,42	14	2,62
7. Терминологизм	10	2,02	10	1,87
8. Сравнение	8	1,61	6	1,12
9. Эвфемизм	5	1,1	8	1,49
<i>Синтаксические</i>				
10. Сложноподчиненные предложения	23	4,64	18	3,36
11. Семантический повтор	15	3,2	12	2,24
12. Синтаксический параллелизм	12	2,42	16	2,84
13. Отрицательные предложения	9	1,81	11	2,06
14. Анафора	6	1,21	13	2,43
15. Антитеза	4	0,81	8	1,49
<i>Другие</i>				
16. Концептуальная метафора	250	50,4	264	49,34
ВСЕГО:	496	100	535	100

Политики, имеющие целью внушить какую-либо точку зрения адресату, прибегают к образам природы, человека, войны и мира, духовного мира, света и тьмы, профессионального круга, науки, культуры и спорта, научно-технического прогресса, что непосредственно находит выражение в доминирующих метафорических моделях XX – начала XXI веков, представленных в таблице 2.

Для актуализации концепта POLITICS широко применяются **ФЕ**, пословицы и поговорки как в АПД XX, так и начала XXI в.: (4) ‘*Speak softly and carry a big stick, and you will go far*’ [Presidential Rhetoric]. АПД XX – начала XXI веков характеризуется широким употреблением **идеологем**: (5) ‘*We must always be wary of those who with sounding brass and a tinkling cymbal preach the ‘ism’ of appeasement*’ [Roosevelt, F. D. State of the Union (Four Freedom), 6 January 1941].

Таблица 2. Количественная характеристика основных типов КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт POLITICS в АПД XX – начала XXI веков

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
<i>Структурные метафоры</i>			
1.	POLITICS IS POWER	14%	16%
2.	POLITICS IS WAR	12%	14%
3.	POLITICS IS THEATER	7%	5,5%
4.	POLITICS IS BUSINESS	5%	7,5%
5.	POLITICS IS SPORT	4,5%	5%
6.	POLITICS IS HUNT	4,2%	5%
7.	POLITICS IS PROFESSION	3,5%	3 %
8.	POLITICS IS GOOD / EVIL	3,5%	1,2%
9.	POLITICS IS GAMBLING	3%	1,8%
10.	POLITICS IS SCIENCE	2,7%	2,5%
11.	POLITICS IS RELIGION	2,5%	1,5%
12.	POLITICS IS JOURNEY	2%	4,5%
13.	POLITICS IS CRIME	1,2%	2,7%
<i>Онтологические метафоры</i>			
14.	POLITICS IS NATURAL PHENOMENON	8,8%	7%
15.	POLITICS IS PLANT	8,5 %	4,5%
16.	POLITICS IS BEAST	3,6%	3,8%
<i>Ориентационные метафоры</i>			
17.	POLITICS IS UP	8,5%	9%
18.	POLITICS IS DOWN	5,5%	4,5%
ВСЕГО:		100%	100%

Мифологема, как одна из форм выражения идеологии, персуазивный и манипуляционный потенциал которой использует адресант в ПД [Иванова 2004: 54], является одним из наиболее частотных средств представления концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков: (6) *‘Our democratic faith is more than the creed of our country, it is the inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along ...’* [Bush, G.W. First Inaugural Address, 20 January 2001].

Вместе с метафорами, ФЕ, терминологизмами и терминами, **эвфемизмы** выступают как один из продуктивных источников вербализации образно-ценностного компонента концепта POLITICS. В американском сообществе эвфемизмы выступают своеобразным маркером принадлежности к определенной политической партии и

методом убеждения адресата, напр.: *collateral damage, enhanced interrogation techniques, detainees, detention camp, overseas contingency operations*. Данное стилистическое средство в АПД XX – начала XXI веков используется для исключения каких-либо видов дискриминации (расовой, возрастной, социальной, религиозной, этнической), напр.: *a career change, early retirement opportunity, career / employee transition, a surplus reduction in personnel, workforce imbalance correction*.

Таким образом, концепт POLITICS является ведущим дискурсообразующим концептом АПД XX – начала XXI веков, объединяя в себе компоненты, присущие таким дискурсообразующим концептам как POWER, STATE, PEOPLE и национально-маркированным AMERICA, DEMOCRACY, LIBERTY, PRESIDENT. Прослеживается динамика ядерных и периферийных признаков концепта POLITICS и его ключевых слов в АПД, в частности выявлены важнейшие тенденции в реализации концепта в XX веке, а именно актуализация таких характеристик как функции политики, структура государственного управления и виды, в то время как в начале XXI века на первый план выходит власть / сила и мощь государства как залог доминирования в мировой политике, политическая система и идеология как основа государственной политики.

3. Вербализация концепта STATE в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков

Концепт STATE относится к сфере социально-политической жизни и является наиболее важным для существования и развития любой нации, поэтому отношение граждан к государству зависит от исторических и политических традиций, сложившихся в цивилизованном обществе.

Критерием отнесения к дискурсообразующим концептам периода XX – начала XXI веков послужила частотность функционирования концепта в анализируемых фрагментах АПД (наличие вербализованных реализаций концепта не менее чем в 42% случаев от общего количества примеров по сравнению с членами его CP), а также его лингвистическая детализация (через синонимы, включение в метафорические и оппозиционные схемы и т. д.).

Полифункциональность ЛЕ *state* в АПД XX – начала XXI веков доказывают адекватность выбора номинации *state* как имени концепта STATE, поскольку эта ЛЕ позволяет передать содержание исследуемого концепта как целостного феномена в совокупности всех его проявлений и аспектов.

Анализ семантических признаков имени концепта, синонимов имени концепта и его частеречных дериватов позволяет представить структуру семантического пространства концепта STATE в виде модели, состоящей из четырех сегментов COUNTRY, GOVERNMENT, OFFICIAL CEREMONY, THE US, которые в свою очередь, подразделяются на микросегменты, такие как, **territory, political and social organizations, bodies of power, functions, ideology, symbols, religion, people.**

Выделенные сегменты концептуальных признаков соответствуют основным сферам-источникам, которые служат базой для

концептуализации. Эти сегменты и далее подразделяются на микросегменты – нижние уровни структурирования фреймовой структуры. Сегмент COUNTRY представлен микросегментом **territory**. Имя концепта STATE представляет отдельную географическую область, которая понимается как отдельное земельное пространство, территория: (7) *‘It is searching the world for grains, grasses, fruits, and vegetables specially fitted for introduction into localities in the several States and Territories where they may add materially to our resources.’* [Roosevelt, Th. First Annual Message, 3 December 1901].

Актуализация микросегмента **territory** осуществляется путем объективации таких семантических признаков: 1) **limited**: (8) *‘There is no one within its borders, there is no power among the nations of the earth, to make it afraid.* [Wilson, W. Address at Gettysburg, 4 July 1913]; 2) **isolated**: (9) *‘I have landed force to protect the lives and property of American citizens here against threats of Colombian soldiery. I am protecting water front with ship.’* [Roosevelt, Th. Message Regarding the Panamanian Revolution, 16 November 1903]; 3) **open**: (10) *‘When you are satisfied that a de facto government, republican in form, and without substantial opposition from its own people, has been established in the State of Panama, you will enter into relations with it as the responsible government...’* [Roosevelt, Th. Message Regarding the Panamanian Revolution, 16 November 1903]. Сегмент GOVERNMENT представлен микросегментом **political and social organization**, который концептуализирует политические, экономические и культурные реалии американского общества: **bodies of power, functions, ideology**. Микросегмент **bodies of power** имеет еще один уровень иерархической структуры и расширяется на третьем уровне с помощью микросегмента **the subject of power** (субъект власти). Сегмент GOVERNMENT также представлен микросегментом **functions**, который в свою очередь имеет еще один уровень иерархической структуры и расширяется на третьем уровне с помощью двух микросегментов **internal**

functions, external functions. Актуализация микросегмента **internal functions** осуществляется путем объективации таких семантических признаков: 1) **education**: (11) *'We will return control of our children's education to parents and local school authorities'* [Ford, G. Republican National Convention, 19 August 1976]; 2) **mass media**: (12) *'And with some help from the media, it's been a pretty impressive campaign.'* [Reagan, R. Speech at the Conservative Political Action Conference, 18 February 1983]; 3) **science**: (13) *'We have made enormous strides in science and industry and agriculture.'* [Nixon, R.M. First Inaugural Address, 20 January 1969]; 4) **economy**: (14) *'We have learned at last to manage a modern economy to assure its continued growth'* [Nixon, R.M. First Inaugural Address, 20 January 1969]; 5) **medicine**: (15) *'We will ensure the integrity of the social security system and improve Medicare...'* [Ford, G. Republican National Convention, 19 August 1976]; 6) **security**: (16) *'The first and prime concern is and will remain the security of our country.'* [Ford, G. Republican National Convention, 19 August 1976]. Сегмент **GOVERNMENT** представлен микросегментом **ideology**: (17) *'So it is proper that we assure our friends once again that, in the discharge of this responsibility, we Americans know and we observe the difference between world leadership and imperialism; between firmness and truculence; between a thoughtfully calculated goal and spasmodic reaction to the stimulus of emergencies'* [Eisenhower, D. First Inaugural Address, 20 January 1953]. Сегмент **OFFICIAL CEREMONY** представлен микросегментами **symbols** и **religion**: (18) *'The blow was aimed not at this President, but at all Presidents; at every symbol of government'* [Roosevelt, Th. First Annual Message, 3 December 1901]. Сегмент **The US** представлен микросегментом **a permanent population**: (19) *'What America has done has given renewed hope and courage to all who have faith in government by the people...'* [Hoover, H. C. Inaugural Address, 4 March 1929].

Фреймовая модель понятийно-ценностного компонента концепта **STATE** структурируется на основе пропозиций таксономического фрейма:

НЕЧТО-индивид есть НЕЧТО-вид / роль: STATE есть НЕЧТО (COUNTRY), (GOVERNMENT), (OFFICIAL CEREMONY), (THE US).

Образно-ценностный компонент концепта STATE реализуется в АПД XX – начала XXI веков при помощи разнообразных разноуровневых языковых средств. Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта STATE представлена в табл. 3.

Как свидетельствуют данные табл. 3, образная интерпретация концепта STATE интенсивно осуществляется при помощи задействования механизма метафоры (49,4% / 55%).

Таблица 3. Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта STATE в АПД XX – начала XXI веков

Языковые средства	Количество примеров			
	XX век		XXI век	
	абс. кол-во	%	абс. кол-во	%
<i>Лексические</i>				
1. Эпитет	54	9,3%	49	9,04%
2. Имена собственные	39	6,7%	24	4,42%
3. Метонимия	36	6,23%	32	5,9%
4. Фразеологизм	26	4,5%	28	5,16%
5. Идеологема	8	1,38%	6	1,1%
6. Мифологема	6	1,4%	6	1,1%
7. Термин	6	1,4%	8	1,47%
8. Сравнение	4	1,16%	4	0,73%
<i>Синтаксические</i>				
9. Семантический повтор	28	4,85%	18	3,32%
10. Синтаксический параллелизм	26	4,5%	16	2,95%
11. Сложноподчиненные предложения	24	4,15%	21	3,8%
12. Отрицательные предложения	21	3,6%	18	3,3%
13. Анафора	14	2,42%	12	2,21%
<i>Другие</i>				
14. Концептуальная метафора	285	49,4%	300	55%
ВСЕГО:	577	100%	542	100%

Образно-ценностный компонент концепта STATE высвечивает символические смыслы, как всего государства, так и его отдельных элементов. Концепт STATE выступает символом единства людей, поэтому возможно метафорическое осмысление объединения людей, связанных друг с другом как граждан в составе государства, так, и понимание государства как пространства духовно близких людей. На этом этапе

исследования выявлено, что государство концептуализируется в АПД XX – начала XXI веков преимущественно при помощи онтологических метафор, которые категоризируют абстрактные вещи, путем очерчивания границ в пространстве (см. табл. 4).

Таблица 4. Количественная характеристика основных типов онтологической КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт STATE в АПД XX – начала XXI веков

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
1.	STATE is A HUMAN BEING	49%	60%
2.	STATE is MECHANISM	18%	11%
3.	STATE is ARCHITECTURE	16%	10%
4.	STATE is A PLANT	11%	11%
5.	STATE is ANIMAL WORLD	6%	8%
	ВСЕГО:	100%	100%

Следует отметить высокую частотность употребления артефактной метафоры при реализации концепта STATE в АПД XX – начала XXI веков. Ведущими метафорическими моделями являются STATE is MECHANISM, STATE is ARCHITECTURE: (20) *‘This country had been gearing itself up to a high level of production of munitions...’* [Roosevelt, Th. Eighth Annual Message, 9 December 1908]. Анализ концептуальных сфер-источников метафорической экспансии в АПД XX – начала XXI веков показал, что продуктивными являются структурные метафорические модели (см. табл. 5).

Таблица 5. Количественная характеристика основных типов структурной КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт STATE в АПД XX – начала XXI веков

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
1.	STATE – CONTROL	28%	12%
2.	STATE – SECURITY	24%	20%
3.	STATE – DEMOCRACY	12%	29%
4.	STATE – SOLUTION	–	2%
5.	STATE – EQUALITY	22%	24%
6.	STATE – ART	4%	3%
7.	STATE - PROTECTION	10%	10%
	ВСЕГО:	100%	100%

Метафорическая модель **STATE is CONTROL** является наиболее часто употребляемой в АПД XX в., о чем свидетельствует количественный анализ : (21) ‘...for in the long run, under the mere pressure of material distress, the people as a whole would probably go back to the reign of an unrestricted individualism rather than submit to **a control by the State**’ [Clinton, B. First Inaugural, 20 January 1993]. Среди вербализаторов концепта STATE, можно выделить модели ориентационной метафоры (см. табл. 6).

Таблица 6. Количественная характеристика основных типов ориентационной КМ, представляющей дискурсообразующий концепт STATE в АПД XX – начала XXI вв.

	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД начала XXI в.
1.	STATE is UP	42%	38%
2.	STATE is DOWN	18%	19%
3.	STATE is INSIDE	36%	36%
4.	STATE is OUTSIDE	4%	7%
	ВСЕГО:	100%	100%

Метафорические модели **STATE is UP** и **STATE is DOWN** представлены в следующем примере, где показатель роста демонстрирует прилагательное в сравнительной степени “*more*”: (22) ‘*The greater the fall of the state, the more laws it has*’ [Clinton, B. First Inaugural, 20 January 1993].

Образно-ценностный компонент концепта STATE, который представлен ориентационными метафорами, представляет государство как живое существо или механизм, постоянно находящийся в движении и развитии.

Концепт STATE в АПД XX – начала XXI веков чаще всего вербализуется **именами собственными**: (23) ‘*Because of what **America** is and what **America** has done, a firmer courage, a higher hope, inspires the heart of all humanity*’ [Coolidge, C. Inaugural Address, 4 March 1925]; **метонимиями**: (24) ‘***Our harvests** are bountiful, **our factories** flourish, **our homes** are safe, **our defenses** are secure*’ [Johnson, L.B. Thanksgiving Message, 28 November 1963]; **идеологемами**: (25) ‘*Each side sees only **hard***

and soft nations, hard and soft policies, hard and soft me’ [Presidential Rhetoric]; мифологемами: (26) *‘Today the eyes of all people are truly upon us – and our governments, in every branch, at every level, national, state and local, must be as a city upon a hill’* [Presidential Rhetoric]; семантическими повторами, синтаксическим параллелизмом, анафорой: (27) *‘Your voice, your hopes, and your dreams, will define our American destiny. And your courage and goodness and love will forever guide us along the way. Together, We Will Make America Strong Again. We Will Make America Wealthy Again.’* [Trump D. Inaugural Address, 20 January 2017].

Таким образом, в АПД XX – начала XXI веков актуализируется дискурсообразующий концепт STATE: государство определяется как ведущий институт власти, основной элемент политической системы общества, организующий, направляющий и контролирующий общественную деятельность. Анализ вербализаторов концепта STATE позволяет констатировать его тесную связь как с дискурсообразующими концептами POLITICS, POWER, PEOPLE, так и с национально-маркированными DEMOCRACY и NATION.

Таким образом, концепт STATE в АПД XX-XXI ст. представляет собой абстрактное явление, отличающееся динамикой когнитивных признаков и разнообразием лингвистической детализации и интерпретации.

4. Реализация концепта PEOPLE в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков

Анализ публичных выступлений президентов США позволяет определить особенности вербализации концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков. Данные, полученные в результате количественного анализа актуализации номинантов концепта PEOPLE в начале XX века свидетельствуют о том, что наиболее общими употребительными номинантами концепта PEOPLE являются *people* (41%), *men, women and*

children (6%), *ladies and gentlemen* (2%), *nation* (18%), *citizens* (2,9%), *fellow citizens* (7%), *individuals* (3%), *civilization* (2,59%), *soldiers* (1,7%), *workers* (2,1%). Некоторые номинации, которые выражают концепт PEOPLE исчезают, например: *the commonalty* (0,33%), *the led* (0,32%), *populace* (0,34%), *forbear* (0,55%), *nationals* (0,46%), *natives* (0,42%), *laborers* (0,36%), *crowd* (0,21%) и появляются новые, такие как *guests and friends* (1,1%), *husbands and wives* (0,8%), *mothers and fathers* (0,6%), *sons and daughters* (0,3%). В начале XXI века наиболее частотными номинантами, репрезентирующими концепт PEOPLE являются *people(s)* (42%), *men, women and children* (14%), *citizens* (10%), *folks* (6%), *fellow citizens* (4,5%), *fellow Americans* (4,2%). К наименее употребительным репрезентантам концепта PEOPLE относятся *believers* (0,09%), *subjects* (0,05%), *associates* (0,03%) *subordinate* (0,02%).

Анализ семантических признаков имени концепта, синонимов имени концепта и их частеречных дериватов позволяет представить структуру семантического пространства концепта в виде модели, состоящей из девяти сегментов INDIVIDUALS, GENERAL PUBLIC, CITIZENS, RACE, COMMONERS, SOCIAL CLASS, POLITICAL SUBJECT / OBJECT, RELATIONS, FAMILY.

Фреймовая модель понятийно-ценностного компонента концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков структурируется на основе пропозиций таксономического фрейма: PEOPLE есть ЧТО-ТО (INDIVIDUALS), (GENERAL PUBLIC), (CITIZENS), (RACE), (COMMONERS), (SOCIAL CLASS), (POLITICAL SUBJECT / OBJECT), (RELATIONS), (FAMILY).

Концепт PEOPLE как ключевой концепт англо-американской культуры является важнейшей составляющей АПД XX – начала XXI веков, что обосновывается неразрывной связью данного феномена как с дискурсообразующими концептами POLITICS, POWER, STATE, так и национально-маркированными AMERICA, NATION и DEMOCRACY, по отношению к которым он выступает архиконцептом, прототипом.

Семантические признаки многодетная семья, традиционная семья, семья – общечеловеческая ценность, государственное достояние, опора, ведущие в XX в., начинают утрачивать свою лидирующую позицию в начале XXI века. Следует заметить, что также в XXI в. на первый план выходят признаки места работы, личного пространства, сексуальной ориентации.

Образно-ценностный компонент концепта PEOPLE реализуется в АПД при помощи различных разноуровневых языковых средств. Среди основных языковых средств реализации концепта доминируют лексические средства (76%), включающие метафору, фразеологизмы, имена собственные, метонимию, эпитеты, сравнения, эвфемизмы. Синтаксические средства составляют (24%), ведущими являются сложноподчиненные предложения, семантический повтор, синтаксический параллелизм, отрицательные предложения, антитеза, анафора.

Количественная характеристика с вербализации образно-ценностного компонента концепта PEOPLE представлена в таблице 7.

Таблица 7. Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков

Языковые средства	Количество примеров			
	XX век		XXI век	
	абс. кол-во	%	абс. кол-во	%
<i>Лексические</i>				
1. Фразеологизм	86	12,2%	79	10,3%
2. Имя собственное	75	10,7%	82	10,7%
3. Метонимия	62	8,8%	59	7,7%
4. Эпитет	54	7,7%	68	8,9%
5. Сравнение	34	4,9%	32	4,2%
6. Мифологема	12	1,75%	10	1,3%
7. Эвфемизм	6	0,9%	8	1,04%
<i>Синтаксические</i>				
8. Семантический повтор	55	7,8%	52	6,8%
9. Синтаксический параллелизм	42	6%	48	6,3%
10. Анафора	28	4%	26	3,4%
11. Сложноподчиненные предложения	26	3,7%	18	2,4%
12. Отрицательные предложения	24	3,4%	21	2,8%
13. Антитеза	12	1,7%	10	1,3%
<i>Другие</i>				
14. Концептуальная метафора	185	26%	250	33%
ВСЕГО:	701	100%	763	100%

Следует заметить, что образная интерпретация концепта PEOPLE осуществляется с помощью привлечения механизма метафоры.

Анализ текстовых фрагментов АПД показал, что метафорическая интерпретация концепта PEOPLE реализуется благодаря КМ. На данном этапе исследования выявлено, что феномен «народ» концептуализируется в АПД преимущественно с помощью онтологических, структурных и ориентационных метафор (см. табл. 8).

Таблица 8. Количественная характеристика основных типов КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт PEOPLE в АПД XX- начала XXI веков

Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
PEOPLE – UNITY	28%	32%
PEOPLE – FEELINGS AND EMOTIONS	12%	12,5%
PEOPLE – DEMOCRACY	12%	11%
PEOPLE – FORCE	8,5%	7%
PEOPLE – ANIMAL WORLD	8%	10%
PEOPLE – UP	7,5%	5,5%
PEOPLE – IN	6,5%	4,5%
PEOPLE – NATURAL PHENOMENON	6%	5,5%
PEOPLE – PLANTS	4,5%	3%
PEOPLE – DOWN	3,5%	3,8%
PEOPLE – RELIGION	3%	4,5%
PEOPLE – OUT	0,5%	0,7%
ВСЕГО:	100%	100%

КМ PEOPLE – UNITY представляет американский народ как единство, объединенное любовью к стране и нации, сплоченное, несмотря на цвет кожи, разницу в происхождении и вероисповедании, философии и отношении к жизни, наиболее ярко демонстрируется в публичных выступлениях президентов в начале XX века, и с годами не утрачивает своей актуальности в президентской риторике: (28) *‘Let both sides explore what problems unite us instead of belaboring those problems which divide us’* [Kennedy, J. F. Inaugural Address, 20 January 1961]. В начале XXI века функциональность данной метафорической модели продолжает удерживать приоритетное место в речах президентов США: (29) *‘We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to*

rebuild our country and to restore its promise for all’ [Truman, H.S. Inaugural Address, 20 January 1949].

Следует отметить, что при описании политических проблем, напряженных международных и внутригосударственных отношений, мировых войн, на фоне базовой оппозиции для ПД «свой-чужой», американские президенты часто прибегают к использованию метафорических моделей с концептуальными векторами агрессивности и ярко выраженным негативным потенциалом, сравнивая людей с хищными животными, птицами или насекомыми: (30) ‘*The world has been close to war before – but now man, who has survived all previous threats to his existence, has taken into his mortal hands the **power to exterminate the entire species** some seven times over*’ [Kennedy, J.F. Acceptance of the Democratic Party Nomination, 15 July 1960]; (31) ‘*Nearly 180,000 illegal immigrants with criminal records, ordered deported from our country, are tonight **roaming free to threaten peaceful citizens.***’ [Trump D. Nomination Acceptance Speech, 22 July 2017].

Концепт PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков неразрывно связан с таким культурным понятием, находящимся во главе угла американского социума, как демократия, понимаемое по-разному и не имеющее четкого определения, что приводит к появлению метафорической модели **PEOPLE – DEMOCRACY**: (32) ‘*Our **democratic faith** is more than the creed of our country, it is the **inborn hope of our humanity, an ideal we carry but do not own, a trust we bear and pass along***’ [Bush, G.W. First Inaugural Address, 20 January 2001].

Президенты США свободно используют все типы **фразеологизмов** для объективации концепта PEOPLE, которые были предложены в классификации А. В. Кунина [Кунин, 1996]: 1) номинативные (*the man in the street, a man of action, a self-made man, arm in arm, armed to teeth, as hard as steel, the better half, born and bred, born under a lucky star, the bravest of the brave, a chip of the old block,*

God's chosen people); 2) номинативно-коммуникативные (*not to be borne yesterday, bear / stand close examination, blame the other fellow, harden one's heart, have the brains, have a clear conscience, to kill two birds with one stone*); 3) коммуникативные (*all men are created equal, the best man wins, forewarned is forearmed, old soldiers never die*).

Имена собственные выдающихся политических деятелей прошлого и настоящего служат не только для объективации концепта PEOPLE, но и несут символическую нагрузку. Так, например, для президентов характерно употребление имен своих предшественников для того, чтобы выразить дань уважения, оценить успехи, достижения, вдохновить граждан высоким примером народных героев, либо, наоборот, подвергнуть критике действия политика: (33) '*We are the party of Roosevelt. We are the party of Kennedy. So, don't tell me that Democrats won't defend this country*' [Obama, B. Acceptance Speech at the Democratic National Convention, 28 August 2008].

Одним из средств экспликации образной структуры концепта PEOPLE является **антитеза**. Так, например, Б. Обама, прибегая к использованию данной стилистической фигуры, выделяет те ключевые ценности американского народа, которыми он гордится и хочет, чтобы гордились и сами американцы: (34) '*Our challenges may be new. The instruments with which we meet them may be new. But those values upon which our success depends – hard work and honesty, courage and fair play, tolerance and curiosity, loyalty and patriotism – these things are old*' [Obama, B. Inaugural Address, 20 January 2009].

Еще одним средством образной интерпретации концепта PEOPLE является **эвфемизм**, который в естественной речи служит для более точного называния предмета или явления: (35) '*Those men are now rapidly passing away*' [Taft W. First Annual Message, 7 December 1909]; (36) '*Our nation is at war against a far-reaching network of violence and hatred*' [Obama, B. Inaugural Address, 20 January 2009].

В АПД XXI в. прослеживается устойчивая тенденция к появлению эвфемизмов вследствие возникновения новых сфер в социально-политической жизни общества, подлежащих завуалированию. Политические эвфемизмы, наряду с политическими метафорами, эпитетами и другими лексическими средствами, являются одним из действенных способов приукрашивания действительности, а также манипулирования сознанием адресанта с целью создания выгодной для адресата картины происходящих событий. Так, например, период жизни от 65 лет и далее стали называть *third age*, чернокожий (*black*) заменяется эвфемизмами *African American*, *member of the African diaspora* (представитель африканской диаспоры); индеец (*Indian*) – словосочетанием *indigenous person* (местный житель), бедные (*the poor*) – *low-income people* (малообеспеченные), *the unprivileged* (непривилегированные), *the socially disadvantaged* (социально незащищенные). Следует заметить, что, стремясь к социальной гармонии, эвфемизации также подвергаются слова с положительной коннотацией, так, например, лексема богатые (*the rich*) заменяется эвфемизмами *the high-income people* (люди с высоким доходом), *the privileged* (привилегированные), *the socially advantaged* (социально обеспеченные), что может быть объяснено тем фактом, что в стране, где существует бедность, стыдно быть богатым.

Анафора – распространенная стилистическая фигура, состоящая в повторении начальных частей двух и более относительно самостоятельных отрезков речи, продуктивное средство для вербализации концепта PEOPLE в АПД XX – начала XXI веков: (37) '*We have learned that we cannot live alone, at peace; that our own well-being is dependent on the well-being of other Nations, far away. We have learned that we must live as men and not as ostriches, nor as dogs in the manger...*' [Roosevelt, F.D. Fourth Inaugural Address, 20 January 1945].

Наиболее продуктивным средством объективации концепта PEOPLE в американском ПД XX – начала XXI веков является концептуальная

метафора, которая демонстрирует различные модели, среди которых доминируют природоморфные, зооморфные и социоморфные. Появление новых или видоизменение устоявшихся метафорических моделей обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как научно-технический прогресс, идеология и пропаганда, смена власти, международные отношения, изменения в укладе жизни лингвокультурного сообщества, влияние СМИ и общественных движений.

5. Актуализация концепта POWER в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков

Концептосферу АПД XX – начала XXI веков невозможно представить без дискурсообразующего концепта POWER, поскольку весь политический процесс строится вокруг борьбы за власть и обладания властью. Вопрос о соотношении языка и власти традиционно рассматривается в лингвистике в единстве двух аспектов: с позиции концептуализации власти языком и в плане того, как власть проявляется через язык.

Принимая во внимание абстрактность денотата анализируемого концепта, определение семантики ЛЕ *power* как базовой доминанты власти требует представление значения данной лексики в более эксплицитной форме.

Семантический анализ лексем, которые представляют концепт POWER, доказывает, что понятие зафиксированное ЛЕ *power* в той или иной мере представлено в дефинициях всех манифестантов рассматриваемого концепта. Анализ дефиниций синонимических единиц показал, что только некоторые из них выражают дополнительные признаки, а именно политического контроля (*control, authority, influence, command, sovereignty, sway, dominance, domination, supremacy, mastery, dominion, ascendancy*), полномочия (*authority, right, licence, privilege,*

warrant, prerogative, authorization), физической силы (*strength, might, energy, weight, muscle, vigour, potency, welly (slang), brawn.*).

В семантике ЛЕ номинативного пространства концепта, кроме денотативных признаков, выделяются семы оценочного характера, что свидетельствует о наличии коннотативного аспекта значения. Коннотация в форме позитивной оценки, фиксируется дифференциальными семами *authority, mastery, competence, capability*, негативная оценка выражается номинациями, которые характеризуют объект власти (его действия, состояние, атрибуты), реализуя оценку неэффективно *inferiority, inferior, subordinate, controllable, subjugated, lacking authority, without power / authority / struggle / resource*.

Анализ семантических признаков имени концепта, синонимов имени концепта и его частеречных дериватов позволяет представить структуру семантического пространства концепта POWER в виде модели, состоящей из четырех сегментов CONTROL, ABILITY, AUTHORITY, COUNTRY, INFLUENCE которые в свою очередь, подразделяются на микросегменты, такие как, **political / non-political leadership, limiting / managing factors, political and social parties / organizations, bodies of power, functions, ideology, symbols, subordination, control, supremacy, rule, sovereignty, legal rights, privileges, advantages, institutional / non-institutional spheres**.

Фреймовая модель понятийно-ценностного компонента концепта POWER структурируется на основе пропозиций таксономического фрейма: НЕЧТО-индивид есть НЕЧТО-вид/роль: POWER есть НЕЧТО (*CONTROL*), (*ABILITY*), (*AUTHORITY*), (*COUNTRY*), (*INFLUENCE*).

Результаты исследования 2000 контекстов АПД, в которых актуализируются признаки концепта, указывают на то, что сегментная структура концепта POWER имеет неоднородный характер. Сегменты CONTROL (49%) и AUTHORITY (32%) находят свою реализацию в большем количестве контекстов АПД XX в., в то время как в начале

XXI в. на первый план выходят вербализаторы сегментов COUNTRY (51%) INFLUENCE (38%), что может быть объяснено изменением роли государства на мировой арене, новыми вызовами, диктуемыми законами времени, развитием средств массовой коммуникации, появлением числа спорных вопросов и областей, где интересы мировых держав могут столкнуться.

Самым разветвленным по семантике является сегмент AUTHORITY, который насчитывает 12 признаков исследованного концепта, что составляет 39% от общего количества признаков концепта. В результате проведенного исследования зафиксированно, что наиболее активной базой для формирования когнитивных признаков этого концепта является микросегмент **political / non-political leadership** (9%), который насчитывает 8 признаков. Второе место по количественному соотношению представленных семантических признаков занимает микросегмент **political and social organizations** (7% / 10%), в котором наиболее репрезентативными являются семантические признаки *functions* (6% / 9%), *ideology* (4% / 5%), *limiting / managing factors* (3% / 4%). Наиболее представленным в количественном плане, и одним из важнейших по семантике и значимости в представленных контекстах является микросегмент **supremacy** (12% / 14%). Семантический признак, который объективирует этот сегмент свидетельствует о том, что для АПД XX – начала XXI веков наиболее важными представляются семантические признаки «власть как господство, полномочия», «власть как сила / мощь», «власть как могущественная держава».

Образно-ценностный компонент концепта POWER реализуется в АПД XX – начала XXI в. при помощи разнообразных разноуровневых языковых средств. Среди основных языковых средств реализации концепта STATE доминируют лексические средства (82%). Синтаксические средства составляют 18%. Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта POWER представлена в табл. 9.

Таблица 9. Количественная характеристика средств вербализации образно-ценностного компонента концепта POWER в АПД XX – начала XXI веков

Языковые средства	Количество примеров			
	XX век		XXI век	
	абс. кол-во	%	абс. кол-во	%
<i>Лексические</i>				
1. Метонимия	68	11%	57	10%
2. Фразеологизм	42	7%	48	8,3%
3. Эпитет	39	6%	34	6%
4. Сравнение	21	3%	19	3,3%
5. Термин	15	2,4%	17	3%
6. Эвфемизм	7	1%	8	1,4%
<i>Синтаксические</i>				
7. Семантический повтор	59	9,3%	52	9%
8. Синтаксический параллелизм	48	7,5%	43	7,5%
9. Сложноподчиненные предложения	34	5,3%	29	5%
10. Отрицательные предложения	29	4,6%	18	3%
<i>Другие</i>				
13. Концептуальная метафора	275	43%	250	43,5%
ВСЕГО:	637	100%	575	100%

Как свидетельствуют данные табл. 9, образная интерпретация концепта POWER интенсивно осуществляется при помощи задействования механизма метафоры (43% / 43,5%). Образно-ценностный компонент концепта POWER высвечивает символические смыслы, как непосредственно самого феномена власти, так и его отдельных элементов. Метафорическая актуализация дискурсообразующего концепта POWER представляет власть как способность, право и возможность, решающим образом влиять на деятельность и поведение людей посредством воли, авторитета, права, насилия; народ как единственный источник государственной власти; президента как символа и гаранта единства народа и государственной власти, объединяя концепты POWER, STATE, POLITICS и PEOPLE в единое целое. Структурные метафоры, которые дают «возможность использовать одно высоко структурированное понятие для структурирования другого» [Лакофф 2004: 61], доминируют при актуализации концепта POWER в АПД XX – начала XXI веков. В АПД метафоры такого типа употребляются для выражения эмоционально-оценочной и прагматической функции (см. табл. 10).

Таблица 10. Количественная характеристика основных типов структурной КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт POWER в АПД XX – начала XXI веков

Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX ст.	Частотность употребления в АПД XXI ст.
POWER is POLITICS	38%	40%
POWER is DEMOCRACY	23%	24%
POWER is ACTION	12%	8 %
POWER is PATRIOTISM	10,5%	9,5%
POWER is FREEDOM	7,5%	5,5%
POWER is STRUGGLE	–	3,5%
POWER is HUNT	3%	2%
POWER is SCIENCE	2,5%	1,5%
POWER is GAMBLING	1,5%	4,4%
POWER is CRIME	1,8%	1,5%
POWER is DIGNITY	0,2%	0,1%
ВСЕГО:	100%	100%

Принимая во внимание данные, приведенные в таблице 10, следует заметить, что метафорическая модель POWER is POLITICS является актуальной в АПД XX – начала XXI веков, наиболее ярко представлена в речах Дж. Ф. Кеннеди, Р. Рейгана, Д. Трампа.

Историческая роль США, по мнению 35-го президента, Дж. Ф. Кеннеди, состоит в защите демократии, человеческих прав, мира, свободы и порядка, что не мешает адресанту использовать милитарную метафору на фоне традиционной оппозиции для АПД «Свой-Чужой» для реализации метафорической актуализации **POWER is POLITICS**: (38) *‘The world is very different now. For man holds in his mortal hands the power to abolish all forms of human poverty and all forms of human life..’* [Roosevelt, F.D. Fireside Chat 27: On the Tehran and Cairo Conferences, 24 December 1943].

В АПД XX – начала XXI веков выделяем следующие модели онтологических метафор (см. табл. 11).

Таблица 11. Количественная характеристика основных типов онтологической КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт POWER в АПД XX-начала XXI веков

Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
POWER is WISH	23%	25%
POWER is TROPHY	18%	17,5%
POWER is ARTIFACT	15,5%	16,5%
POWER is A HUMAN BEING	14,5%	16%
POWER is CONTAINER	7%	5,5%
POWER is GOOD/EVIL	6,5%	3,5%
POWER is DESTINATION	5%	6%
POWER is NATURAL PHENOMENON	4,5%	5%
POWER is PLANT	2,8%	1,8%
POWER is BEAST	1,2%	1,5%
POWER is TREASURE	1,8%	2,2%
POWER is ENERGY	0,2%	0,5%
ВСЕГО:	100%	100%

Метафорическая модель **POWER IS A HUMAN BEING** является одной из наиболее продуктивных онтологических моделей. В АПД XX в. власть страны показана в образе ребёнка, о котором нужно заботиться, которого нужно любить и помогать, в инаугурационной речи Б. Клинтона, а в выступлении Дж. Ф. Кеннеди образ страны и власти показан через образ молодых политиков, которые, дословно «красуются демократическими мышцами» на международной арене. Представленная модель выражена следующими ЛЕ: *nation, family, diplomats, economy, to flex muscles*: (39) ‘*We must provide for our Nation the way a family provides for its children*’ [Clinton, B. First Inaugural, 20 January 1993]; (40) ‘*...older diplomats are giving way to younger ones, who feel that the world’s ninth-largest economy should be less shy of flexing its democratic muscles*’ [Presidential Rhetoric].

Актуальные метафорические модели ориентационной метафоры в АПД XX – начала XXI в. представлены в таблице 12.

Таблица 12. Количественная характеристика основных типов ориентационной КМ, представляющей универсальный дискурсообразующий концепт POWER в АПД XX – начала XXI веков

Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД XX в.	Частотность употребления в АПД XXI в.
POWER is UP	48%	52%
POWER is DOWN	12%	18%
POWER is INSIDE	36%	22%
POWER is OUTSIDE	4%	8%
ВСЕГО:	100%	100%

Метафорическая модель **POWER IS UP** подчеркивает факт того, что сильные, умные люди находятся во главе государства и являются источником государственной власти и мощи. Следует заметить, что эта модель также описывает внутренние экономические процессы страны, которые развиваются более чем стремительно: (41) *'The forces that tend for evil are great and terrible, but the forces of truth and love and courage and honesty and generosity and sympathy are also stronger than ever before'* [Presidential Rhetoric]; (42) *'We have the Senate, we have the White House, and we have a phenomenal nominee, respected by all top, top academic – good in every way, good in every way. ... We have the military all set up – logistically, they're all set up'* [Presidential Rhetoric].

Рассмотрев особенности метафорической актуализации образно-ценностного компонента концепта POWER, констатируем, что наиболее многочисленную группу конвенциональных метафор в АПД как XX, так и XXI в. представляют онтологические метафоры с такими сферами источниками как неспецифицированный объект (предмет желания, трофей), материальный объект / феномен / артефакт (механизм, транспорт, здание, инструмент), контейнер, пункт назначения, живое существо. Второе место по количеству употреблений в АПД XX – начала XXI веков занимают структурные метафоры, причем если в XX в. доминирующей является метафорическая модель POWER is DEMOCRACY, то в XXI в. появляется новая модель, не характерная для XX в., POWER is STRUGGLE, а наиболее актуальной является

метафорическая модель POWER is POLITICS, что может быть объяснено всеобщей политизацией современного общества, а также тем фактом, что данная метафора отражает важнейший элемент политического сознания нации, обладает большой генеративной силой, в том плане, что вокруг данной модели концентрируется обширная смысловая область, связанная с пониманием власти и политики в современном англо-американском сообществе.

Метонимия в АПД XX – начала XXI веков концептуализирует власть через такие артефакты-символы, как руль, трон, корона, а также такие части тела, как рука, большой палец руки, пятя, репрезентирующие ресурсы субъекта власти, и уши, колени, ноги, волосы, представляющие атрибуты объекта власти, напр. *to snatch the wheel, to mount / to ascend / to accede / to succeed to the throne, to seize / to wear the crown, hidden hand, to get the power into one's hands*: (49) *'It is the story of a new world ..., the story of a power that went into the world to protect but not possess, to defend but not to conquer'* [Bush, G.W. First Inaugural Address, 20 January 2001].

Благодаря использованию **фразеологизмов** и **эпитетов** в АПД XX – начала XXI веков повышается выразительность изложения информации, ее образность. Наиболее частотными являются такие ФЕ, относящиеся к номинативно-коммуникативному типу, как *to usurp power, be in power, to come to power, to seize power, to stay in power*, номинативные, напр. *road to power, the power behind the throne, a power in the land, the powers that be, elusiveness of power, source of power, hunger for power* и коммуникативные: *all power corrupts, (and absolute power corrupts absolutely)*: (43) *'No evil force on Earth can match the noble power and righteous glory of the American warrior'* [Trump, D. Address at West Point Graduation, 13 June 2020].

Термины, представляющие концепт как правило, лишены эмоционального значения, хотя в отдельных случаях могут приобретать

конкретную экспрессивную окраску, напр.: *soft power* обозначает власть, которая влияет на такие сферы жизни, как культура, определенные ценности, идеология и тому подобное, однако представляет это завуалировано.

Проведенный анализ особенностей реализации понятийно-ценностного и образно-ценностного компонентов концепта POWER свидетельствует о том, что границы данного концепта существенно расширяются в АПД XXI в. Также этот концепт приобретает новые значения в силу актуальности на современном этапе развития американского общества, где властью наделяется не только правительство, но и народ, а военная мощь и традиционные ценности нации являются главными условиями эффективной власти.

6. Заключение

1. Основу концептуального пространства АПД в XX – начале XXI вв. составляют такие универсальные дискурсообразующие концепты, как POLITICS, STATE, PEOPLE, POWER, которые могут приобретать этнически-релевантное содержание, отображать особенности национального менталитета, приобретая таким образом определенную национальную специфику. Дискурсообразующие концепты POLITICS, STATE, PEOPLE, POWER являются наиболее значимыми в концептосфере АПД XX – начала XXI веков. Эти концепты являются сложными ментальными образованиями, возникающими в сознании представителей разных языковых сообществ, и характеризуются наличием понятийно-ценностного и образно-ценностного компонентов, актуализируемых разноуровневыми языковыми единицами.

2. Главными признаками, закрепленными в семантике номинаций концепта POLITICS в изучаемом языке и формирующим его

инвариантную модель, являются признаки POWER IN PUBLIC LIFE, INFLUENCE, POLITICAL VIEWS / BELIEFS, A STATE OF POLITICAL AFFAIRS. Структура концепта претерпевает определенные трансформации в диахронии, т.е. имеет место изменение содержания концепта, его понятийно-ценностного компонента, что отражается в семантике языковых репрезентантов концепта. Концепт POLITICS является динамичным феноменом, что находит свое выражение в модификации ядерно-периферийных элементов в структуре концепта и появлении новых значимых признаков, таких как *matters concerned with getting or using power within a particular group or organization, a person's political views or beliefs, a system of political beliefs, a state of political affairs*. Контекстуальный анализ дискурсивных реализаций концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков позволил установить тенденцию к расширению его семантического пространства. Анализ дискурсивных реализаций номинантов слова-имени концепта POLITICS в XX в. свидетельствует о том, что наиболее частотными лексическими единицами являются *politics, policy, government, administration, organization, management*. В XXI веке наибольшей частотностью характеризуются такие вербализаторы концепта, как *politics, government, administration, policy, authority*. Некоторые номинации, которые выражают концепт POLITICS, исчезают (*polity, realpolitik*) и появляются новые (*campaign, black power, white power, soft power*). Результаты исследования контекстов, в которых актуализируются семантические признаки концепта, указывают на то, что сегментная структура концепта POLITICS в АПД XX – начала XXI веков имеет неоднородный характер. Наибольшее количество контекстов, в которых вербализуется концепт POLITICS в XX веке, актуализируют сегменты POLITICAL VIEWS / BELIEFS и A STATE OF POLITICAL AFFAIRS. В XXI веке на первый план выдвигается сегмент POWER IN PUBLIC LIFE и INFLUENCE, что находит свое непосредственное отражение в тесной связи концепта

POLITICS с дискурсообразующими концептами POWER и STATE, а также национально-маркированными концептами DEMOCRACY, FREEDOM, AMERICA. Концепт POLITICS в АПД XX – начала XXI вв. вербализируется разноуровневыми языковыми единицами, среди которых наиболее продуктивными оказались фразеологизмы, терминологизмы, мифологемы, идеологемы, эвфемизмы, семантический повтор, синтаксический параллелизм. Особенности применения определенных средств связаны с прагматичной целью оказания влияния на партнера по коммуникации, подавления его воли. Наиболее продуктивным языковым способом вербализации данного концепта как в АПД XX, так и начала XXI-го в. является концептуальная метафора, причем вербализируются в основном структурные метафоры с такими сферами источниками как POWER, WAR, THEATER, BUSINESS, PROFESSION и SPORT. Следует отметить доминирование военной метафоры на протяжении двух веков: POLITICS IS WAR, которая указывает на наличие жестокой конкуренции не только среди политических деятелей, но и в обществе в целом. Политическая система пронизана духом милитаризма и осмысливается в терминах войны со всеми и против всех, что может быть объяснено сущностью самого ПД – борьбой за власть. Концепт POLITICS является универсальным дискурсообразующим концептом АПД XX – начала XXI веков, объединяя в себе компоненты, присущие таким дискурсообразующим концептам как POWER, STATE, PEOPLE и национально-маркированным AMERICA, DEMOCRACY, LIBERTY, PRESIDENT. Прослеживается динамика ядерных и периферийных признаков концепта POLITICS и его ключевых слов в АПД, в частности выявлены важнейшие тенденции в реализации концепта в XX в., а именно актуализация таких характеристик как функции политики, структура государственного управления и виды, в то время как в XXI в. на первый план выходит власть / сила и мощь государства как залог

доминирования в мировой политике, политическая система и идеология как основа государственной политики.

3. Построение концептуальной модели понятия STATE позволило определить особенности его формирования в сознании участников АПД XX – начала XXI веков. Главными признаками, которые закреплены в семантике номинаций концепта STATE в английском языке и формируют его инвариантную модель, являются *country, government, official ceremony, the US*. Инвариантная модель семантического пространства понятийно-ценностного компонента концепта STATE расширяется в АПД XX – начала XXI вв. с помощью признаков *territory, political and social organizations, bodies of power, functions, ideology, symbols, religion* и *permanent population*. Наибольшее количество контекстов, которые вербализуют указанный концепт, актуализируют сегмент GOVERNMENT в АПД XX – начала XXI веков. Самым разветвленным по семантике является сегмент POLITICAL and SOCIAL ORGANIZATION. В результате проведенного исследования зафиксировано, что наиболее активной базой для формирования когнитивных признаков этого концепта является микросегмент *bodies of power*. Второе место по количественному соотношению представленных семантических признаков занимает микросегмент *internal functions*, в котором наиболее репрезентативными являются семантические признаки *science, education*. Наиболее представленным в количественном плане и одним из важнейших по семантике и значимости в представленных контекстах является микросегмент *external functions*. Периферийным является сегмент OFFICIAL CEREMONY, представленный микросегментами *national symbols* и *religion*. Концепт STATE в АПД XX – начала XXI веков чаще всего вербализуется, именами собственными, метонимиями метафорами, идеологемами, мифологемами, семантическими повторами, синтаксическим параллелизмом, анафорой. Наиболее продуктивным

языковым средством вербализации концепта STATE в АПД XX – начала XXI веков является структурная когнитивная метафора с такими продуктивными метафорическими моделями, как STATE is CONTROL, STATE is SECURITY, STATE is DEMOCRACY. Второе место по количеству употреблений в дискурсе принадлежит онтологической метафоре со сферами источниками «Человек» и «Механизм». Анализ вербализаторов концепта STATE позволяет констатировать его тесную связь как с дискурсообразующими концептами POLITICS, POWER, PEOPLE, так и с национально-маркированными DEMOCRACY и NATION. Таким образом, концепт STATE в АПД XX – начала XXI веков представляет собой абстрактное явление, отличающееся динамикой когнитивных признаков и разнообразием лингвистической детализации и интерпретации.

4. Главными признаками, которые закреплены в семантике номинаций концепта PEOPLE и формируют его инвариантную модель в английском языке, являются признаки INDIVIDUALS, GENERAL PUBLIC, CITIZENS, RACE, COMMONERS, SOCIAL CLASS, POLITICAL SUBJECT / OBJECT, RELATIONS, FAMILY. Расширение инвариантной модели происходит за счет актуализации признаков *general public, political subject / object, family*, что свидетельствует о значимости вышеуказанного понятия в концептосфере АПД XX – начала XXI веков. Сложный характер семантической организации концепта PEOPLE в английском языке обусловлен его структурой, которая включает пять концептуальных уровней, созданных иерархически взаимозависимыми признаками. Сегментная структура обусловлена тем, что народ в АПД XX – начала XXI веков понимается одновременно как социально-политический субъект и объект, который имеет национальную принадлежность и характеризуется как определенное сообщество, объединенное характерными признаками, среди которых актуализируются физические и психофизиологические характеристики.

Психофизические характеристики в АПД реализуются путем объективации чувств и эмоций, доминирующими среди которых являются чувства патриотизма, сплоченности, гордости, морально-этического долга в XX веке, и эмоций страха и тревожности в XXI веке, что может быть обусловлено ходом исторических событий, объективной реальностью, техническим прогрессом, вызовами XXI века, изменениями в укладе повседневной и общественно-политической жизни. Доминирующие в XX веке семантические признаки *large family*, *traditional family*, *extended family* становятся нерелевантными в XXI веке. Также в XXI веке на первый план выходят признаки *prestigious profession / occupation / jobs*, *residence*, *sexual orientation*. Среди признаков эмоций важную роль начинает играть *hatred* и *anxiety*. Объективация признака *hatred* как в XX, так и в XXI веке обуславливается стремлением адресанта (президента) оказать влияние на адресата (гражданское / мирное сообщество), т. е. воздействовать с целью формирования эмоционального отношения к врагам общества и государства, что коррелирует с тактикой создания образа врага на фоне оппозиции «Свой-чужой», характерной для АПД XX – начала XXI веков. Наибольшее количество контекстов, которые вербализуют концепт PEOPLE в XX в., актуализируют сегменты INDIVIDUALS и FAMILY. В XXI веке на первый план выдвигается сегмент POLITICAL SUBJECT / OBJECT и RELATIONS, что обусловлено рядом факторов, среди которых первостепенное значение имеет мировоззрение людей рассматриваемой эпохи, изменения в укладе жизни и пересмотр традиционных ценностей, а также противопоставление власти и народа, личности и массы (толпы), что находит свое непосредственное выражение в тесной связи концепта PEOPLE с концептами POLITICS, POWER и STATE. Особенности вербализации образно-ценностного компонента концепта PEOPLE наблюдаются в выборе и частотности употребления языковых способов и средств актуализации этого

концепта. Продуктивным является такой набор языковых средств – фразеологизмы, пословицы, поговорки, имена собственные, метонимия, эпитеты, эвфемизмы, сочетание анафоры, семантического повтора и синтаксического параллелизма, с помощью которых в АПД XX – начала XXI веков формируются адресантно-адресатные отношения и образ гражданина в социально-политической системе страны. Наиболее продуктивным способом реализации универсального дискурсообразующего концепта PEOPLE и демонстрирующего большое разнообразие типов, принадлежит КМ, причем доминируют социальные, натуроморфные и зооморфные метафоры. Важную роль, несмотря на невысокий процент частотности использования в дискурсе играют ориентационные метафоры, что подтверждает тот факт, что исследование человеком его естественных, социальных и политических условий существования осуществляется только при условии его извечной антропологизации. Продуктивными метафорическими моделями являются PEOPLE are UNITY, PEOPLE are FEELINGS and EMOTIONS, PEOPLE are DEMOCRACY, PEOPLE are FORCE, PEOPLE are IN, PEOPLE are OUT. Появление новых или видоизменение устоявшихся метафорических моделей обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как научно-технический прогресс, идеология и пропаганда, смена власти, международные отношения, изменения в укладе жизни лингвокультурного сообщества, влияние СМИ и общественных движений.

5. В АПД XX – начала XXI веков главными признаками, которые закреплены в семантике номинаций концепта POWER в английском языке и формируют его инвариантную модель, являются признаки control, ability, authority, country, influence. В структуре концепта определяются пять концептуальных уровней, образованных иерархически обусловленными взаимозависимыми признаками, что свидетельствует о сложно структурированной семантической

организации концепта в изучаемом языке. Сегментная структура концепта POWER имеет неоднородный характер. Сегменты CONTROL и AUTHORITY находят свою реализацию в большем количестве контекстов АПД XX века, в то время как в XXI веке на первый план выходят вербализаторы сегментов COUNTRY и INFLUENCE, что может быть объяснено изменением роли государства на мировой арене, новыми вызовами, диктуемыми законами времени, развитием средств массовой коммуникации, появлением числа спорных вопросов и областей, где интересы мировых держав могут столкнуться. Самым разветвленным по семантике является сегмент AUTHORITY. Наиболее активной базой для формирования когнитивных признаков этого концепта является микросегмент political / non-political leadership, который насчитывает 8 признаков. Второе место по количественному соотношению представленных семантических признаков занимает микросегмент political and social organizations, в котором наиболее репрезентативными являются семантические признаки functions, ideology, limiting / managing factors. Наиболее представленным в количественном плане и одним из важнейших по семантике и значимости в анализируемых контекстах является микросегмент supremacy. Семантический признак, который объективирует этот сегмент, свидетельствует о том, что для АПД XX – начала XXI веков наиболее важными представляются семантические признаки control, authority, influence. Сегмент ABILITY, представленный микросегментами skill, capacity, competence, несмотря на меньшую количественную характеристику вербализаторов, оказывается весьма значимым для АПД XX – начала XXI веков, так как власть дает возможность осуществлять свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей, даже вопреки сопротивлению, что находит свое выражение на уровне языковых значений, актуализирующих этот концепт. Наиболее продуктивными средствами вербализации концепта

POWER в АПД являются метонимия, фразеологизмы, эпитеты. Наиболее многочисленную группу концептуальных метафор в АПД как XX, так и начала XXI веков представляют онтологические метафоры с такими сферами источниками, как неспецифицированный объект (предмет желания, трофей), материальный объект / феномен / артефакт (механизм, транспорт, здание, инструмент), контейнер, пункт назначения, живое существо. Второе место по количеству употреблений в АПД XX – начала XXI веков занимают структурные метафоры, причем, если в XX веке доминирующей является метафорическая модель POWER is DEMOCRACY, что может быть объяснено всеобщей политизацией современного общества, а также тем фактом, что данная метафора отражает важнейший элемент политического сознания нации, обладает большой генеративной силой, в том плане, что вокруг данной модели концентрируется обширная смысловая область, связанная с пониманием власти и политики в современном американском сообществе. Проведенный анализ особенностей реализации понятийно-ценностного и образно-ценностного компонентов концепта POWER свидетельствует о том, что границы данного концепта существенно расширяются в АПД XXI веке.

6. АПД XX – начала XXI веков представляет собой вербализацию концептосферы американцев, которая может быть представлена как многоуровневая сложная структура. Основополагающими концептами являются такие универсальные дискурсообразующие концепты, как POLITICS, STATE, PEOPLE, POWER и национально-маркированные концепты, как AMERICA, FREEDOM, NATIONALISM / PATRIOTISM, DEMOCRACY, EQUALITY, REVOLUTION, THE GREAT DEPRESSION, WAR, COLD WAR, CRISIS, PRESIDENT, THE FIRST LADY, PROSPERITY, FEMINISM, SECURITY, TERRORISM, которые могут приобретать этнически-релевантное содержание, отображать особенности национального менталитета, приобретая таким образом определенную

национальную специфику. Следовательно, можно сказать, что различные лингвистические концепты играют важную роль в политической жизни США, поскольку упрощают мыслительную субъективную оценку деятельности властных органов со стороны электората, и с другой стороны позволяют облегчить влияние на свою целевую аудиторию со стороны политиков и иных заинтересованных в этом лиц.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания / А. Н. Баранов. // Язык как социальное познание. – М., 1990. – С. 166–167.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1994. – 351 с.
3. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке: учеб. пособие / З. Н. Вердиева. – М.: Высшая школа, 1986. – 120 с.
4. Герасимов В. И. На пути к когнитивной модели языка / В. И. Герасимов, В. В. Петров. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 5–11.
5. Герасимов В. И., Ильин М. В. Политический дискурс-анализ / В. И. Герасимов, М. В. Ильин. // Политическая наука, 2002. – № 3. – С. 68–75.
6. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: [перевод с английского] / Т. А. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
7. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков. – М.: Наука. – 1989. – Т.41. – №4. – 1982. – С.327–337.
8. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков. // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 116–133.
9. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии / В. З. Демьянков. // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32–43.
10. Иванова С. В. Мифологемы американского политического медиадискурса эпохи Д. Трампа (типологический аспект) / С. В. Иванова. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 54–59.
11. Иванова С. В. Политический дискурс как разновидность институционального дискурса / С. В. Иванова. // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. – №8 (15). Ч.1. – С. 74–77.
12. Карасик В. И. Дискурс / В. И. Карасик // Социальная психоллингвистика: Хрестоматия. Москва: Лабиринт, 2007. С. 162–196.
13. Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента / Ю. Н. Караулов. // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., 1996. – С. 67–96.
14. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.М. Кобозева. // Вест. Москов. ун-та. Сер. 9 Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.

15. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – [2-е изд., перераб.]. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996 – 381 с.
16. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы. – М., 1987. – С. 126–172.
17. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении: [перевод с английского] / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
18. Левицкий А. Э. Функциональные изменения в системе номинативных единиц современного английского языка: 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Левицкий Андрей Эдуардович – К., 1999. – 396 с.
19. Пименова М. В. Политическая концептуальная система / М.В. Пименова // Политическая лингвистика (2)32'2010. – С. 47–55.
20. Степанов Ю. С. Концепт / Ю. С. Степанов. // Словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры". – 1997. – С. 48–83.
21. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58–65.
22. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УГЛУ, 2001. – 238 с.
23. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – [3-е изд., испр.] – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.
24. Шейгал Е. И. Структура и границы политического дискурса / Е. И. Шейгал // Филология. – Philologica. – Краснодар, 1998. – №14. – С. 22–29.
25. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
26. Chilton P. A. Metaphor in Political Discourse : The Case of the “Common European House” / P. A. Chilton, M. V. Ilyin // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4. – № 1. – P. 7–31. Dijk T.A., van The study of discourse / T. A. van Dijk // Discourse studies: A multi-disciplinary introduction: in 2 vol. / Ed. by T.A. van Dijk. – L., etc.: Sage, 1997. – Vol.1.: Discourse as structure and process. – P.1–34.
27. Dijk T.A., van Cognitive context models and discourse / T. A. van Dijk // Language structure, discourse and the access to consciousness / Ed. by M. Stamenow. – Amsterdam: Benjamins, 1997b. – P. 189–226.
28. Goatly A. The Language of Metaphors / A. Goatley. – Routledge. London and New York, 1997.
29. Goatly A. Washing the Brain – Metaphor and Hidden Ideology / A. Goatly. – John Benjamins Publishing Co., 2007. – 431 p.

РАЗДЕЛ V

СИНТЕТИЧЕСКИЕ КОНВЕРСИВЫ И КОНВЕРСИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

1. Вводные замечания и исходные положения

Настоящая работа посвящена исследованию рефлексивных глаголов (РГ) и их рефлексивных конструкций (РК) в сфере конверсивных отношений в немецком и русском языках. И. А. Мельчук определяет конверсив как «слово, которое называет то же самое отношение, что и ключевое слово, но взятое в ином направлении», т. е. с перестановкой тех же актантов на другие места», ср.:

(1) русс. а. *Ветер раздувает паруса* → б. *Паруса раздуваются на ветру*, аналогично: нем. а. *Der Wind baucht die Segel aus* → б. *Die Segel bauchen sich im Winde aus*.

Рефлексивные конструкции, в частности, активно исследуются отечественными и зарубежными учёными, В. С. Храковским, И. А. Мельчуком, А. А. Шахматовым, С. А. Добричевым, И. Е. Ивановой и Ш. Р. Басыровым. Тем не менее, проблема соотношения конверсива и рефлексивной конструкции изучена недостаточно глубоко.

Актуальность работы определяется необходимостью и значимостью изучения рассматриваемого явления для науки. Одной из сложностей, вытекающих из лингвистических воззрений на проблему содержания феномена конверсивности, является его трансформация и соотношение с рефлексивной конструкцией и отсутствие единого мнения на её функции. Нерешенным до конца и открытым остается также вопрос о соотношении конверсива и рефлексивной конструкции в немецком и русском языках, поскольку в научных трудах по-разному трактуется проблема этого явления.

Объектом настоящего исследования выступают лексические конверсивы, выраженные в немецком языке рефлексивными глаголами (РГ), содержащими в своей структуре местоимение *sich* в Акк., а в русском языке РГ с постфиксом –ся в своей структуре и образованными от нерефлексивных глаголов (НГ).

Предмет исследования составляют семантические и синтаксические свойства конверсивов в сфере рефлексивного глаголообразования в немецком и русском языках.

Цель работы – выявить общее и отличительное конверсивных отношений в сфере немецких и русских РГ.

Задачи исследования:

1. Раскрыть механизм конверсивной трансформации НГ и их нерефлексивных конструкций (НК) в РГ и их рефлексивные конструкции (РК) в немецком и русском языках.

2. Установить изменения в синтаксической и смысловой структурах производных рефлексивных конверсивов в сопоставляемых языках.

3. Определить лексико-семантические группы НГ, участвующие в образовании конверсивных РГ/РК в немецком и русском языках, и выявить их продуктивность.

4. Выявить мотивирующую базу конверсивных НГ / РГ в русском и немецком языках.

5. Определить морфологические и грамматические свойства конверсивных РГ в русском и немецком языках.

Материалом исследования послужили РГ / РК и их НГ / НК, отобранные из Duden Universalwörterbuch, DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache), WDG (Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache), Национального корпуса русского языка, Толкового словаря русских глаголов, Словаря русского языка (всего: в немецком языке 744 глагола, из них 372 НГ и 372 РГ и в русском языке

734 глагола, из них 367 НГ и 367 РГ).

Для решения поставленных в работе задач используются такие **методы** и приемы лингвистического анализа:

1. Описательных метод, который делает возможным комплексное представление полученных результатов.

2. Метод компонентного анализа, с помощью которого выявляются интегральные и дифференциальные семы в семантике анализируемых глаголов.

3. Прием количественного анализа, который даёт возможность использовать количественные оценки эмпирических данных.

4. Сопоставительный метода для установления общего и отличительного в структуре и семантике конверсивных НГ / НК и их РГ / РК в сопоставляемых языках.

Практическое значение проведённого исследования определяется возможностью использования полученных результатов в процессе преподавания лексикологии немецкого языка, а также в научно- исследовательской работе студентов – при написании выпускных квалификационных работ.

2. Теоретические основы изучения конверсивности в языке

2.1. Подходы к изучению категории конверсивности в языке

И. А. Мельчук определяет конверсив как «слово, которое называет то же самое отношение, что и ключевое слово, но взятое в ином направлении», т. е. с перестановкой тех же актантов на другие места», ср.:

(2) а. *Учёный проводит анализ* → б. *Анализ проводится учёным*
[Мельчук 1999: 83].

В данном примере и происходит перестановка местами актантов *учёный* (см. (2а)) и *анализ* (см. (2б)), сопровождающаяся изменением

соответствия между их синтаксическими и семантическими ролями. В исходной НК (2а) слово *учёный* на синтаксическом уровне оформляет субъект (подлежащее) и обозначает на семантическом уровне агенса (исполнителя действия), а компонент *анализ* является объектом (дополнением) и обозначает пациенса. В производной РК (2б) носителем действия выступает уже агентивное дополнение *учёным*, в то время как подлежащее *анализ* обозначает пациенса действия. Ср. аналогично отношение в немецком языке:

(3) а. *Die Arbeiter (П / Ag) bauen das Haus (Д / Pt)* → б. *Das Haus (П / Pt) wird von den Arbeitern (Д / Ag) gebaut*, где П– подлежащее; Д– дополнение, Ag– агенс, Pt- пациенс.

Развивая эту мысль в морфологическом аспекте, Ю. Д. Апресян отмечает, что конверсивные отношения в русском языке находят отражение прежде всего в глагольной лексике, так как «глагол выработал специальную грамматическую форму, выражающую конверсивные отношения – форму действительного и страдательного залога. Следовательно, лексическая конверсия – явление залоговое» [Апресян 1974: 264].

Сходное мнение высказывает также И. А. Мельчук, считающий, что пассив является частным способом образования конверсивов [Мельчук 1999: 83].

Конверсивность как семантическая категория обозначает особый тип связи между участниками ситуации (X и Y), состоящий в очевидной производности одного (X) по отношению к другому (Y). Такую связь можно сформулировать следующим образом:

Если есть X, то есть и Y, ср.: *X покупает ↔ Y продаёт*.

Важным условием конверсивных отношений является способность ролевой или актантной структуры к обращению. Такая способность отмечается у двухвалентных глаголов, обладающими следующими признаками:

1. Набор семантических ролей у участников ситуации одинаковый, т. е. если X выступает в роли субъекта и объекта, то и у аналогичные роли (ср.: *покупать-продавать*).

2. Семантические роли X и у выступают в структуре предложения в различных синтаксических функциях [Апресян 1974: 264].

На семантическом уровне функция конверсиров заключается, в частности, в передачи различий в логическом ударении.

3. Различие в «определённости-неопределённости», которое Ю. Д. Апресян связывает с понятиями темы и ремы. Так, в предложении, (4а) *Свод упирается на колонны* подлежащее *свод* представляет собой тему предложения (т. е. известное), т. е. принадлежит к категории определённости, а предложное дополнение *на колонны* употребляется впервые, т. е. обозначает новое (рема). Конвертируя предложение (4а), получаем следующий пример: (4б) *Колонны поддерживают свод*. В предложении (4б) дополнение *свод* уже будет ремой и относится к категории неопределённости, и напротив, подлежащее *колонны* обозначает тему [Апресян 1974: 258].

4. Категория определённости-неопределённости, т. е. членение предложения на тему и рему, находит, т. о., своё отражение и на синтаксическом уровне.

О. Есперсен справедливо связывает лексические конверсивы и понятие активного и страдательного залогов, отмечая при этом смену функций между подлежащим и дополнением, или в «конвертировании дополнений» [Апресян 1974: 258].

Таким образом, можно сделать вывод, что тема-рематическая структура предложения (определённость-неопределённость) непосредственно связана с синтаксическим и с функциями подлежащего и дополнения.

2.2. Отношение конверсивности к смежным категориям

Отношение конверсии характерно прежде всего для глаголов, т. к. конверсивами могут выступать лишь слова, имеющие не менее двух семантических валентностей каждое (русс. *опираться – поддерживать; покупать – продавать*; нем. *kaufen – verkaufen; geben – nehmen*).

В конверсивные отношения способны вступать и глаголы, являющиеся элементами фразеологизированных сочетаний типа русс. *давать полномочия (кому-либо) – облекать полномочиями (кого-либо)*.

Помимо глаголов, конверсивными свойствами обладают также союзы, в частности: причинные (потому что; *da/weil*), уступительные (несмотря на/вопреки тому), компаративные (не столько, сколько) и др.

Другим источником конверсивности являются отглагольные имена, ср.: русс. *победа футболистов Барселоны над Реалом – поражение Реала от футболистов Барселоны*.

Продуктивным источником лексической конверсивности являются антонимичные качественные прилагательные и наречия, в частности с семантикой размера, скорости, времени, ср.:

русс. *быстро – медленно; маленький – большой*; нем. *früh – spät; hoch – klein*.

При конверсии в расчет принимаются только семантические валентности, независимо от того, выражаются ли они на синтаксическом уровне. В связи с этим не считаются конверсивами тройки типа *гладить кого-л. по волосам – гладить кому-л. волосы* [Апресян 1974: 259].

Конверсивы можно разбить на два класса. В первый класс входят пары типа *покупать – продавать*, а во второй – пары типа *лечить 1 (кого-л. от простуды) – лечить 2 (простуду)*.

Лексические единицы считаются конверсивами, если они удовлетворяют следующим условиям: (1) в толкованиях участвуют одни и те же предикаты; (2) лексические единицы имеют обращенные ролевые (или актантные) структуры; (3) лексические единицы относятся

к одной и той же (глубинной) части речи [Апресян 1974: 261].

Таким образом, можно сравнить конверсивы с синонимами и антонимами. Конверсивы схожи с синонимами по первому и третьему признакам, но различаются по второму: «синонимы должны иметь тождественные ролевые (или актантные) структуры» [Апресян 1974: 261].

Что касается антонимов, то и конверсивы и антонимы связаны между собой идеей обратности. Однако отношение валентных структур антонимов ближе к синонимам. Антонимами, как и синонимами, могут быть одновалентные и безвалентные слова, а конверсивы всегда не менее чем двухвалентны [Апресян 1974: 261].

Регулярными способами образования конверсиров считаются страдательные формы глагола (*лечить – лечиться*), производные отглагольные существительные со значением деятеля, объекта, инструмента, средства, места, результата действия и т. п. (*владелец – собственность*), антонимичные качественные прилагательные и наречия со значением размера, физического свойства, скорости, положения в пространстве и времени и некоторые другие (*выше-ниже*), антонимичные предлоги, обозначающие положение в пространстве или времени (до-после) [Апресян 1974: 261].

2.3. Терминологический аппарат исследования

Описание конверсивных РГ немецкого и русского языков производится на двух уровнях: семантическом и синтаксическом. Анализируемые конверсивные НГ / РГ рассматриваются в составе образуемых ими конструкций, т. о., объектом непосредственного анализа являются оппозиции нерефлексивная конструкция (НК) и рефлексивная конструкция (РК).

Для анализа семантического уровня в настоящей работе был использован следующий инвентарь семантических ролей: Агенс (Ag) – одушевленный производитель действия, совершающий

(преднамеренное) действие, контролирующий данное действие и способный по своей воле начать или, наоборот, прекратить его, например: *Мама* печет пироги; *Отцом* построен дом.

Адресант (Ad_n) – участник речевого акта, который создает речевое сообщение и отправляет его адресату (слушающему, пишущему), например: *Он* пишет мне письмо.

Адресат (Ad_r) – тот, для кого говорящий предназначает данный текст; участник, которому агент направляет информацию, желая, чтобы он ее воспринял, например: *Сестра* написала *мне* письмо.

Пациент (Pt) – объект, подвергшийся воздействию, состояние которого меняется под воздействием агенса или каузатора, например: *Витя* ударил *Петю*; *Ученика* похвалил учитель, *Деревья* гнутся от ветра.

Элементив (El) – стихийная сила как источник изменения в положении дел, например: *Молния* ударила в дерево; *Водой* унесло лодку, *Ветер* гнет деревья.

Каузатор (Caus) – инициатор / причина, вызывающая определенное изменение в состоянии объекта, например: *Болезнь* отца очень испугала ее.

Экспериенцер (Exp) – одушевленное лицо, являющееся субъектом восприятия или мыслительного процесса, носителем эмоций и т.п., в психической/ментальной сфере которого осуществляется ситуация, например: *Отец* смотрит телефильм; *Сестра* радуется подарку; *Погода* огорчает *лыжников*.

Инструмент (Ins) – предмет, посредством которого совершается действие, например: *Я* открываю дверь *ключом*.

Стимул (Stim) – источник информации при глаголах чувственного восприятия или источник непроизвольного переживания человека, например: *Фильм* нас радует.

Локатив (Loc) – место протекания действия, например: *Деревья* валяются *на ветру*.

В некоторых случаях было трудно однозначно определить характер семантической роли того или иного семантического актанта, в

таких случаях в работе используются обобщенные понятия *гиперроль субъекта (S)* и *гиперроль объекта (O)*.

На синтаксическом уровне участники конверсивных НГ / РГ выражаются с помощью синтаксических членов предложения. С этой целью в работе используются следующие элементы и их условные обозначения: 1) подлежащее, которое выражено именительным падежом (Nom); 2) прямое дополнение, выраженное винительным падежом (Akk); 3) косвенные дополнения, выраженные родительным (Об_{род}), дательным (Об_{дат}), творительным (Об_{твор}) падежами либо предложной группой (Об_{предл}).

Итак, рассмотрев различные подходы к категории конверсивности, можно сделать следующие выводы:

1. Конверсивность как семантическая категория обозначает особый тип связи между участниками ситуации (X и Y), состоящий в очевидной производности одного (X) по отношению к другому (Y). Такую связь можно сформулировать следующим образом:

2. Если есть X, то есть и Y, ср.: X *покупает* ↔ Y *продает*;

3. В конверсивные отношения вступают двухвалентные переходные глаголы.

4. Регулярными источниками конверсии выступают глаголы, отглагольные имена, антонимичные качественные прилагательные и наречия, а также страдательные формы залога, антонимичные предлоги, обозначающие положение в пространстве или времени.

5. Для описания конверсивных отношений в сфере НГ / РГ важными являются следующие семантические роли: агенс, пациенс, экспериенцер, бенефактив, каузатор, стимул, локатив, инструмент, элементив.

6. На синтаксическом уровне участники конверсивных НГ / РГ выражаются с помощью следующих синтаксических членов предложения: Nom, Akk, Об_{род}, Об_{дат}, Об_{твор}, Об_{предл}.

3. Структурно-семантические свойства конверсивных рефлексивных глаголов немецкого и русского языков

3.1. Морфологические и грамматические свойства конверсивных НГ / РГ

В словообразовательном отношении немецкие и русские конверсивные РГ образуются по единой модели «исходный неререфлексивный глагол (НГ) + sich/ся», ср.:

(1) русс. *радовать кого-л.* (например, о подарке) → *радоваться* чему-либо.

(например, подарку), аналогично: нем. *jmdn freuen* → *sich (über etw.) freuen*

Исходные НГ в обоих языках часто являются отадективными дериватами со значением каузация определенного свойства человеку, предмету, явлению, процессу и т.п. Значение данных НГ поясняется в словарях обычно через значение каузативного глагола *machen / (с)делать* и значение мотивирующего прилагательного, ср.:

(2) русс. *лучший* → *улучшить* <сделать лучше> → *улучшиться*; аналогично: нем. *besser* → *bessern* <*besser machen*> → *sich bessern*,

(3) русс. *худший* → *ухудшить* <сделать хуже> → *ухудшиться*, аналогично: нем. *schlechter* → *verschlechtern* <*schlechter machen*> → *sich verschlechtern*.

В ряде случаев НГ мотивируются именами существительными с конкретной и абстрактной семантикой, ср.:

(4) русс. *туман* → *туманить* → *туманиться*, аналогично: нем. *Nebel* → *benebeln* → *sich benebeln*

(5) русс. *страх* → *страшить* → *страшиться*; аналогично: нем. *Angst* → *ängstigen* → *sich ängstigen*.

Отмечены также НГ, производящими основами которых

выступают числительные или наречия, в немецком языке это производные наречия с количественным значением и содержащие в своей структуре продуктивный суффикс *-fach*, ср.:

(6) русс. *два* → *удвоить* → *удвоиться*; аналогично: нем. *zweifach* → *verzweifachen* → *sich verzweifachen*

В грамматическом отношении производящие НГ конверсивных РГ в сопоставляемых языках являются переходными (транзитивными), преимущественно двухвалентными глаголами, сочетающимися с различными типами прямых дополнений, а именно:

1) с *одушевленным* дополнением, ср.:

(7) русс. *злить кого-л.* → *злиться на кого-л.*, аналогично: нем. *jmdn. ärgern* → *sich über jmdn. ärgern*;

2) с *неодушевленным* дополнением, ср.:

(8) русс. *обозначить что-л.* <сделать хорошо заметным> (например, скулы человека) (о худобе) → *обозначиться (в ком-л.)* (например, о внутренней перемене); нем. *etw. ausbauchen* раздуть что-л. (например, парус, юбку на ветру) → *sich ausbauchen* раздуться

3) одновременно с *одушевленным* и *неодушевленным* дополнениями, ср.:

(9) русс. *оживить кого-что* (например, больного, торговлю и т. п.) → *оживиться*, аналогично: нем. *etw., jmdn. beleben* → *sich beleben*.

3.2. Дистрибутивные свойства конверсивных РГ

Семантико-синтаксический анализ НГ и их конструкций (НК), а также производных РГ и их рефлексивных конструкций (РК) свидетельствует о том, что конверсия происходит посредством актантной трансформации, т. е. путем изменения соотношения между семантическими и синтаксическими актантами, другими словами, иными словами меной позиции субъекта и объекта в актантной

структуре НК и РК. Например:

(10) а. *Der Wind baucht die Segel aus* 'Ветер раздувает паруса'. – б. *Die Segel bauchen sich im Winde aus* 'Паруса раздуваются на ветру'.

НК (10а) и их РК (10б) описывают денотативно сходную ситуацию (приобретение парусами на ветру формы выпячивающегося живота (*Bauch*)), но с изменением в них неодушевленными именами своих синтаксических позиций: в исходных НГ / НК неодушевленное имя *der Wind*, выступающее в семантической функции субъекта, стоит в позиции подлежащего, а в производных РГ / РК (10б) оно преобразуется в косвенное локативное дополнение, выраженное предложной группой *im Winde*. Мена позиции в структуре предложений наблюдается и у актанта *die Segel*: объект- дополнение в НК (10а) → субъект-подлежащее в РК (10б). РК (10б) описывает ту же ситуацию, что и исходная НК (10а), но из перспективы второго актанта, переводимого в коммуникативно главную позицию подлежащего [Виноградов 1972: 50-51].

Анализ референтных свойств конвертируемых имен существительных позволяет заключить, что в позициях подлежащего и дополнения в НК и РК в основном появляются имена, называющие:

- 1) неодушевленные предметы;
- 2) явления природы (ветер, шторм, туман, облака и т. д.);
- 3) человека, его состояние;
- 4) предметы, вещества, созданные человеком (артефакты);
- 5) события, процессы, например:

(11) нем. а. *Seine Philosophie reflektierte die historischen Ereignisse* 'Его философия отражала исторические события' – б. *Die historischen Ereignisse reflektierten sich in seiner Philosophie* 'Исторические события отражались в его философии'.

Особенно продуктивно конверсивные РГ образуются от глаголов, обозначающих каузацию определенного психо-эмоционального состояния человека. Ср:

(11) русс. а. *Его (ri) поведение возмущает (k) её (rj)* – б. *Она возмущается его поведением*, аналогично: нем. *Sein (ri) Benehmen empört (k) sie (rj)* – б. *Sie empört sich über sein Benehmen*, где ri – каузирующий субъект (агенс), rj – каузируемый объект (пациенс), k – каузативный глагол.

По мнению И. О. Иорданской, описание таких пар как чистых конверсивов опирается на трактовку слов со значением чувства-состояния. Эмоции, называемые такими глаголами, как *беспокоиться, беситься, восторгаться, восхищаться, изумляться, огорчаться, радоваться, сердиться, страшиться* и т. п., всегда трактуются языком как вызываемые в субъекте определенной оценкой некоторого события, а не как возникающие сами по себе; каузатив входит и в каждый из этих глаголов, и в производные от них существительные. Таким образом, транзитивные глаголы типа *беспокоить, бесить, восхищать* и т. п. оказываются конверсивами, а не каузативами, соответствующих нетранзитивных глаголов [Виноградов 1972: 50-51].

3.3. Конверсивные и декаузативные РГ

Конверсивные РГ частично пересекаются с декаузативными РГ, характеризующиеся тем, что у них «происходит вычитание каузативного смысла в смысловой структуре и остается второй компонент значения исходного НГ – инхоативный, стативный или акциональный» [Виноградов 1972: 38].

Например:

(12) а. русс. *Ежедневная гимнастика укрепляет организм* → б. *Организм укрепился*, в. *Организм укрепляется благодаря ежедневной гимнастике*, аналогично: нем. а. *Tägliche Gymnastik kräftigt den Organismus* → б. *Der Organismus hat sich gekräftigt*. в. *Der Organismus kräftigt sich durch tägliche Gymnastik*.

В обоих языках конструкции (12б) имеют декаузативное значение,

а конструкции (12в) являются конверсивными.

В исходной НК (12а) неодушевленный субъект (*tägliche Gymnastik*) каузирует объект (*den Organismus*) быть сильным (закаленным) (*kräftigen = stark machen*). В производной декаузативной РК (12б) описывается каузируемое состояние (*sich kräftigen = stark werden*), т. е. результат предшествующего каузирующего действия.

При наличии в производной РК (12в) дополнения причины (*durch tägliche Gymnastik*) появляется лексический конверсив, допускающий контекстуальную взаимозамену НК (12а) и РК (12в), однако данная пара является не собственно конверсивами, а квазиконверсивами, так как НГ и РГ (*etw. kräftigen → sich kräftigen*) различаются на каузативный смысл [Виноградов 1972: 40].

Декаузативные РГ, способные часто употребляться и как квазиконверсивные рефлексивы, обозначают:

1) возникновение, изменение и уничтожение объекта, ср.: русс. деформировать ↔ деформироваться / деформироваться из-за чего-л., аналогично: нем. *etw. verziehen ↔ sich verziehen/sich durch etw. verziehen*;

2) улучшение или ухудшение состояния предмета, ситуации, события и т. п. ср.: русс. ухудшать что-л. ↔ *ухудшаться* / *ухудшаться* из-за чего-л.; нем. *etw. verschlechtern / verschlimmern ↔ sich verschlechtern / verschlimmern / sich durch etw. verschlechtern*;

3) изменение психического, эмоционального и физического состояния человека, ср.: русс. возмущать кого-л. ↔ нем. *jmdn empören*, русс. возмущаться ↔ нем. *sich empören* и русс. возмущаться по поводу чего-л. ↔ *sich über etw. empören*.

3.4. Семантические типы немецких и русских конверсивных РГ

В немецком и русском языках выявлены следующие типы конверсивных отношений НГ / РГ:

1. Тип «каузировать / вызывать у кого-л. отрицательные эмоции», ср.:

(13) русс. а. Крутизна обрыва (Nom. / Caus.) *пугает* её (Akk. / Exp.). – б. Она (Nom. / Exp.) *пугается* крутизны обрыва (Ob_{gen.} / Caus.);

(14) нем. а. Die Zukunft (Nom. / Caus.) *ängstigt* sie (Akk. / Exp.) – б. Sie (Nom. / Exp.) *ängstigt sich* vor der Zukunft (Ob_{предл.} / Caus.);

2. Тип «каузировать у кого-л. положительные эмоции», ср.:

(15) русс. а. Поездка (Nom. / Stim.) радовала нас (Akk. / Exp.) → б. Мы (Nom. / Exp.) радовались поездке (Dat. / Stim.), Нем. Der Ausflug (Nom. / Stim.) *freute uns* (Akk. / Exp.) – Wir (Nom. / Exp.) *freuten uns über den Ausflug* (Akk. / Stim.);

3. Тип «раздуть – раздуться», ср.:

(16) а. русс. Ветер (Nom. / El.) раздувает паруса (Akk. / Pt.) → Паруса (Nom. / Ob.) раздуваются на ветру (Ob_{präp} / Lok.), аналогично: нем. Der Wind (Nom. / El.) *baucht die Segel* (Akk. / Pt.) *aus* → б. нем. Die Segel (Nom. / Ob.) *bauchen sich im Winde* (Ob_{präp} / Lok.) *aus*.

(17) а. русс. Туман (Nom. / El.) покрыл долину (Akk. / El.) → Долина (Nom. / O) покрылась туманом (Ob_{творит.} / El.), аналогично: нем. Der Nebel (Nom. / El.) *überzog das Tal* (Akk. / El.) → б. Das Tal (Nom. / O) *überzog sich mit Nebel* (Ob_{präp.} / El.).

4. Тип «выражать / воплощать – выражаться / воплощаться»

(18) а. Революция (Nom. / S) *воплощает* волю рабочего класса (Akk. / O). – б. Воля рабочего класса (Nom. / O) *воплощается* в революции (Akk. / Loc.);

(19) а. *Zunächst ist es leicht zu sehen, daß jene Elemente* (Nom. / S) *besonders intensiv dargestellt sind und drücken Wunscherfüllung* (Akk. / O) *aus* ‘Прежде всего, легко увидеть, что эти элементы изображены особенно ярко и выражают исполнение желаний’. – б. *Zunächst ist es leicht zu sehen, daß jene Elemente* (Nom. / S) *besonders intensiv dargestellt sind, durch welche sich die Wunscherfüllung* (Ob_{предл.} / S) *ausdrückt* ‘Прежде всего, легко увидеть, что элементы, посредством которых выражается исполнение желаний, представлены особенно интенсивно’.

3.5. Семантические типы русских конверсивных РГ

Существуют семантические типы конверсивных НГ / РГ, отмеченные только в русском языке, а именно: «гиперроль субъекта» (S) и «гиперроль объекта» (O).

1. Тип «выделять что-л. – выделяться из чего-л.», например:

(20) а. *Соединение* (Nom. / S) *выделяет серу* (Akk. / O). – б. *Сера* (Nom. / O) *выделяется из соединения* (Ob_{предл.} / S.);

2. Тип «вспоминать что-л. – вспоминаться кому-л.»

(21) а. *Он* (Exp. / S) *вспоминает вечер* (Akk. / Stim.). – б. *Вечер* (Nom. / Stim.) *вспоминается ему* (Dat. / Exp.);

3. Тип «каузировать кого-л. двигаться к кому-л.» – «двигаться к кому-л.», например:

(22) а. *Он* (Nom. / Ad_{г.}) *вернул* (т.е. заставил окриком двигаться обратно) *повара* (Akk. / Ad_{п.}) – б. *Повар* (Nom. / Ad_{п.}) *вернулся к нему* (Ob_{дат.} / Ad_{г.});

4. Тип «вместилище – содержание вместилища», например:

(23) а. *Шкаф* (Nom. / S) *вмещает все книги* (Akk. / O). – б. *Все книги* (Nom. / O) *вмещаются в шкафу* (Ob_{предл.} / Loc.);

5. Тип «быть представителем или знаком чего-л.», например:

(24) а. *Цифры* (Nom. / S) *обозначают числа* (Akk. / O). – б. *Числа* (Nom. / O) *обозначаются через цифры* (Ob_{предл.} / S);

6. Тип «валить – валиться». Значением фраз являются ситуации, в которых стихийная сила вызывает изменение положения или периодические колебания объекта.

(25) а. *Ветер* (El. / Nom.) *валит деревья* (Pt. / Akk.). – б. *Деревья* (Pt. / Nom.) *валятся на ветру* (Loc. / Ob_{предл.});

7. Тип «делать прерывистое движение частью тела», например:

(26) а. *Он* (Nom. / S) *болтает ногами* (Akk. / O). – б. *У него* (Ob_{предл.} / S) *болтаются ноги* (Nom. / O).

Рассмотрев структурно-семантические свойства конверсивных рефлексивных глаголов немецкого и русского языков, можно сделать следующие выводы:

1. В ходе исследования было установлено, что конверсивы образуются по единой модели «мотивирующая основа + sich / -ся». Мотивирующей основой чаще выступают глаголы, реже – существительные, наречия и числительные.

2. Производящие НГ конверсивных РГ в сопоставляемых языках являются переходными (транзитивными), преимущественно двухвалентными глаголами, сочетающимися с различными типами прямых дополнений, а именно: с одушевленным дополнением, с неодушевленным дополнением, одновременно с одушевленным и неодушевленным дополнениями.

3. В позициях подлежащего и дополнения в НК и РК в основном появляются имена, называющие: 1) неодушевленные предметы, явления природы (ветер, шторм, туман, облака и т. д.), человек, его состояние, предметы, вещества, созданные человеком (артефакты), события, процессы.

4. Конверсивные РГ частично пересекаются с декаузативными РГ, характеризующиеся тем, что у них происходит вычитание каузативного смысла в смысловой структуре.

5. В немецком и русском языках выявлены следующие общие семантические типы конверсивных отношений в сфере НГ / РГ: «вызывать отрицательные эмоции, «вызывать положительные эмоции», «раздуть – раздуться», «выражать – выражаться» (всего 4 типа).

6. Только в русском языке были выявлено семь семантических типов конверсивных НГ / РГ: «выделять что-л. – выделяться из чего-л.», «вспоминать что-л. – вспоминаться кому-л.», «каузировать кого-л. двигаться к кому-л.» – «двигаться к кому-л.», «вместилище – содержание вместилища», «быть представителем или знаком чего-л.», «валить – валиться», «делать прерывистое движение частью тела».

4. Заключение

1. Конверсивность как языковая категория проявляет себя в обратимости субъектно-объектных отношений предложения и реализуется посредством актантной трансформации, т. е. изменения соотношения между синтаксическими и семантическими актантами.

2. Конверсивные отношения как общезыковые явления универсальны по своей природе и обнаруживаются на различных уровнях языка (морфологическом, синтаксическом, словообразовательном, лексическом).

3. Рефлексивная конверсия проявляется в конвертируемости субъектно-объектных отношений в структуре исходной нерефлексивной (НК) и производной рефлексивной (РК). При этом денотативное значение НК и РК сохраняется, изменяется способ осмысления и направление описания денотативной ситуации из перспективы одного участника в НК и другого в РК, а также синтаксическое оформление субъекта и объекта действия.

4. Конверсивные РГ частично пересекаются с декаузативными РГ, утрачивающими каузативный смысл в ходе рефлексивной деривации. При выражении в декаузативных РК дополнения причины появляются квазиконверсивные РГ.

5. В позициях подлежащего и дополнения в НК и РК в основном появляются имена, называющие: неодушевленные предметы, явления природы (ветер, шторм, туман, облака и т. д.), человека, его состояние, предметы, вещества, созданные человеком (артефакты), события, процессы.

6. Декаузативные и квазиконверсивные РГ часто образуются от глаголов, обозначающих: а) изменение структуры, формы предмета, б) воздействие на эмоциональное, физическое и психическое состояние человека.

7. В русском и немецком языках были выделены следующие общие типы конверсивных отношений для НГ и РГ: «вызывать у кого-л. положительные эмоции», «вызывать у кого-л. отрицательные эмоции», «изменять форму – изменяться (о форме)».

8. Только в русском языке были выявлено семь семантических типов конверсивных НГ / РГ: «выделять что-л. – выделяться из чего-л.», «вспоминать что-л. – вспоминаться кому-л.», «каузировать кого-л. двигаться к кому-л.» – «двигаться к кому-л.», «вместилище – содержание вместилища», «быть представителем или знаком чего-л.», «валить – валиться», «делать прерывистое движение частью тела».

Список литературы

1. Адмони В. Г. Строй современного немецкого языка: пособие по курсу теор. грамматики для студентов пед. ин-тов (на нем. яз.) / В. Г. Адмони. – 2-е изд. – М.: Просвещение; Ленинград, 1966. – 284 с.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синоним. средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
3. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. – М.: «Наука», 1967. – 247 с.
4. Басыров Ш. Р. Типология глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках / Ш. Р. Басыров. – Донецк: ДонНУ, 2004. – 351 с. (Т. 1: Типологические, сравнительные, диахронические исследования).
5. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
6. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов / Э. Ш. Генюшене. – Вильнюс, 1983. – 168 с.
7. Генюшене Э. Ш., Никитина Н. П. Рефлексивные конструкции в английском языке / Э. Ш. Генюшене, Н. П. Никитина. – Калинин: КГУ, 1985. – С. 99–104.
8. Добричев С. А. Конверсивные отношения в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. А. Добричев. – М.: 2005. – 42с.
9. Девкин В. Д. Конфронтативная лингвистика / В.Д. Девкин. – К.: Лыбидь, 1990. – 144с.
10. Иванова И. Е. Репрезентация конверсивной лексики в современном русском языке и проблемы её лексикографирования / И. Е. Иванова. – Иркутск, 2016. – 182 с.
11. Ильинская О. Г. Языковая природа конверсии и типы конверсивов в современном русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О. Г. Ильинская. – М., 2006.
12. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
13. Князев Ю. П. Рефлексивные конструкции в славянских языках / Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках / Князев Ю. П., Недялков В. П. – Калинин: КГУ, 1985. – С. 20–40.
14. Куайн У. В. О. Слово и объект / У. В. О. Куайн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. – М.: Прогресс, 1986. – С. 24 – 98.

15. Мельчук И. А. Опыт теорий лингвистических моделей «Смысл- текст» / И. А. Мельчук. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – I–XXII, 346 с.
16. Недялков В. П. Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета / Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках / В. П. Недялков., Генюшене Э. Ш. – Калинин: КГУ, 1985. – С. 3–20.
17. Недялков В. П. Типология рецессивных конструкций: Рефлексивные конструкции / В. П. Недялков // Диатезы и залого: Тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». – Л.: Наука, 1975. – С. 21–33.
18. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики / М. Д. Степанова. – М.: «Высшая школа», 1968. – 198 с.
19. Ступак І. В. Похідні каузативні дієслова в німецькій та українській мовах / І. В. Ступак. – Донецьк, 2011. – 470 с.
20. Холодович А. А. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / А. А. Холодович. – Л.: Наука, 1969. – 311 с.
21. Храковский В. С. Проблемы теории грамматического залога / В. С. Храковский. – Л.: Наука, 1978. – 288 с.
22. Чейф У. Л. Значение и структура языка; пер. с англ. Г. С. Щура; послесл. С. Д. Кацнельсона; ред. Н. Т. Беляева. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
23. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
24. Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология / Н. А. Янко-Триницкая. – М.: Рус.яз., 1982. – 246 с.
25. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen: M. Niemeyer, 1992. – 375 S.
26. Freywald U., Simon, J. Horst Wenn die Wortbildung die Syntax stört: Über Verben, die nicht in V2 stehen können / Kauffer Maurice, Rene Metrich // Verbale Wortbildung im Spannungsfeldzwischen Wortsemantik, Syntax und Rechtsschreibung. – Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2011. – 222 S.
27. Gelhaus H. Die Wortarten / H. Gelhaus // DUDEN – Die Grammatik. – URL: https://cloud.mail.ru/public/M5Tz/HBA5WJRuR/DUDEN%20-%20Die_Grammatik.pdf.
28. Kutscher S. Kausalität und Argumentrealisierung / S. Kutscher. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009. – 266 S.
29. Lohde M. Wortbildung des modernen Deutschen: Ein Lehr- und Übungsbuch / M. Lohde. – Narr Francke Attempto Verlag, 2006. – 352 S.
30. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik: Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre / W. Schmidt. – 4. Aufl. – Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verl., 1973. – 332 S.
31. Welke K. Konstruktionsgrammatik des Deutschen / K. Welke. – URL: https://www.researchgate.net/publication/340446653_Konstruktionsgrammatik_des_Deutschen_2019_Inhaltsverz_Kap_1_und_2.

Список лексикографических источников

- Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/new>.
- Розенталь Д. Э. Словарь лингвистических терминов. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php.
- Duden Universalwörterbuch. – URL: <https://www.duden.de>.
- DWDS: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. – Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. – URL: <https://www.dwds.de>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

ДРОЗДОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода.

Выпускник Донецкого государственного университета, окончил аспирантуру в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени М. Горького. В 1992 году защитил кандидатскую диссертацию в Киевском национальном университете им. Т. Шевченко по исторической морфологии американского варианта английского языка. В своё время работал переводчиком английского и французского языков в десяти странах на четырёх континентах. В 2020 году защитил докторскую диссертацию по англоязычным креолям Карибского бассейна. Преподаёт теоретическую грамматику и историю английского языка, практический курс перевода, руководит научной работой студентов и аспирантов факультета иностранных языков ДонГУ. Член диссертационного совета 24.2.489.01 на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Автор более 100 научных статей и двух монографий. Сферу научных интересов составляют варианты полинациональных литературных языков, проблемы языковых контактов, пиджины и креоли на англоязычной основе.

ВЕТРОВА ЭЛЬВИРА САБИРОВНА – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода.

Выпускница Донецкого государственного университета. Окончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию (2004 г.) в Донецком национальном университете. Окончила докторантуру Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (2016 г.). В 2018 году защитила докторскую диссертацию по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Преподаёт курсы: «Основы теории межкультурной коммуникации», «Проблемы теории перевода и сопоставительная лингвистика», «Актуальные проблемы современной лингвистики», «Методология и методы научных исследований», «Основы теоретической лингвистики», руководит научной работой студентов и аспирантов факультета иностранных языков ДонГУ. Член диссертационного совета 24.2.489.01 на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки). Член редакционной коллегии научного журнала факультета иностранных языков «Studia Germanica, Romanica et Comparatistica».

Автор более 80 научных и учебно-методических работ, 1 монографии. Сфера научных интересов: сопоставительная лингвистика, межкультурная коммуникация, речевой этикет и культура общения.

УСОВА НИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии.

Выпускница Донецкого государственного университета. В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию «Фонетические средства выразительности онимов в звуковом строе поэтического произведения». Закончила докторантуру на кафедре общего и исторического языкознания Донецкого национального университета. В 2019 году защитила докторскую диссертацию по двум специальностям: «германские языки» и «русский язык». Преподает теоретическую грамматику, страноведение немецкого языка, основы теории немецкого языка, практические курсы по переводу и по культуре речевого общения на немецком языке, руководит научной работой студентов и аспирантов факультета иностранных языков ДонГУ. Член диссертационного совета 24.2.489.01 на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Автор монографии и более 90 научных публикаций. Сферу научных интересов составляют актуальные вопросы лексикологии и ономастики германских и славянских языков, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, а также междисциплинарные направления филологии.

ФАТЬЯНОВА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для экономических специальностей.

Выпускница Горловского государственного педагогического института иностранных языков. В 2013 г. защитила кандидатскую диссертацию в Одесском национальном университете им. И. И. Мечникова по когнитивной лингвистике. В 2023 г. защитила докторскую диссертацию по дискурсологии в Донецком государственном университете. Преподает теоретические дисциплины «Язык и общество», «Сщциолингвистика», «Страноведение» и практические «Иностранный язык», «Иностранный язык в профессиональной коммуникации», «Деловой английский язык», «Практический курс первого иностранного языка», руководит научной работой студентов и аспирантов факультета иностранных языков ДонГУ. Учёный секретарь диссертационного совета 24.2.489.01 на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Автор более 50 научных статей. Сферу научных интересов составляет когнитивная лингвистика и дискурсология, политическая лингвистика.

РАСТАРАСОВА ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА – преподаватель кафедры германской филологии Донецкого государственного университета.

Выпускница Донецкого государственного университета. Преподает практическую грамматику и практическую фонетику немецкого языка, практический курс устного и письменного перевода, практикум культуры речевого общения.

Автор восьми научных статей. Сферу научных интересов составляют конверсивность, возвратные глаголы, возвратные конструкции и их семантика в немецком и русском языках.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Дроздов Владимир Александрович
Ветрова Эльвира Сабировна
Усова Нина Васильевна
Фатьянова Ирина Валерьевна
Растарасова Екатерина Константиновна**

Языковые единицы в системе и в дискурсе

Монографическая серия
«Типологические, сопоставительные
и диахронические исследования»

Т. 23

Электронное текстовое издание

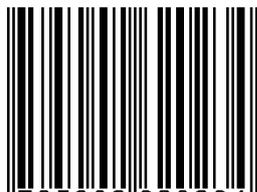
Подписано к использованию 02.12.2025.

Объем издания – 4,95 МБ

Язык издания: *русский*

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

ISBN 978-5-00262-023-4

9 785002 620234 >

ДРОЗДОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ –
доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры теории и практики перевода
Донецкого государственного университета.
Автор более 100 научных статей и двух монографий.

ВЕТРОВА ЭЛЬВИРА САБИРОВНА –
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики перевода
Донецкого государственного университета.
Автор более 100 научных статей и одной монографии.

УСОВА НИНА ВАСИЛЬЕВНА –
доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры германской филологии
Донецкого государственного университета.
Автор более 90 научных статей и одной монографии.

ФАТЬЯНОВА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА –
доктор филологических наук, доцент, заведующий
кафедрой английского языка для экономических
специальностей Донецкого государственного
университета. Автор более 50 научных статей.

РАСТАРАСОВА ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА –
преподаватель кафедры германской филологии
Донецкого государственного университета.
Автор восьми научных статей.